
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2023 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

МОСКВА 2023

ББК 63
С 69

DOI: 10.31249/rhist/2023.01.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел истории

Редакционная коллегия серии «История»:

И.К. Богомолов – главный редактор, канд. ист. наук (ИНИОН РАН);
Т.Б. Уварова – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГГУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН);
И.Е. Андронов – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *В.Н. Бабенко* – д-р ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *Д.М. Бондаренко* – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН, доцент ГСГУ);
Дж. Лами – профессор (Миланский государственный университет, Италия);
В.П. Любин – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ведущий редактор (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН), *В.М. Шевырин* – канд. ист. наук (независимый эксперт).

ISSN 2219-875X

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компании ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН РАН. Полнотекстовая версия журнала с 2016 г. размещается в базах данных серии Ultimates компании EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Алиев А.А.-Г. «Кастинг веры» князя Владимира. Факты и домыслы	7
Суздальцев И.А. Коминтерн: новые подходы в исторической науке	23
Эман И.Е. Современные прочтения проблем завершающего этапа Рисорджименто в итальянской историографии.	44

ОБЗОРЫ

Комзолова А.А. Польское восстание 1863–1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков	68
Бабенко О.В. Проблемы истории российских евреев конца XVIII – начала XXI в. в новых отечественных исследованиях.	75
Петрухина Д.В. Жизнь в дельте: о переплетениях природного и социального в устьях рек	89
Дунаева Ю.В. Новая литература и документы по истории эпидемий.	102

РЕЦЕНЗИИ

Дунаева Ю.В. <i>Рец. на кн.:</i> Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни. (Биографические разыскания)	117
Медовичев А.Е. <i>Рец. на кн.:</i> Мехмадиев Е.А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в.: Административно-территориальный и социальный аспекты развития	122

Минц М.М. <i>Рец. на кн.: Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма</i>	131
---	-----

РЕФЕРАТЫ

Главное справочное бюро в Константинополе, 1920–1922 гг.: Именные списки беженцев и чинов Русской армии: сборник документов. Вып. 1	137
Кёрбер Дж. Пограничное поколение: советские и польские евреи под властью Гитлера	140
Файнберг Д. Корреспонденты холодной войны: советские и американские репортёры на идеологическом фронте	145
Голубев А. Повседневные вещи: материальный мир поздней Советской России	150

CONTENTS

ARTICLES

<u>Aliev A.A.G.</u> «Casting of faith» of prince Vladimir. Facts and speculation	7
Suzdaltsev I.A. The foundation of the Comintern: a new look in historical science	23
Eman I.E. Modern readings of the problems of the final stage Risorgimento in Italian historiography	44

OVERVIEWS

Komzolova A.A. The polish uprising of 1863–1864 in the context of european diplomacy: contemporary assessments by russian historians	68
Babenko O.V. Problems of the history of Russian Jews of the late XVIII – early XXI century in new domestic studies	75
Petruhina D.V. Life in Delta: intertwining of environmental and social in the river mouths	89
Dunaeva Y.V. New literature and documents on the history of epidemics	102

REVIEWS

Dunaeva Y.V. <i>Rec. ad. op.</i> : Litvina A.F., Uspensky F.B. Godunov in the circle of relatives. (Biographical research)	117
Medovichev A.E. <i>Rec. ad. op.</i> : Mehamadiev E.A. Military Organisation of the Visantian empire in the VII – first half-vice IX C.: administrative-territorial and social aspects of development	122
Mints M.M. <i>Rec. ad. op.</i> : Velikanova O. The 1936 constitution and the mass political culture of Stalinism	131

ABSTRACTS

The main information bureau in Constantinople, 1920–1922: Nominal lists of refugees and officials of the Russian Army. Collection of documents. Issue. 1	137
Koerber J. Borderland generation: Soviet and Polish Jews under Hitler	140
Fainberg D. Cold War correspondents: Soviet and American reporters on the ideological frontlines	145
Golubev A. The things of life : materiality in late Soviet Russia	150

СТАТЬИ

УДК 2–9; 94(47).025

АЛИЕВ А.А.-Г.* «КАСТИНГ ВЕРЫ» КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА.
ФАКТЫ И ДОМЫСЛЫ
DOI: 10.31249/rhist/2023.01.01

Аннотация. История выбора религии для Руси сохраняет свою актуальность и в настоящее время, когда христианство и ислам сосуществуют на территории многих регионов России на протяжении тысячелетия. Некоторые исследователи ставят под сомнение реальность событий X в., описанных в «Повести временных лет». Информация об исламе была представлена князю Владимиру посланниками из Волжской Булгарии в очень сжатом виде и не могла служить достаточным основанием для знакомства с религиозным учением. Многочисленные цитаты из Корана доказывают, что догматы традиционного ислама прямо не противоречили особенностям быта русичей в X в. В то же время анализ древнеславянского языка и геополитической ситуации того времени указывает на высокую вероятность того, что сюжет о выборе веры для Руси в «Повести временных лет» стал результатом более позднего социального заказа.

Ключевые слова: Русь, X в.; князь Владимир – креститель Руси; выбор веры.

ALIEV A.A.G. «Casting of faith» of prince Vladimir. Facts and speculation

* Редакция журнала публикует отрывок из незаконченной монографии **А.А.-Г. Алиева** «Исламский крест России». Подробнее об авторе см.: <http://inion.ru/ru/about/personalities/aliev-arif-ali-guseinovich/>

Abstract. The history of Russia's choice of religion is still relevant today, with Christianity and Islam coexisting in many regions of Russia for a millennium. Some scholars have questioned the reality of the tenth-century events described in the Tale of Bygone Years. Information about Islam was presented to Prince Vladimir by envoys from Volga Bulgaria in a very brief form, and could not serve as a sufficient basis for his acquaintance with religious teachings. Numerous quotations from the Koran prove that the tenets of traditional Islam did not directly contradict the peculiarities of Russian life in the 10th century. At the same time, an analysis of the Old Slavonic language and the geopolitical situation of the time indicate a high probability that the story of the choice of faith for Rus' in the Tale of Bygone Years was the result of a later social order.

Keywords: Russia, 10th century; Prince Vladimir – baptiser of Russia; choice of faith.

Для цитирования: Алиев А.А.-Г. «Кастинг веры» князя Владимира. Факты и домыслы (Фрагмент монографии) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 7–22. DOI: 10.31249/rhst/2023.01.01

Многонациональная Россия в последнее десятилетие уделяет много внимания реновации религиозных праздников: торжество 1000-летия крещения Руси сменилось не менее пышным празднованием 110-летия принятия ислама Волжской Булгарией. Подобные даты невольно возвращают внимание исследователей к истории их появления. Долгое вынужденное совместное существование двух религий на одной территории привело к тому, что многовековая теологическая полемика, начало которой положила неисчерпаемая для историков-религиоведов тема «выбора веры» для Руси, наполнилась общеисторическим содержанием. Сегодня ислам рассматривается как часть российской государственности и культуры.

Вопрос о том, был ли «кастинг религий», представленный князю Владимиру, реальным или стал выполнением более позднего «социального заказа», всегда занимал ученых – от В.Н. Татищева, А.А. Шахматова и А.Л. Шлецера до Н.Л. Рубинштейна и Л.Н. Гумилева; от Б.А. Рыбакова и В.Т. Пашуто до Р.Г. Скрынникова, И.Я. Фроянова и Н.П. Похилько. И сегодня этот вопрос вол-

нует многих не перечисленных здесь историков, кроме, пожалуй, идеологов РПЦ, принимающих слова летописца на веру и не размышляющих над тем, что «кастинга» в том виде, как он представлен в «Повести Временных лет» (ПВЛ), просто не могло быть.

Что же в этой запутанной истории могло быть на самом деле? Подобного рода сюжеты не появляются на пустом месте. Скорее всего, отражение в ПВЛ истории с «выбором веры» являлось отголоском реальных событий. Не исключено, что в окружении Владимира были отмечены ходоки-миссионеры. Это вполне могли быть болгарские или даже арабские улемы. Не исключены также встречи и беседы на религиозные темы князя с учеными мужами, прибывшими из Византии, чьи имена история не сохранила, поэтому они остались в памяти безликими «философами».

Бесспорно, рассказы о «выборе веры» являются легендами. Однако за любой легендой стоит реальность, которая свидетельствует о крайне необъективном отношении летописца к представителям других конфессий, особенно когда речь заходит об изложении сюжета об исламе. Это место в повествовании не только вызывает массу вопросов у исследователей, но и является сохранившимся до настоящего времени «клише» представлений о сторонниках ислама.

Отвлекаясь от традиционных обсуждений вопроса «выбора веры», касающихся главным образом историчности происходящего, анализа источников и времени появления рассказа о «кастинге» представителей разных конфессий, влияния на выбор веры формы «государственности», анализа политических амбиций князя и т.д., попробуем взглянуть на сюжет, связанный с отказом Владимира от ислама, с другой стороны.

Станным сразу представляется то, как прибывшие из Волжской Булгарии посланцы осветили перед князем сущность исламской догматики, которая свелась к отказу от свинины и алкоголя, обрезанию и блуду. С позиций сегодняшнего дня можно попробовать найти объяснения этому примитивизму: согласно мусульманской традиции, Коран, как было сказано в Суре 16, аят 105 (103), был ниспослан Мухаммаду на языке арабском, «яс-

ном, чистом»¹, и поэтому он мог быть переведен на другие языки только в виде передачи смыслов. Не отсюда ли столь поверхностные знания у народа, совсем недавно принявшего ислам, или у исполнителя социального заказа по дискредитации религии, ведь возможные прибывшие к Владимиру «знатоки» ислама основной упор сделали на положениях, из которых не все являются основополагающими.

Они, согласно повествованию, говорили: «Веруемъ Богу, а Бохъमितь ны учить, глаголя: обрезать уды тайныя, а свинины не ести, а вина не пити, и по смерти съ женами похоть творити блудную»². Напомним, что в классическом исламе (Коране) обряд обрезания крайней плоти не упоминается. Тексты, в которых Мухаммад якобы рекомендовал осуществлять этот обряд мусульманам, – это ссылки на хадисы, сборники рассказов о его жизни и деятельности, не являющиеся безупречными с точки зрения достоверности.

Мухаммад, несомненно, был знаком с этим обрядом, так как он традиционно осуществлялся иудеями, населявшими Медину, где он жил. Однако он не счел нужным вводить его в догматику, сделав его обязательным для последователей религии, считая, как сказано в Суре 95 «Смоковница» аяте 4, что «Мы создали человека совершенным»³. Существуют предположения, что таким образом он как бы сепарировал своих последователей от иудейства. Таким образом, в период описываемого в ПВЛ «кастинга религий» перед неопитами обрезание как обязательная процедура вхождения в круг последователей Пророка не входило.

Далее болгарские «мудрецы» почему-то среди пищевых запретов, установленных исламом, упоминают лишь употребление свинины – «свинины не ести»⁴. Аргумент кажется автору ПВЛ

¹ Коран / пер. с араб. и коммент. И.Ю. Крачковского. – 2-е изд. – Москва : Волокно, 1990. – С. 230.

² Повесть временных лет // Древнерусская литература. Тексты. – 6494. (Далее – ПВЛ). – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/povest-vremennyyh-let/nachalo-knyazhenya-svyatoslavlya.htm>

³ Коран / пер. с араб. А.Г. Гафурова. – Москва : Славянский диалог, 2000. – С. 495.

⁴ ПВЛ. – 6494.

особенно весомым, как будто этот вид пищи был основным в рационе жителей дохристианской Руси, хотя это далеко не так. Простой люд довольствовался другой едой. В целом рацион низшего сословия славян X в. составляла в первую очередь растительная пища: леса были полны грибов и ягод; на возделанных полях сеяли просо, пшеницу, рожь, ячмень, гречиху. Из злаковых готовили каши, а также зерна злаковых перемалывали в муку или просто употребляли размоченными или поджаренными. Широко использовалось рыболовство: речную и озерную рыбу сушили на солнце – так она хранилась дольше. Особыми видами промысла были бортничество и охота. Кроме того, древние славяне разводили домашних птиц – кур, уток, гусей, а также голубей, и птичье мясо было достаточно распространенным, хотя и праздничным блюдом. Занятие животноводством во многом зависело от мест обитания: в разведении у древних славян были лошади, овцы, коровы и свиньи. В степных районах центральной части Руси лошадями держали целыми табунами. Запрета на употребление в пищу конины на Руси не было, но употребляли ее, вероятно, в исключительных случаях: во время голода 971 г. упоминается стоимость конской головы в полгривны. Разведение овец привело славян к умению обрабатывать шерсть, а свиней особенно часто разводили там, где было много дубовых лесов и, соответственно, желудей (см. об этом подробнее: [4]).

Изучение видового состава костных останков того исторического периода показывает, что именно охота и рыболовство были одной из важнейших отраслей ведения хозяйства. Osteологический материал археологических раскопок в слоях X в. в Новгороде показал, что в тот период пищевой рацион был довольно широким: большое количество рыбных костей, широкий видовой состав диких птиц, главным образом водоплавающих [5]. А находки на Ярославовом дворище в Великом Новгороде убедительно свидетельствуют о том, что на первом месте по широте распространения и по численности стоят овцы, а затем уже свиньи [там же].

Присмотримся к яствам на столе зажиточного русича. Пищевой рацион обеспеченных слоев, если верить самой Повести, был далеко не скудным. Еще летом 969 г. отец Владимира, размышлявший о переезде из Киева в «Переяславци в Дунаи», перечислял своей матери прелести нового места жительства: «...ту вся

благая сходяться: от Грекъ паволокы, золото, вино и овощи различьнии, и и-Щеховъ и изъ Угорь – серебро и комони, изъ Руси же – скора, и воскъ, и медь и челядь»¹. Отметим, что в понятие «овощи» входили и самые различные фрукты. Уже в то время стол русских князей и богатых людей, по мнению Я. Пейскера, украшали соленые лимоны, изюм, гречские орехи и прочие дары восточных стран, а мед был не только повседневным продуктом питания, но и предметом внешней торговли (см. об этом подробнее: [4]). А уже в период царствования Владимира, в лето 996 г., описывается пир: «И бываше на обеде томъ множество от мясь, и от скота и от зверины, и бяше же изобилью всего», а по городу возили и раздавали немощным «...хлебы, мяса, рыбы и овощъ разноличьный и медь въ бочках, а въ другыхъ квасы...»².

Даже небольшие приведенные отрывки свидетельствуют о том, что при таком разнообразном рационе питания отказ от свинины никак не мог быть решающим аргументом для отказа от принятия ислама. Другие же аргументы, ограничивающие ее использование в предлагаемой религии, не приводятся. А ведь в Коране перечень запретной пищи намного шире (сура 2, аят 168 (173); сура 5, аят 4 (3); сура 6, аят 146 (145); сура 16, аят 116 (115)). Самый подробный перечень запретов можно найти в суре 5 «Трапеза». В переводе Ю.И. Крачковского она звучит так: «Запрещена вам мертвечина, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото с призыванием не Аллаха, и удушенная, и убитая ударом, и убитая при падении, и забоданная, и то, что ел дикий зверь, – кроме того, что убьете по обряду, – и то, что заколото на жертвенниках, и чтобы вы делили по стрелам. Это – нечестие»³. О чем это говорит? Либо о незнании «мудрецами» или летописцами текста Корана, либо об их непонятном желании скрыть от Владимира перечень другой не рекомендованной пищи. Возможно позже, после принятия христианства, Владимир узнает, что и в Библии относительно свинины существуют вполне конкретные предписания: «А свинья, хотя копыта раздваивает, но жвачки не жует, нечиста она для вас; мяса их не ешьте и к трупам их не прикасайтесь» (Втор. 14:8) или «А те,

¹ ПВЛ. – 6477.

² Там же. – 6504.

³ Коран / пер. с араб. и коммент. И.Ю. Крачковского. – С. 102.

кто... едят свиное мясо и мерзость и мышей, погибнут, говорит Господь» (Ис. 66:17).

В целом к свиньям, а точнее к кабанам (вепрям), в библейских текстах сквозит весьма настороженное отношение. К примеру, в Псалме LXXIX, 14 описано, как Иудейскую церковь, уподобленную виноградной лозе, подрывает и объедает лесной вепрь. Библейская энциклопедия трактует этот сюжет как иносказательный, отражающий в виде свирепого и тупого животного, не только пожирающего плоды, но и портящего своими клыками всю лозу, образ врага [3, кн. 1, с. 372].

По какой-то причине ни вепри, ни кабаны не присутствовали в русском фольклоре X в. как тотемные животные, хотя в фольклоре многих стран их наделяли силой, выносливостью и даже интеллектом. С древнейших времен у кельтов кабан почитался как святое животное, в Китае символизировал богатство лесов, у индусов кабан олицетворял третью инкарнацию Вишну, в греко-римской традиции был посвящен Аресу (Марсу) как символ борьбы и разрушения и т.д. Само же слово «свинья» у русичей, согласно Историко-этимологическому словарю современного русского языка, фиксируется в памятниках письменности только с XI в. (см. об этом подробнее: [7]).

Совершенно непонятно, почему болгарские проповедники не озвучили Владимиру те послабления, которые следуют в Коране непосредственно после слов о запрете (и совершенно понятно, если сюжет является более поздней вставкой летописца). К примеру, аят 146 (145) в суре 6 «Скот» заканчивается так: «Кто же вынужден, не будучи распутником или преступником, – то Господь твой – прощающ, милосерд!»¹. Другими словами, даже если в Коране упоминается в качестве запретной пищи используемая русичами свинина, то этот грех будет прощен людям уверовавшим. А в суре 5 «Трапеза», аяте 94 (93) прямо сказано: «Нет греха на тех, которые уверовали и творили благие дела, в том, что они вкушают...»². Впрочем, еще большие послабления можно найти и в Новом Завете у христиан: «Ешьте любое мясо, продаваемое на мясном рынке, не задавая вопросов, вызываемых укорами совести,

¹ Коран / пер. с араб. и коммент. И.Ю. Крачковского. С. 131.

² Там же. С. 113.

ибо “земля и все на ней принадлежит Господу”» (1 Кор. 10:25–28).

Резко Владимир отреагировал на слова болгар о запрете на потребление вина: «Руси веселье питье, не можемъ безъ того быти»¹. Действительно, на всех пирах эпохи князя Владимира было принято пить мед до застолья, для возбуждения аппетита, и в заключение пиров (даже древнее славянское название которых *пирь* произошло от слова *пити*). Особенно большими пиршествами были погребальные тризны, на которых славяне пили уже сверх всякой меры. Ибн-Фадлан упоминает, что русы пьют днем и ночью, а иногда даже умирают с кубком в руках [6], причем участие в попойках было правом не только мужчин, но и женщин. Пищу запивали слабоалкогольным квасом, изготовленным из различной муки или печеного хлеба и солода.

Нужно отметить, что, говоря об обязательном отказе от алкоголя, болгарские посланцы поступили нерационально, ибо, строго говоря, Коран не содержит полного запрета на потребление вина. При внимательном прочтении соответствующих коранических аятов обнаруживается, что эти запреты носят скорее рекомендательный характер. Объясняется это просто: потребление хмельных напитков было распространенным явлением на аравийском полуострове, и Мухаммад, проповедуя ислам среди соплеменников, не мог резко остановить их потребление. Поэтому вводимые им ограничения следовали от более легких в сторону более жестких. Вот как это можно проиллюстрировать: «И из плодов пальм и лоз вы берете себе напиток пьянящий и хороший удел. Поистине, в этом – знамение для людей разумных» (сура «Пчелы», аят 16:69 (67))². Более жесткое напутствие, содержащееся в суре «Корова» аяте 2:216 (219), выглядит так: «Они спрашивают тебя о вине и *майсире*. Скажи: “В них обоих – великий грех и некая польза для людей, но грех их – больше пользы”»³. Еще: «Сатана желает заронить в вас вражду и ненависть вином и *майсиром* и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы» – (сура «Трапеза» 5:93 (91))⁴. И как на-

¹ ПВЛ. – 6494.

² Коран / пер. с араб. и коммент. И.Ю. Крачковского. – С. 226.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 113.

путствие в суре «Женщины», аяте 4:46 (43) звучит: «О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны, пока не будете понимать, что вы говорите...»¹.

Более того, в Коране есть описание рая, куда попадут истинно верующие мусульмане, в котором перечислены блага, среди которых важное место занимает вино. Эти блага, возможно, предоставляются, так сказать, «в порядке компенсации» за воздержание при земной жизни.

«Образ сада, который обещан богобоязненным: там – реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих» дан в суре «Мухаммад», аят 16 (15)². Или сура «Обвешивающие» аят 83:25 (25), уточняется: «Поят их вином запечатанным»³.

Почему же болгары не успокоили Владимира сообщением о том, что в Коране правоверным обещаны «реки вина» после смерти? Не знали о существовании этих сур Корана, или более поздний рассказчик по каким-то причинам решил об этом не сообщать? Здесь – в вопросе об употреблении горячительных напитков – ниточка тянется и к библейским канонам⁴.

Вот несколько примеров прямой библейской трактовки отношения христиан к вину:

– «И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство...» (Еф. 5:18);

– «Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином» (Ис. 5: 11); «...вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с тобою» (Лев. 10:9); «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством...» (Лк. 21:34);

– «У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать [вина] приправленного. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в ча-

¹ Коран / пер. с араб. и коммент. И.Ю. Крачковского. С. 86.

² Там же. С. 416.

³ Там же. С. 493.

⁴ Так, вино в Библии упоминается 450 раз. Святой Павел в одном из своих посланий советовал Тимофею поправить здоровье вином (см.: [9]).

ше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид» (Притч. 29, 30, 31, 32);

– «Вино – глумливо, сикера – буйна; и всякий, увлекающийся ими, неразумен (Притч. 20:1);

– «Кто находит удовольствие в трате времени за вином, тот в своем доме оставит бесславие» (Притч. 12:11).

И, наконец, в качестве главной «наживки» для любвеобильного Владимира болгары приберегли слова: «...по смерти съ женами похоть творити блудную. Дасть Бохъмить комуждо по семидесять жень красень, и избереть едину красну, и всехъ красоту възложит на едину, и та будеть ему жена. Зде же, рече, достоить блудь творити всякий»¹.

Это описание намного скромнее данного в Коране, размещенного в разных его сурах. Известный улем ат-Тирмизи в своем сборнике хадисов «Сунан» свел их воедино. Суммированно их описание можно представить следующим образом. «Гурия – это красивейшая молодая женщина с прозрачным телом. Ее костный мозг просвечивает, как прожилки внутри жемчужин и рубинов. Она напоминает красное вино в белом бокале. Ее цвет белый, и она свободна от обыденных физических изъянов повседневной жизни женщины: от менструаций, менопаузы, необходимости мочиться и облегчать кишечник, от деторождения и связанной с ним скверны. Гурия – девушка нежного возраста, у нее пышные груди, они округлы и не отвисают. Гурии обитают во дворцах, стоящих в роскошных предместьях» (цит. по: [1, с. 37–38]).

Но, говоря о наслаждении, которое получит мусульманин-праведник в раю, болгары специально могли умолчать о наложенном Кораном ограничении числа жен в земной жизни четырьмя (сура «Женщины», аят 3)², хотя в доисламской Аравии была широко распространена полигамия с неограниченным числом женщин. Что касается летописца, то можно предположить, что он промолчал об этом не по незнанию, а чтобы не делать сравнения с ограничениями в христианской религии, рекомендующей моногамию. Болгары же не хотели огорчать Владимира, считая, что четырех жен ему явно будет мало: «Бе же Володимиръ побежень

¹ ПВД. – 6494.

² Коран / пер. с араб. А.Г. Гафурова. – С. 52.

похотью женьскою... И наложницы у него 300 въ Вышегороде, 300 в Белегороде, а 200 на Берестовемъ в сельци, еже зовут и ныне Берестовое. И бе несуть блуда, и приводя к себе мужьскыя жены и девицы растляя»¹, потому и сделали акцент на 70 гуриях в раю, чего нет в Коране и что было взято из хадисов.

Можно долго критиковать болгарских посланников за их неумение вести переговоры и упущенные возможности для привлечения князя Владимира к исповеданию ислама. Однако при этом возникает естественный вопрос: о чем же все-таки должны были говорить болгары, чтобы сказанное ими отвечало требованиям целесообразности, или что в их уста для достоверности должен был вложить летописец?

В исламе существуют так называемые «пять столпов» веры, без знания которых человек не может быть приобщенным к религии и которые известны даже неопитам. Возможно, они не упомянуты летописцем, потому что их смысл слишком близок к основам христианства.

Первый «столп» – это *шахада*, троекратное произнесение которой достаточно для принятия в ислам: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха». Она очень близка с первой из десяти заповедей, полученных Моисеем на Синайской горе: «Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20:2–17).

Далее: *салат* – каноническая молитва, совершаемая пять раз в день. Вспомним, что обязательными для православных христиан являются утренние и вечерние молитвы, а также молитвы перед трапезой и после нее.

Исламский *саум* – в период поста полное воздержание в светлое время суток от еды, питья, развлечений и удовольствий – не так далек от пищевого воздержания в период Рождественского, Великого, Петрова и Успенского постов. Кроме этого, существует рекомендация для православных соблюдать пост по средам и пятницам.

Закат – налог на имущество и доходы, идущий в пользу нуждающихся мусульман, близок понятию «милостыни» в православии. Согласно «Библейской энциклопедии»: «Раздавание милосты-

¹ ПВЛ. – 6488.

ни составляет важную Христианскую обязанность, предписываемую нам в Священном Писании (Деян. X:2–4)» [3, кн. 2, с. 472].

Уникальным обязательным требованием является только *Хаджж* – паломничество в Мекку к Ка‘бе, тогда как паломничество в святые места для православных – скорее рекомендация.

Несомненно, болгары знали о «пяти столпах» ислама, поскольку еще в начале X в. правитель Волжской Булгарии обратился с просьбой к аббасидскому (багдадскому) халифу Джа‘фару ал-Муктадиру (908–932) направить группу из знатоков ислама для того, чтобы его научили вере, преподали законы ислама, построили мечеть и крепость для защиты от набегов хазар, воздвигли минбар. В число членов посольства халифа кроме Сусана ар-Расси, Такина ат-Турки и славянина Бариса ас-Саклаби входил и известный путешественник Ахмад ибн-Фадлан, автор сохранившейся до наших дней так называемой «Записки» («Рисала»), в которой он подробно описал свои впечатления о землях болгар, башкир, хазар и русов (см. об этом подробнее: [6]).

И все же, несмотря на:

– невнятность предложений болгарских послов и явный отказ от предложенной религии: «...се бе ему не любо: обрезание удовь и о неядении свиныхъ мясь»;

– возмущение при мысли о том, чтобы жить без алкоголя, «о питьи отинудь рекъ: “Руси веселье питье, не можемъ безъ того быти”»;

– реакцию на комментарии греческого философа о том, что «Ихъ же вера оскверняетъ небо и землю... Си бо омывають оходы своя, поливавшесе водою, и въ ротъ вливають, и по браде мажются, наричюще Бохмита. Тако же и жены ихъ творят ту же скверну и ино же пуще: от совокупления мужьска вкушаютъ», выразившуюся с том, что «Си слышавъ, Володимиръ плюну на землю, рекъ: “Нечисто есть дело”»,

вряд ли простое любопытство побудило князя Владимира все же послать 10 бояр на разведку для проверки слов гостей: «Избраща мужи добры и смыслены, числомъ 10, и реша имъ: “Идете первое в Болгары, испытайте веру ихъ и службу”»¹.

¹ ПВЛ. – 6495.

Наибольшее впечатление на послов произвела служба в столичном православном храме в Царьграде, где по высочайшему повелению их встречал сам патриарх, «створи праздникъ, и кадила въжгоша, и пения ликы составиша». Разместили послов в церкви на лучшем месте, «...показавше красоту церковную, и пенья, и службу архиерейскую»¹.

А вот периферийная мечеть никакого внятного впечатления на царских посланцев не произвела: «Ходихомъ первое в Болгары и смотрихомъ, како ся кланяють въ храмине, рекше в ропате, стояще бес пояса: и поклонивься, сядет и глядитъ семо и овамо, акы бешень, и несть веселия у нихъ, но печаль и смрадъ великъ. И несть добръ законъ ихъ...»².

И это не удивительно: Владимир направил бояр в Волжскую Булгарию, население которой приняло ислам всего лишь чуть больше полувека назад (922 г.) и земли которой находились на дальней северной окраине могущественной «империи ислама». Владимир вряд ли мог получить объективные данные о величии исламского государства на примере этого захолустья мусульманского мира и, скорее всего, не имел ясного представления о величии Самарканда, Багдада, Дамаска или Александрии.

Если говорить об исламе этого периода, то нельзя не упомянуть о расцвете городов Востока, где на подъеме были наука, литература и искусство. Именно в период IX–X вв. в исламском мире творили такие выдающиеся деятели, как: историк Мухаммад ат-Табари (839–923); писатель и ученый Хамза аль-Исфахани (897–967); математик и астроном Мухаммад аль-Хорезми (780–850); врач и философ Мухаммад ар-Рази (865–925), известный в Европе под именем Разес; ученый-энциклопедист аль-Хусейн ибн Сина, известный всему миру как Авиценна (980–1037); поэт и ученый Джа‘фар Рудаки (858–941); великий поэт, автор «Шахнаме» Абу-л-Касим Фирдоуси (935–1020); ученый-энциклопедист, математик, астроном Абу Рейхан аль-Бируни (973–1048) и многие другие. Владимиру же пришлось довольствоваться рассказами его послов о захолустном провинциальном регионе империи.

¹ Коран / пер. с араб. и коммент. И.Ю. Крачковского.

² Там же.

В итоге к выбору христианства Владимира склонили рассказы посланных им людей о великолепии внешнего антуража и блеска христианского богослужения, а не превосходство иной религиозной догматики или религиозного учения и тем более не стремление найти как можно больше точек соприкосновения между менталитетом русичей и принципами христианской веры.

Подобная «объективность» в оценке служб говорит об отсутствии интереса послов к познанию самих религий. По оценке Р. Армура, тогда в оценках «предвзятость была правилом, а не исключением; нормой было очернение, а не понимание» [2, с. 22].

Провал представителей ислама на «кастинге вер», как ни старался убедить читателей в этом летописец, никак нельзя приписать нравоучениям, отраженным в «Речи философа» на страницах ПВЛ. Создается впечатление, что лапидарность пересказа содержания библейских текстов дошла до переписчиков в виде своего рода краткой «стенографической записи». Кроме того, о вторичности вставки «Речи» в летопись могут свидетельствовать и правила палеографии, согласно которым сама форма написания говорит о том, что это *более поздний текст*. В славянских языках не было не только буквы, но и звука «Ф». Артикуляционный аппарат русов по каким-то причинам не был приспособлен к его воспроизведению. Хотя в X в. азбука Кирилла и Мефодия уже была изобретена и в ней имелись буквы «ферт» – ф и «фита» – Ѡ, звук «ф» получил распространение позже, когда звук «в» стал частично оглушаться славянами. Как же тогда попал собеседник, именуемый «непроизносимым» словом «философ», на «кастинг вер» в 986 г.? Очевидно, что его знаменитая Речь была внесена в «Повесть временных лет» гораздо позже.

Тот факт, что Владимир вознамерился провести «кастинг верований», может свидетельствовать лишь о том, что он не был склонен крестить Русь. Утверждения о том, что князь чуть ли не с детства готовился к принятию христианства по примеру своей бабки Ольги, необоснованны. Зачем было объявлять «выбор вер», если результат был предопределен заранее? Приписываемое князю Владимиру проведение «кастинга вероучений» принижает величие образа крестителя Руси, так как этот процесс предполагал возможность альтернативного варианта.

На деле в принятие решений правителя Киевской Руси неожиданно вмешались события в Византии, охваченной кризисом. И хотя для братьев-василевсов русы еще были врагами, Василий II и Константин VIII попросили помощи у Владимира, пообещав за нее руку своей сестры. Династический брак между Рюриковичами и византийскими императорами прекратил «псевдокастинг» вер, сделав Русь православной.

Сегодня, спустя более тысячелетия после выбора веры Россией, исследователи-правоведы, историки и теологи отмечают возрождение интереса к исламу, его традициям и установкам в православной стране.

Молодые мусульмане России, как правило билингвы, осваивая социальное пространство христиан, уделяют особое внимание сохранению исламских ценностей. Аналогичная ситуация наблюдается и в других странах (см. об этом: [8, с. 62]), где не раз отмечались попытки заменить религию политикой, представляющей ислам не одной из мировых религий, а общественно-политическим, идейным и экономическим учением, способным создать неординарные пути развития общества, в противовес марксизму, капитализму или мусульманскому фундаментализму. Поэтому именно сегодня соседство просвещенных народов, исповедующих различные религии и проживающих на единой территории, предопределяет объективное и толерантное изучение истории принятия их религий.

Список литературы

1. Аллах не любит Америку / сост. А. Парфрей. – Москва : Ультра. Культура, 2003. – 432 с.
2. Армур Р. Христианство и ислам. Непростая история. – Москва : Изд-во Библейско-богословский ин-та св. Апостола Павла, 2002. – 329 с.
3. Библийская энциклопедия : в 2 кн. – Москва : NB-press : Центурион-АПС, 1991. – Кн. 1. – 496 с. ; Кн. 2. – 400 с.
4. Еда восточных славян в Древней Руси. Живая пища Древней Руси // Rokkit. – URL: <https://rokk.it.ru/style/eda-vostochnyh-slavyan-v-drevnei-rusi-zhivaya-pishcha-drevnei-rusi-myaso-i/>
5. Кочин Г.Е. Скотоводство в Древней Руси // Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. / отв. ред. В.Г. Гейман. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/4-1-71-drevnyaya-rus/27.htm>

6. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. под ред. И.Ю. Крачковского. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1939. – 193 с.
7. Томова У.А. Об особенностях наименования свиньи в сказках (по сборнику русских народных сказок под редакцией А.Н. Афанасьева, с привлечением немецких сказок) // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Русская филология. – 2010. – № 1. – С. 89–92.
8. Четверикова О. Ислам в современной Европе : стратегия «Добровольного гетто» против политики интеграции // Россия XXI. – 2005. – № 1. – С. 54–87 ; № 2. – С. 10–46.
9. Энциклопедия фактов. – URL: <http://factopedia.ru/fact/1902>

УДК 303.446.4; 94(4) «1914/1945»

СУЗДАЛЬЦЕВ И.А.* КОМИНТЕРН: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.02

Аннотация. В статье рассматриваются новые подходы к истории Коминтерна в современной российской и зарубежной историографии. Ставится вопрос о приоритетности задачи осуществления мировой революции с помощью Коммунистического интернационала в первые годы его деятельности; анализируется подход, согласно которому Коминтерн также создавался для обеспечения внутренней и внешней безопасности Советской России; оценивается вклад Коминтерна в различные геополитические события первой половины XX в.

Ключевые слова: I конгресс Коминтерна; II конгресс Коминтерна; ИККИ; Коминтерн и нэп в СССР; октябрьское восстание в Германии 1923 г.; Коминтерн и Вторая мировая война.

SUZDALTSEV I.A. The foundation of the Comintern: a new look in historical science

Abstract. The article examines new approaches to the history of the Comintern in contemporary Russian and foreign historiography. The question is raised as to the priority of the task of realising world revolution with the help of the Communist International in its early years; analyzes the approach according to which the Comintern was also created to ensure the internal and external security of Soviet Russia; the contribution of the Comintern to various geopolitical events of the first half of the 20th century is evaluated.

* Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории; ГБОУ Школа № 1381. ialoko90@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5204-0117>; Scopus Author ID: 57237401700.

Keywords: I Congress of the Comintern; II Congress of the Comintern; ECCI; the Comintern and the NEP in the USSR; the October 1923 uprising in Germany; the Comintern and the Second World War.

Для цитирования: Суздальцев И.А. Коминтерн : новые подходы в исторической науке (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 23–43. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.02

Введение

Советские и зарубежные историки XX в. практически единогласно утверждали, что Коминтерн создавался для организации мировой революции. Данный тезис в вопросе основания III Интернационала остается господствующим для современных как отечественных, так и зарубежных историков, так или иначе изучающих деятельность этой международной организации, объединявшей коммунистические партии в 1919–1943 гг.

Позиция советских историков обусловлена тем, что «историко-партийный подход» [36, с. 23] не позволял выйти за определенные рамки. Не подлежало сомнению, что практически на протяжении всего периода деятельности Коминтерна, даже когда был провозглашен курс на построение социализма в одной стране, большевики не оставляли надежд осуществить мировую революцию. Публикации, изданные в 1920–1930-е годы, больше походили на агитационные материалы, нежели на научные труды¹, в них восхвалялись В.И. Ленин, затем И.В. Сталин, в конце 1950-х – начале 1960-х годов снова Ленин – как гениальные учителя и вожди мирового пролетариата². Только в конце 1960-х – начале 1970-х

¹ Росницкий Н.А. Краткая история трех Интернационалов. – Пенза : Рабочий путь, 1923. – 206 с.; Кон Ф.Я. IV конгресс Коммунистического Интернационала. – Москва : Красная новь, 1923. – 49 с.; Ленцнер Н.М. Второй и Третий Интернационал. – Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1924. – 92 с.; Гуревич А.И. Зарождение и развитие Коммунистического Интернационала. – Харьков : Пролетарий, 1926. – 280 с.; Глаубауф Ф. Третий конгресс Коминтерна. – Харьков : Пролетарий, 1929. – 55 с. и др.

² Толстова Л.И. Из истории создания III Коммунистического Интернационала // Вопросы истории КПСС. – 1959. – Вып. 31, № 259. – С. 113–135; Трофимов К.С. Борьба В.И. Ленина за создание и укрепление Коммунистического Ин-

годов появились работы, в которых было положено начало комплексному изучению истории Коммунистического интернационала с опорой на официально опубликованные документы (стенограммы конгрессов, тезисы, воззвания) и публикации лидеров коммунистического движения в периодической печати (в журналах «Коммунистический Интернационал», «Правда», «Известия» и др.)¹. Историческое значение Коминтерна не имело однозначной оценки: с одной стороны, советские историки вынуждены были подчеркивать, что III Интернационал был образцом пролетарского интернационализма, с другой – констатировать факт недостижимости главной, по их мнению, цели его создания – революции во всемирном масштабе. Это наталкивало их на вывод о том, что организация не внесла существенного вклада в реализацию национальной и интернациональной политики РСФСР / СССР. В период перестройки увидели свет публикации, в которых предпринимались попытки преодолеть существующие в отечественной историографии схемы. Л.Г. Бабиченко, Л.М. Минаев, Ф.И. Фирсов, К.К. Шириня поднимали вопросы о необходимости обстоятельного исследования руководящей роли РКП(б) / ВКП(б) в Коминтерне [1, с. 141], о переоценке революционной ситуации большевиками [27, с. 326]. А.Г. Латышев подвергал критике Сталина за неверные оценки фашизма и социал-демократии [25, с. 342–353]. «21 условие приема в Коммунистический интернационал» стало считаться дестабилизирующим документом для международного рабочего движения (И.Н. Ундасынов, З.П. Яхимович) [35, с. 5]. Ю.В. Егоровым отмечалось, что перспективы мировой революции в действительности были гораздо менее реалистичными, чем представлялись в выступлениях лидеров Коминтерна, в частности Г.Е. Зиновьева [16, с. 47]. Однако сам факт осуществления мировой революции как основной задачи Коминтерна не подлежал оспариванию.

тернационала (1919–1921) // О деятельности В.И. Ленина в 1917–1922 гг. : сб. ст. / ред. кол.: И.Г. Рябцев (глав. ред.) и др. – Москва : Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1958. – С. 118–155 и др.

¹ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. – Москва : Политиздат, 1969. – 599 с.; Москалев М.А. В.И. Ленин – организатор и вождь Коммунистического Интернационала // Великие идеи В.И. Ленина претворяются в жизнь : сб. ст. / ред. кол.: С.А. Юдачев (отв. ред.) и др. – Москва : Выssh. школа, 1961. – С. 201–237 и др.

Публикации зарубежных историков, посвященные Коминтерну, также стали появляться еще в период его деятельности. Высокий уровень политизированности их работ, вызванный отношением западных стран к СССР как в 1930-е годы, так и тем более в период холодной войны, не позволил данным авторам серьезно приблизиться к созданию объективных трудов, поскольку главной задачей этих исследователей (Ф. Боркенау, Т. Дрейпер, Г. Пеллинг, Э. Хобсбаум и др.) было разоблачить политику Коминтерна, который стремился свергнуть законные европейские правительства. Они отмечают, что для этого была создана широкая агентурная и шпионская сеть; подчеркивают зависимость национальных секций от руководства Коминтерна, которое по большей части состояло из членов РКП(б) / ВКП(б)¹. Даже во время становления ревизионистского подхода в зарубежной историографии Коминтерна в 1980-е годы, представители которого (А. Хаукинс, Дж. Приккетт, М. Иссерман, К. Морган) отказывались видеть в истории отношений компартий и Коминтерна господство директив последнего, стараясь подчеркнуть автономию национальных коммунистических организаций и отметить их положительный вклад в социальные процессы в своих странах², отношение к Коминтерну как к организации, созданной главным образом для осуществления мировой революции, не изменилось.

¹ Borkenau F. *The Communist International*. – London : Faber, 1938. – 442 p.; Draper T. *American Communism and Soviet Russia*. – New York : Viking Press, 1960. – 558 p.; Draper T. *The Roots of American Communism*. – New York : Viking Press, 1957. – 498 p.; Pelling H. *The British Communist Party : A Historical Profile*. – New York : The Macmillan Company, 1958. – 204 p.; Hobsbawm E.J. *Revolutionaries; contemporary essays*. – London : Weidenfeld a. Nicolson, 1973. – 278 p.

² Howkins A. 'Class against Class' : *The Political Culture of the Communist Party of Great Britain, 1930–35* // Gloversmith F. *Class, Culture and Social Change*. – Brighton : Harvester Press, 1980. – P. 240–258; Prickett J. *New Perspectives on American Communism and the Labor Movement* // *Political Power and Social Theory : A Research Annual*. – 1984. – N 4. – P. 3–36; Isserman M. *Three Generations : Historians View American Communism* // *Labor History*. – 1985. – N 26. – P. 544–555; Morgan K. *Against Fascism and War: Ruptures and Continuities in British Communist Politics, 1935–41*. – Manchester : Manchester univ. press, 1989. – 328 p.

Целью нашего исследования является анализ новых проблем, поставленных в работах российских и зарубежных историков в последнее время.

Российские историки о задачах создания Коминтерна

«Архивная революция» и снятие идеологических барьеров в начале 1990-х годов способствовали появлению в отечественной историографии исследований, во многом схожих с зарубежными, где Коминтерн рассматривался как орудие большевистского режима. Например, Я.С. Дробкин назвал создание Коминтерна изначально гуманной идеей, превратившейся в дальнейшем в «прикрытие национально-державной политики сталинизма» [15, с. 2]. В.А. Бобренов писал о принципе централизма как о главенствующем в Коминтерне, из-за которого входящие туда коммунистические партии были лишены самостоятельности [7, с. 92]. В статье К.В. Киселева делается вывод, что большевики, изначально взяв на себя основную роль при создании III Интернационала и проведении I конгресса, таким образом перехватили в нем организационную инициативу [19, с. 232]. А.Ю. Ватлин указывает на большой вклад как Коминтерна, так и всего коммунистического движения в развитие мирового сообщества в XX в., утверждая, что «ставка коммунистов на “мировую пролетарскую революцию” была одним из глобальных проектов коренного переустройства мира, которые выросли из кризиса европейской цивилизации, порожденного Первой мировой войной» [14, с. 6]. При этом он отмечает, что секции Коминтерна изначально зависели от «утвердившихся в России военно-коммунистических методов» [13, с. 10]. Ватлин считает, что при помощи единого рабочего фронта, о создании которого было заявлено в 1922 г., большевистские лидеры пытались соединить обеспечение внешнеполитической безопасности своей страны с раздуванием социально-политических конфликтов за ее пределами [11, с. 336]. Эта двуединая задача осуществлялась ими с самого начала деятельности Коминтерна. Соответственно, даже несмотря на появившуюся возможность для дискуссий в исторической науке, российские историки в основном отказываются пересмотреть вопрос о главной цели создания Коминтерна. Исключением в российской исторической науке можно назвать подход ог-

раниченного круга исследователей, например А.И. Колпакиди, который отмечает, что Коминтерн «служил геополитическим интересам Советской России, заменив ей столь необходимых в межвоенные годы союзников. Во многом благодаря наличию Коминтерна удалось отстоять государственную, политическую и экономическую независимость СССР» [21, с. 299]. Е.Н. Емельянова, В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский считают, что одной из миссий, возлагаемых на III Интернационал, стала поддержка РСФСР в борьбе против империалистической интервенции [18, с. 101], что являлось ответом на военное вмешательство Запада [5, с. 312]. Как мы полагаем, еще одной причиной создания Коминтерна было стремление большевиков с его помощью удержаться у власти в Советской России.

К сожалению, большинство отечественных исследователей считают эту тему «избитой» [13, с. 5], отмечая, что она давно изучена и никакой новизны не содержит. Однако для чего же тогда рассекречиваются все новые архивные фонды? Для кого в России были организованы четыре международных конференции в 2019 г. (в МГУ, РГАСПИ, ГПИБР и МПГУ), в которых в большом количестве участвовали специалисты из-за рубежа? Видимо, главным образом для иностранных специалистов.

Приоритеты Коминтерна в оценках современных англоязычных историков

Если обратиться к работам западных историков, то можно заметить, что в последние несколько десятилетий на Западе значительно выросло количество публикаций, посвященных Коминтерну. Заинтересованность этой темой вызвана как открытием все новых архивных фондов, посвященных в том числе зарубежным компартиям, входившим в Интернационал, так и необходимостью разобраться в ряде спорных, малоизученных либо требующих переосмысления вопросов, главным образом касающихся деятельности зарубежных секций: насколько политика Коминтерна повлияла на их тактическую линию, могли ли они проводить независимую политику; в чем положительное и отрицательное влияние Коминтерна на ту или иную компартию, на политическую ситуацию в стране или регионе в целом; какую роль в политике Коминтерна

занимали национальный и колониальный вопросы и как они решались; каковы были причины и последствия изменения тактики и стратегии Коминтерна [33, с. 18–30]. Эти вопросы современных отечественных историков, к сожалению, интересуют гораздо меньше.

Вследствие более глубокой проработки вопроса в зарубежной науке (в отличие от российской) стали появляться оценки, существенно контрастирующие со всей предыдущей историографической традицией, согласно которой Коминтерн создавался не только и не столько ради свершения мировой революции. Американский историк Дж. Джейкобсон одним из первых среди англоязычных ученых высказал мнение, что Коминтерн был сформирован в том числе для того, чтобы стать средством защиты Советского Союза [48, р. 11–31]. В 2000-е годы эта точка зрения получила развитие в работах его соотечественников – А. Кохо-Уильямса и А. Рибера [50, р. 38; 53, р. 217]. Дж. Хейнс (Университет Эмори, США) считает, что мировая революция в первые годы существования Коминтерна была практически неосуществима из-за того, что советские лидеры в течение нескольких лет не имели твердого мнения и последовательной политики по многим вопросам, касающимся новых партий на Западе [46, р. 6–7]. В этой же статье Хейнс пишет, что лидеры Коминтерна сразу после основания КП США (в 1919 г.) настаивали, чтобы она вышла из подполья [46, р. 7]. Не значит ли это, что уже тогда одной из главных целей деятельности этой международной организации было внедрение легальных парламентских методов политической активности коммунистической партии в этой стране?

Профессор истории международных отношений Кембриджского университета Дж. Хаслам в «Кембриджской истории России», так же как и Джейкобсон, пришел к выводу, что защита и усиление безопасности Советской России были не менее, чем мировая революция, важны при создании Коминтерна [45, р. 636]. Не исключено, что угроза мировой революции зачастую использовалась советским правительством как инструмент давления, «смертельная игра в шахматы», по словам Хаслама, в результате которой под умелым руководством Ленина «Москва всегда оказывалась на шаг впереди, оставляя капиталистический мир неуверенным, злым и обиженным, но не имеющим средств осуществить эффективную политику нейтрализации и вынужденным идти на

компромисс, которым, например, стало англо-советское торговое соглашение 1921 г.» [45, р. 641].

Проблема мировой революции в западной и российской историографии

Колпакиди так сформулировал один из ленинских принципов: «Всё, что полезно Советской России, полезно мировой революции» [21, с. 274]. Сталин утверждал, что «мировая революция как единый факт – ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах» (цит. по: [21, с. 274]). Эти тезисы, по нашему мнению, вполне можно применить к Коминтерну, главный приоритет создания которого мог заключаться в отстаивании внутри- и внешнеполитических интересов РСФСР / СССР. А мировая революция, которая, безусловно, в то или иное время существования организации находилась на повестке дня, не была приоритетной задачей и не подразумевала «советизацию» какого-либо региона (скажем, Западной Европы) за короткий срок. Под основным внутривнутриполитическим интересом понималась задача сохранения страны в условиях интервенции, которую планировалось прекратить через организацию пролетариата стран-интервентов. Причем рабочее движение могло бы способствовать созданию революционной ситуации в том или ином европейском государстве. «Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу страну», – заявлял Л.Д. Троцкий (цит. по: [5, с. 311]). О том, что мировая революция практически не могла осуществиться силами СССР и Коминтерна в первой половине 1920-х годов, пишет К.Б. Назаренко, указывая в качестве причины тот факт, что в этих событиях должен был сыграть серьезную роль военно-морской флот, который в это время был достаточно слабым [29, с. 332].

Внешнеполитическим интересом большевиков, реализации которого должен был способствовать Коминтерн, являлось признание РСФСР главным образом ведущими западными странами. Лидеры РКП (б), по мнению некоторых историков, будучи революционными романтиками и утопистами [30, с. 264; 8, с. 96], в любом случае понимали, что в условиях дипломатической изоляции перспективы развития страны представляются предельно ту-

манными. С момента Октябрьской революции до основания Коминтерна РСФСР была признана только одним государством – Афганистаном в конце февраля 1919 г. Неудача в Бресте, когда провалом закончилась первая попытка установить официальные связи с государствами Антанты, способствовала, как считает А.В. Шубин, созданию Коминтерна. Он должен был вовлечь в свою орбиту «внутренних сторонников социалистической революции за пределами России» [38, с. 290, 293] – коммунистические партии, на которые, в свою очередь, ложилась задача по воздействию на свои правительства как легально (парламентским путем), так и нелегально (подпольная деятельность), в зависимости от положения партии или политической ситуации в каждой стране. Как выразился Н.И. Бухарин, «возможность использования буржуазного парламента, равно как и его бойкот – вопрос чисто тактический и определяется исключительно данной ситуацией» (цит. по: [28, с. 64]). Эту цель оправдывает серьезное финансирование коммунистических партий, даже в условиях Гражданской войны, что подтверждает их важность для советского правительства. За первый год существования Коминтерна зарубежным коммунистическим и социал-демократическим партиям и группам, которых к концу 1919 г. насчитывалось 46, было отправлено несколько миллионов рублей, что даже с учетом инфляции представляется значительной суммой, причем часть из них переправлялась в виде золота и драгоценностей, еще часть материальной поддержки осуществлялась в иностранной валюте [32, с. 95, 97]. Подобную точку зрения о важности коммунистических партий, вокруг которых объединился бы рабочий класс, высказал историк В.Э. Багдасарян: «Ленин в борьбе с внешней угрозой рассчитывал на поддержку мирового пролетариата, что предполагало соответствующую пропагандистскую деятельность, осуществляемую по линии Коминтерна» [2, с. 14]. Понятно, что для того, чтобы добиться поддержки мирового пролетариата, его нужно было так или иначе организовать. Главным таким организатором и должны были стать коммунистические партии.

Большевики не могли также не рассчитывать на тот эффект, который повлечет за собой создание III Интернационала. Они понимали, что в дальнейшем его можно будет использовать как инструмент воздействия на западные правительства. Премьер-ми-

нистр Великобритании Ллойд Джордж в 1919 г. выражал серьезную озабоченность по поводу возможной смены власти в Германии: «Если это случится, то вся Восточная Европа будет втянута в водоворот пролетарской революции. И на этой основе будет создана гигантская Красная Армия, вооруженная германскими пулеметами, ежеминутно готовая начать свое наступление на Западную Европу» (цит. по: [17, с. 232]). Революционная ситуация в Германии, кстати, сложилась за два месяца до создания Коминтерна, в январе 1919 г., когда рабочая демонстрация в Берлине переросла в вооруженное восстание, которое возглавили НСДПГ и КППГ. Однако К.Б. Радек, находившийся там и выражавший позицию РСФСР, был категорически против восстания и использовал весь свой авторитет, чтобы способствовать его прекращению. По мнению Е.Н. Емельяновой, военный поход в Европу, на который надеялся ряд интернационалистов, в это время не входил в планы советского правительства [17, с. 231–232].

В первой половине 1919 г. произошли революции в Венгрии, Баварии и Словакии. Очевидно, что советское правительство не имело возможности отправить в Центральную и Западную Европу войска по ряду причин [37, с. 169], однако финансовая поддержка советским республикам также не была оказана, все ограничилось лишь выражением сочувствия [5, с. 311–312]. К тому же, сложно напрямую связать эти революции с деятельностью Коминтерна. Революционные события этого времени были главным образом вызваны результатами Первой мировой войны и Октябрьского переворота, однако возникали они, очевидно, без активного вмешательства Коминтерна. Помимо вышеуказанных событий, также можно отметить Ноябрьскую революцию в Германии (1918), Влэдайское восстание в Болгарии (1918), Гражданскую войну в Финляндии (1918), восстание в Аргентине (1919), Красное двухлетие в Италии (1919–1920), войну за независимость Ирландии (1919–1921) и др. Верность тактики лидеров РКП (б), которые в это время сосредоточились на решении вопросов стабилизации положения на фронтах Гражданской войны, подтверждают их достижения: подавление Чапанного и Григорьевского восстаний в Поволжье и на Украине, занятие ключевых стратегических пунктов на Урале [6, с. 82]. Важность лозунга защиты Отечества в ущерб задачам распространения мировой революции в годы Граж-

данской войны отмечал Ленин [20, с. 363]. Публицист М.С. Агурский в 1980 г. высказал точку зрения о том, что главным теоретиком красного патриотизма и едва ли не его вождем оказался Троцкий. В частности, он ссылается на его цитату, в которой говорится, что «Октябрьская революция глубоко национальна» (цит. по: [20, с. 375–376]).

Знаменитые слова Троцкого о перенесении маршрута мировой революции на Восток не были реализованы на практике. Например, Ленин и Зиновьев настаивали на помощи коммунистов азиатских стран буржуазно-демократическому освободительному движению, признавая, что приход к власти в этих странах коммунистов – вопрос еще чрезвычайно отдаленного будущего. Тем не менее в Азии в 1920 г. произошел ряд революционных событий: в Гиляне (регион Ирана) была провозглашена Иранская советская республика; в Туркестане в сентябре 1920 г. была образована социалистическая советская республика. Иранская республика просуществовала недолго: осенью 1920 г. большевистское правительство, решив поставить на карту дипломатические отношения, выбрало путь переговоров с иранским правительством, что закончилось подписанием мирного договора. Однако эти события также не были напрямую связаны с Коммунистическим интернационалом: на заседаниях Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) и на II конгрессе Коминтерна революции в Туркестане и Иране не обсуждались. Хотя их инициаторами отчасти были деятели Коминтерна (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и др.), за пределы заседаний партийного руководства большевиков решение этих вопросов не выходило [34, с. 73–75].

На II конгрессе Коминтерна лозунг о свершении мировой революции даже в речах лидеров организации поддерживался скорее формально. Так, Ленин отмечал, что «задача состоит теперь в том, чтобы ускорять революцию, однако, не вызывая ее искусственно»¹. Это может быть обосновано в том числе тем, что региональные бюро ИККИ не обладали достаточным количеством кадров для подготовки и осуществления революции. Например, находившийся на нелегальной работе во Франции А.Е. Абрамович пи-

¹ Цит. по: Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Мытищи, 2019. – С. 66.

сал Ленину, что «в [Западноевропейском] бюро [ИККИ] люди безграмотные и недисциплинированные, каждый делает, что ему хочется, и все это валится на голову русской партии»¹. В итоге 8 августа 1920 г. Западноевропейское бюро ИККИ было ликвидировано. Неясно, насколько верили большевики в озвученные ими в переписке между собой летом – осенью 1920 г. планы поощрить революцию в Италии, советизировать Венгрию, Чехию и Румынию. Неясно, какие приказы отданы были бы командирам Красной Армии в случае занятия Варшавы в августе 1920 г. в ходе Советско-польской войны. Однако мы имеем следующие итоги: никаких попыток развязать революцию в указанных странах в данное время лидерами Коминтерна не предпринималось, а Советско-польская война закончилась поражением. К тому же, к политике Коминтерна она, так же как и вышеуказанные события, не имеет непосредственного отношения – во время II Конгресса, проходившего в разгар войны, ее события не нашли отражения в официальных выступлениях делегатов – либо ввиду опасения, что не все иностранные делегаты заслуживали полного доверия [12, с. 30], либо из-за того, что большевики не считали нужным с кем-либо обсуждать военные дела своей страны, как уже было в ситуации с действиями Красной Армии и Советского правительства в Центральной Азии. В.Э. Багдасарян и С.И. Реснянский считают, что Советско-польская война не имела классового характера, а была войной с историческими национальными врагами России [4, с. 72], поэтому не была как-либо связана с Коминтерном.

Тем не менее ситуации, в которых лозунг мировой революции мог бы вполне начать приобретать фактическую реализацию, еще возникали неоднократно. Например, мартовское восстание в Германии в 1921 г. Однако именно в этот период в РСФСР был провозглашен переход к нэпу, что окончательно «лишило революционный процесс его чистоты» [24, с. 87]. Пожалуй, последней возможностью начать осуществлять мировую революцию могли стать сентябрьское восстание в Болгарии и октябрьское восстание в Германии в 1923 г. Но к болгарскому восстанию большевики не проявили серьезного интереса, в германских же событиях приняли

¹ Письмо А.Е. Абрамовича В.И. Ленину с сообщением об экономическом и политическом положении во Франции. 1920 г. // РГАСПИ.Ф. 5. Оп. 3. Д. 75. Л. 3.

незначительное участие. Да, вопрос военного вмешательства обсуждался с главкомом РККА С.С. Каменевым, в сентябре было проведено секретное совещание с компартиями Германии, Франции и Чехословакии. Как всегда, красноречиво выразился Зиновьев, заявивший, что идея мировой революции именно теперь впервые облекается плотью и кровью (цит. по: [31, с. 23]). Однако практические действия руководства Коминтерна не подтверждают решительность в реализации этих намерений. Стоит взглянуть хотя бы на тех, кому было поручено руководство возможной революцией непосредственно на месте событий: К.Б. Радек, Ю.Л. Пятаков, В.В. Шмидт, Н.Н. Крестинский. Лучшие годы Радека в Коминтерне уже были сочтены – он участвовал во внутривнутрипартийной дискуссии на стороне Троцкого и уже вскоре (в 1924 г.) был выведен из ЦК РКП (б) и из Исполкома Коминтерна; Пятаков в это время занимал должность заместителя председателя ВСНХ СССР и с Коминтерном вовсе никак не был связан. Его не самая серьезная осведомленность о германских событиях подтверждается в письме Сталину 1 ноября 1923 г., в котором Пятаков пишет, что «первое время чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег»¹. Шмидт занимал пост наркома труда РСФСР, Крестинский – полномочного представителя СССР в Германии, оба, так же как и Пятаков, были достаточно далеки от деятельности Коминтерна. Спрашивается: неужели при III Интернационале не было более подготовленных кадров для осуществления революции в Германии? Ситуация с Троцким может быть объяснена следующим образом: в случае успешного завершения немецкой кампании он вполне мог бы облачиться в «мундир главнокомандующего силами мировой революции» [13, с. 115]. А этого члены уже оформившейся против него «тройки» никак не могли допустить. Но почему, например, туда не был отправлен Бухарин? Или даже Зиновьев? Тем более что Григорий Евсеевич за несколько лет до этого успешно съездил в Германию на съезд НСДПГ в Галле, когда была острая необходимость в расколе немецкой партии.

Скорее всего, причиной стал тот факт, что лидеры Коминтерна не стремились к осуществлению революции настолько, на-

¹ Цит. по: Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг. – С. 144.

сколько было заявлено в их официальных выступлениях. Кстати, Сталин изначально был настроен пессимистично, заявляя в письме Зиновьеву, что «если в Германии власть упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском»¹. Однако в дальнейшем, видимо под нажимом Политбюро, он изменил свое первоначальное мнение. Из самой Германии в это время сообщалось, что твердой и безоговорочной веры в революцию нет даже в широких партийных массах – не говоря уже о рабочих массах². Такой же точки зрения придерживается историк М.И. Мельтюхов, который пишет, что широкомасштабных военных приготовлений для поддержки революции не проводилось. Это объяснялось сокращением численности Красной Армии после Гражданской войны, состоянием военной промышленности и международной ситуацией – созданием «санитарного кордона» между СССР и Германией [26, с. 168].

Отечественные и зарубежные ученые о роли Коминтерна в истории

Историки, рассматривающие Коминтерн «шире», чем организацию, созданную только для осуществления мировой революции, видят и положительные итоги его деятельности. Например, Колпакиди отмечает, что за рубежом было создано мощнейшее культурное, политическое и экономическое лобби, выступавшее в защиту Советской России и проводимой ею политики; с помощью секций Коминтерна велась вербовка иностранных специалистов и квалифицированной рабочей силы для работы в СССР; подготовленные Коминтерном кадры сыграли огромную роль в смертельной схватке с фашизмом сначала в Испании, а затем и в годы Второй мировой войны. Так, в 1942 г., накануне своего отпуска, Коминтерн имел нелегальные пункты связи во Франции, Бельгии, США, Мексике, Турции, Швеции, Югославии, Монголии, Китае, Иране, Индии. Летом того же года были подготовлены к отправке

¹ Письмо И.В. Сталина Г.Е. Зиновьеву. 7 августа 1923 г. // Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943 : Документы. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 163.

² Отчет советского военного советника при ЦК КПГ А. Штродаха в Исполком Коминтерна // РГАСПИ.Ф. 495. Оп. 25. Д. 1365. Л. 83.

в Югославию, Румынию, Польшу, Германию, Австрию, Чехию и Словакию 45 ответственных работников компартии. Для организации радиопропаганды, направленной на государства фашистского блока и оккупированные страны, в Уфе располагалась радиостанция Коминтерна, эвакуированная из Электростали. На тот момент самая мощная в Европе, она имела пункты трансляции за границей: в Польше и Голландии (обслуживала также и Германию) – по пять, в Бельгии и Германии – по две, в Китае – три; по одной в Дании, Швеции, Австрии, Монголии, Иране, Словении, Хорватии, партизанском районе Югославии, Англии и США. Радио Коминтерна вещало на Центральную и Западную Европу на 18 языках. Были передачи на русском языке, которые всегда начинались с фразы: «Говорит Москва».

Малозаметная в 1930-е годы деятельность Коминтерна между тем способствовала крушению бесчеловечной колониальной системы империализма. Она дала мощнейший импульс развитию национально-освободительного движения [21, с. 296–298]. Значительный вклад в антифашистскую борьбу разведшколы Коминтерна отмечает С.Б. Брилёв [10, с. 120–130]. Он приходит к любопытному выводу, согласно которому в рамках англо-советских операций 1941–1943 гг. практически все диверсанты с советской стороны были не штатными сотрудниками советской разведки, а готовились именно по линии Коминтерна [9, с. 39]. Схожую с мнением Колпакиди оценку политики Коминтерна дает В.Э. Багдасарян: «По большому счету национально-освободительная борьба и распад колониальных империй, определившие содержание двадцатого века, явились историческим следствием выдвижения коминтерновского проекта. Коминтерн не умер целиком. Одним из его структурных осколков явилась, в частности, Всемирная федерация демократической молодежи» [3, с. 36, 38].

Профессор истории Университета Эмори (США) Х. Клер пишет, что американские коммунисты со связями в Коминтерне, такие как, например, Стив Нельсон, принимали деньги от офицеров КГБ и помогали им в их шпионской деятельности [49, р. 90–91]. Он, как историк из США, видит в этом негативное влияние Коминтерна, но если оценить эту деятельность с точки зрения «полезности» для СССР, то не будет никаких сомнений в том, что она приносила нашей стране значительную выгоду. Например, по

мнению того же Клера (в соавторстве с Дж. Хейнсом), физик Теодор Холл передавал в СССР информацию об американском атомном проекте [47, р. 77–78]. Канадский историк О. Драчевич отмечает, что Коминтерн принял серьезное участие в решении негритянского вопроса: под его непосредственным влиянием в 1925 г. в США был создан Американский негритянский трудовой конгресс (под разными названиями существовал до 1946 г.), была оказана значительная поддержка негритянским активистам Дж. Форду и Дж. Падмору [41, р. 253], что способствовало проведению важных кампаний против расового неравенства [42, р. 3]. Драчевич в своих работах пишет, что Коминтерн способствовал деятельности организаций, борющихся против расизма [43], и его идеи хорошо зарекомендовали себя и после роспуска III Интернационала. Например, они повлияли на Нельсона Манделу, ставшего одним из самых известных активистов в борьбе за права человека [42, р. 2]. Схожие с тезисами Драчевича выводы о негритянском вопросе в политике Коминтерна содержатся в статье М. Свэглера (Колледж Уильямса, США). Он также упоминает суд над «парнями из Скоттсборо»¹ и отмечает значительную роль в этом процессе Международного комитета профсоюзов негров-рабочих (ITUCNW), который координировал акции солидарности и освещение этих событий в СМИ. Среди других важных кампаний он называет поддержку ФКП восстания Конго-Вара в бывших колониях Французской Экваториальной Африки и Французского Камеруна в 1929 г., создание Западноафриканской молодежной лиги в 1934 г., акции солидарности коммунистов США и Европы с Эфиопией во время Итало-эфиопской войны 1935–1936 гг., создание комитета «Руки прочь от Абиссинии» [54, р. 623, 624, 626]. Дж. Ридделл (Институт Онтарио, Канада) соглашается с Колпакиди в оценках вклада Коминтерна в антиколониальную борьбу [52, р. 119].

В 2020 г. в США был опубликован сборник статей «Эстетика Коминтерна» [40]. Публикации, представленные в сборнике, в основном посвящены рассмотрению его деятельности с позиций влияния на искусство Китая, Индии, Бразилии, на испанскую ра-

¹ Судебный процесс, состоявшийся в 1931 г. по обвинению девяти афроамериканских юношей в изнасиловании, которые были оправданы судом присяжных.

дикальную культуру времен Гражданской войны. Указывается, что с помощью Коминтерна в ряде западных стран были показаны советские фильмы – «Броненосец Потемкин», «Путевка в жизнь», «Чапаев» и др. [44, р. 133–169]. В заключении к сборнику С. Ли и А. Глейзер, как и большинство авторов книги, приходят к выводу о том, что даже если Коминтерн существовал только как бюрократическая организация, он все равно способствовал распространению произведений российского искусства, которое будет продолжать процветать и вдохновлять [51, р. 530].

Заключение

Таким образом, анализ ряда современных публикаций показывает, что:

1) национальные приоритеты большевиков преобладали над интернациональными [4, с. 73]. Это, безусловно, не говорит о том, что идея мировой революции была плодом фантазии на протяжении всего периода ее существования. Быть может, если бы в какой-либо европейской стране возникла действительно революционная ситуация, большевики приняли бы самое действенное участие в революционном перевороте. Однако на практике лидерам советского правительства, являвшимся также и лидерами Коминтерна, было важнее обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность своей страны, удержать власть в условиях интервенции и способствовать признанию Советской России на международной арене;

2) если судить о Коминтерне не только как об организации, созданной для осуществления мировой революции, то можно отметить его активную роль в борьбе с фашизмом, обретении независимости колониальными странами, формировании социальных идей, которые популярны даже в среде официальных международных массовых организаций, например во Всемирной федерации демократической молодежи.

Из этого следует, что история Коминтерна гораздо масштабнее, чем ее пытались изобразить историки на протяжении практически 100 лет. Безусловно, политика III Интернационала – это и ряд перегибов, провальных директив, вызванных неосведомленностью национальных секций о местных условиях. Однако положи-

тельные итоги деятельности этой международной организации также имели место. Полная картина политики Коммунистического интернационала еще не представлена – не рассекречена значительная часть архивов, посвященная Коминтерну. Далеко не все фонды, представленные сегодня в широком доступе, проанализированы на должном уровне, в том числе связанные с функционированием зарубежных коммунистических партий, а также документы, хранящиеся в иностранных архивах. Поэтому, по нашему мнению, тема деятельности Коминтерна еще долгие годы будет оставаться актуальной. Хочется верить, что появится больше объективных исследований, в которых будут изучаться, казалось бы, «избитые» темы, на деле таковыми не являющиеся.

Список литературы

1. Бабиченко Л.Г. Глубоко, всесторонне, правдиво исследовать историю Коминтерна // Вопросы истории КПСС. – 1987. – № 10. – С. 137–145.
2. Багдасарян В.Э. Политические пророчества В.И. Ленина в фокусе актуальных вызовов развития России и человечества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 2. – С. 8–23.
3. Багдасарян В.Э. Формирование идеологии новой трансграничной партии – Интернационала грядущего человечества // О новом Международном интернационале на платформе ПНТ. Препринт: Серия Политическая. – Москва : Наука и политика, 2017. – Вып. № 1, Ноябрь. – С. 20–48.
4. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Генезис советской системы : революция как механизм цивилизационного воспроизводства // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – Т. 22, № 4–2. – С. 66–76.
5. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Столетие российской революции 1917 года в фокусе антироссийской исторической пропаганды // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 303–322.
6. Белоусов С.О. Гражданская война на Урале в 1918–1919 гг. – Южное и Северо-восточное направление // Зырянские чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XVI Зырянские чтения». – Курган : Курганский гос. ун-т, 2018. – С. 80–83.
7. Бобренов В.А. За отсутствием состава преступления (Новые материалы о Коминтерне). – Москва : Олимп, 1998. – 480 с.
8. Богомолов И.К. [Реферат] // Революции 1917 года в России : Современная историография : реф. сб. / РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории ; отв. ред. А.А. Алиев ; ред.-сост. О.В. Большакова. – Мо-

- сква, 2017. – С. 94–106. – (Сер.: История России). – Реф. кн.: Steinberg M.D. The Russian revolution, 1905–1921. – Oxford : Oxford univ. press, 2017–400 p.
9. Брилёв С.Б. «Башкирский след» в совместных операциях советских и британских спецслужб в 1941–1942 гг. // Вестник АН Республики Башкортостан. – 2019. – № 1 (93). – С. 37–48.
 10. Брилёв С.Б. Самый северный виноградник. Загадочная разведшкола Коминтерна в башкирской глубинке // Международная жизнь. – 2020. – Декабрь. – С. 118–133.
 11. Ватлин А.Ю. Внешняя политика и Коминтерн. 1921–1929 гг. // Россия нэповская / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – Москва, 2002. – С. 331–375.
 12. Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна : точка отсчета истории мирового коммунизма. – Москва : РОССПЭН, 2018. – 176 с.
 13. Ватлин А.Ю. Коминтерн : идеи, решения, судьбы. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 374 с.
 14. Ватлин А.Ю. Коминтерн : первые десять лет. – Москва : Россия молодая, 1993. – 142 с.
 15. Драбкин Я.С. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – Москва : Наука, 1998. – 947 с.
 16. Егоров Ю.В. Некоторые проблемы истории Коммунистического Интернационала // Всеобщая история : дискуссии, новые подходы / отв. ред. А.О. Чубарьян, В.В. Согрин. – Москва : Наука, 1989. – Вып. 2. – С. 47–59.
 17. Емельянова Е.Н. Политика большевистского руководства по отношению к Германии (1918–1919 гг.) // Научный диалог. – 2018. – № 4. – С. 227–239.
 18. Емельянова Е.Н. Теоретические основы социал-демократической концепции войны и мира // Актуальные проблемы истории : сб. науч. ст. круглого стола. – Коломна, 2016. – С. 96–102.
 19. Киселев К.В. К вопросу о логике развития организационной структуры мировой партии (Коминтерн и судьба мирового коммунизма) // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2003. – № 4. – С. 227–267.
 20. Кожевников А.Ю. От идеи «мировой революции» к государственному патриотизму // Патриотизм и национализм как фактор российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) : кол. монография / отв. ред. В.В. Журавлев. – Москва : РОССПЭН, 2015. – С. 355–560.
 21. Колпакиди А.И. Коминтерн: что это было? // Коммунизм и фашизм : Братья или враги? / ред.-сост. И. Пыхалов. – Москва : Яуза-пресс, 2008. – С. 269–300.
 22. Королев Н.Е. Ленин и образование Коммунистического Интернационала // Вопросы истории КПСС. – 1969. – № 2. – С. 31–44.
 23. Кривогуз И.М., Молчанов Ю.Л. Ленин и борьба за единство рабочего движения. – Ленинград : Лениздат, 1969. – 493 с.
 24. Лабей М. «Вокруг третьего конгресса» : создание сети критически настроенных коммунистов // Левая альтернатива в XX веке : драма идей и судьбы людей : К 100-летию Коминтерна : сб. материалов международной научной конференции. – Москва : Политическая энциклопедия, 2019. – С. 86–89.

25. Латышев А.Г. Поименно назвать... // Открывая новые страницы. Международные вопросы : события и люди : сборник / сост. Н.В. Попов. – Москва : Политиздат, 1989. – С. 342–353.
26. Мельтюхов М.И. Красная Армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923). – Москва : АИРО-XXI, 2013. – 213 с.
27. Минаев Л.М., Фирсов Ф.И., Ширина К.К. Ленин и Коминтерн // Открывая новые страницы. Международные вопросы : события и люди : сборник / сост. Н.В. Попов. – Москва : Политиздат, 1989. – С. 326–341.
28. Мысливченко Д.А. Н.И. Бухарин и программный вопрос на I конгрессе Коминтерна // Н.И. Бухарин и Коминтерн / под общ. ред. Ф.И. Фирсова. – Москва : ИМЛ при ЦК КПСС, 1989. – С. 59–71.
29. Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России. 1917–1921. – Москва : Квадрига, 2011. – 483 с.
30. Романовский В.К. Великая русская революция в оценках политического мыслителя Н.В. Устрялова // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 2–2. – С. 264–276.
31. Станков Н.Н. «Германский октябрь» 1923 года и Чехословакия // Славяноведение. – 2018. – № 1. – С. 18–29.
32. Суздальцев И.А. Когда же состоялось подлинное основание Коминтерна? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2021. – № 3. – С. 91–99.
33. Суздальцев И.А. Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. – 2021. – № 4. – С. 18–30.
34. Суздальцев И.А. Страны Центральной Азии в политике Коминтерна и журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 г. // Mongolica. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 72–78.
35. Ундасынов И.Н., Яхимович З.П. Коминтерн : опыт борьбы за единство рабочего движения. – Москва : Знание, 1989. – 62 с.
36. Фирсов Ф.И. Коминтерн: погоня за призракoм. Переосмысление. – Москва : АИРО-XXI, 2019. – 670 с.
37. Шмигель М. Наследники великой революции – венгерская и словацкая советские республики (1919 г.) // Великая российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI в. : Материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. А.В. Егоров. – Витебск : Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2017. – С. 168–172.
38. Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 448 с.
39. Claudin F. The Communist Movement : From Comintern to Cominform. – New York : Penguin books, 1975. – 830 p.
40. Comintern Aesthetics / ed. by A.M. Glazer, S.S. Lee. – Toronto : Univ. of Toronto press, 2020. – 563 p.
41. Drachewych O. Race, the Comintern, and Communist Parties in British Dominions, 1920–1943 // Left Transnationalism. The Communist International and the Na-

- tional, Colonial, and Racial Questions / ed. by O. Drachewych, I. McKay. – Montreal & Kingston : McGill-Queen's univ. press, 2019. – P. 247–269.
42. Drachewych O. The Communist International, Anti-Imperialism and Racial Equality in British Dominions. – London ; New York : Routledge, 2019. – 187 p.
43. Drachewych O. The Communist Transnational? Transnational studies and the history of the Comintern // *History Compass*. – 2019. – Vol. 17, Iss. 2. – URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hic3.12521> (дата обращения: 11.10.2021).
44. Fibla-Gutiérrez E., Salazkina M. Seeing the World Anew : Soviet Cinema and the Reorganization of 1930s Spanish Film Culture // *Comintern Aesthetics* / ed. by A.M. Glazer, S.S. Lee. – Toronto : Univ. of Toronto press, 2020. – P. 133–169.
45. Haslam J. Comintern and Soviet foreign policy, 1919–1941 // *The Cambridge History of Russia* / ed. R.G. Suny. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2006. – P. 636–661.
46. Haynes J.E. «The Elephant in the Living Room» : Theodore Draper and the Historiography of American Communism // *American Communist History*. – 2009. – Vol. 8, N 1. – P. 3–9.
47. Haynes J.E., Klehr H. In Denial. Historians, Communism & Espionage. – San Francisco : Encounter Books, 2003. – 336 p.
48. Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. – Berkeley : Univ. of California press, 1994. – 388 p.
49. Klehr H., Isserman M. Conference talks from «One Hundred Years of Communism in the USA» // *American Communist History*. – 2019. – Vol. 18, N 1–2. – P. 88–96.
50. Kocho-Williams A. Russia's International Relations in the Twentieth Century. – London ; New York : Routledge, 2013. – 192 p.
51. Lee S., Glazer A. Coda // *Comintern Aesthetics* / ed. by A.M. Glazer, S.S. Lee. – Toronto : Univ. of Toronto press, 2020. – P. 529–536.
52. Riddell J. Origins of the Anti-Imperialist United Front. The Comintern and Asia, 1919–1925 // *Left Transnationalism. The Communist International and the national, colonial, and racial questions* / ed. by O. Drachewych, I. McKay. – Montreal & Kingston : McGill-Queen's univ. press, 2019. – P. 99–124.
53. Rieber A.J. How Persistent Are Persistent Factors? // *Russian foreign policy in the twenty-first century and the shadow of the past* / ed. R. Legvold. – New York : Columbia university press, 2007. – P. 205–278.
54. Swagler M. The Russian Revolution and Pan-African Marxism // *Review of African Political Economy*. – 2018. – Vol. 45, Iss. 158. – P. 620–628.

УДК 303.446.4; 94(450).08

ЭМАН И.Е.* СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЧТЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЗАВЕРШАЮЩЕГО ЭТАПА РИСОРДЖИМЕНТО В ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.03

Аннотация. В статье рассматривается один из самых противоречивых этапов истории Рисорджименто: падение Королевства Обеих Сицилий в 1860 г. и вхождение Юга Италии в единое итальянское государство. Проанализированы современные прочтения дискуссионных проблем объединения Итальянского государства на его завершающем этапе, как то: феномен «великого бандитизма», сотрясавшего Юг вплоть до 1870-х годов, причины поражения бурбонской армии, частичная кооптация южных элит (в частности, военной) в новое национальное Итальянское государство. Вышедшие в последние годы работы итальянских историков обозначили определенный поворот в дискуссии, имеющей более чем вековую историю, между необурбонским и неолиберальным направлениями историографии. Новые концепции вызвали живой отклик среди специалистов по истории Рисорджименто.

Ключевые слова: Рисорджименто в Италии; Королевство Обеих Сицилий; «великий бандитизм»; военная история Италии.

EMAN I.E. Modern readings of the problems of the final stage Risorgimento in Italian historiography

Abstract. The article examines one of the most controversial stages in the history of the Risorgimento: the fall of the Kingdom of the Two Sicilies in 1860 and the incorporation of the South of Italy into a

* Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: mit.semikozov@mail.ru

unified Italian state. Recent interpretations of the debatable problems of the unification of Italy in its final stage are analyzed. Among them the phenomenon of the «Great Banditry» that shook the South until the 1870s, the causes of the Bourbon army defeat and the partial co-optation of Southern elites (in particular the military) into the new national Italian state. The works of Italian historians that have appeared in recent years have marked a definite turn in the debate, which has more than a century-old history, between neo-bourbone and neo-liberal strands of historiography. The new concepts have generated a lively response among specialists in the history of the Risorgimento.

Keywords: the Risorgimento in Italy; Kingdom of the Two Sicilies; «Great banditry»; military history of Italy.

Для цитирования: Эман И.Е. Современные прочтения проблем завершающего этапа Рисорджименто в итальянской историографии (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 44–67. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.03

Прошло немногим более 160 лет с того момента, когда на карте Европы на месте многочисленных отдельных государств на Апеннинском полуострове и прилежащих островах появилось единое Итальянское государство. Хотя полностью процесс объединения Италии завершится в 1870 год с присоединением Папского государства, 1860 г. стал кульминационной точкой на долгом пути к созданию единой Италии: итальянский Юг вошел в состав Итальянского Королевства. Торжественный въезд Сардинского короля Виктора-Эммануила в Неаполь 7 ноября 1860 г. и проведение плебисцита 21 октября 1860 г. в Королевстве Обеих Сицилий стали вехой в истории Апеннинского полуострова. Завершился решающий этап формирования единого государства, начало которому положила вторая война за независимость Сардинского королевства против Австрии, начавшаяся 26 апреля 1859 г. На протяжении последующих 18 месяцев Ломбардия, герцогства Модена и Парма, Великое герцогство Тосканское, Папское государство (кроме Лацио) и, наконец, Королевство Обеих Сицилий по завершении разгрома бурбонской армии были объединены в одно государство под эгидой Савойской монархии. 27 января 1861 г. состоялись выборы в парламент Итальянского государства, который затем при-

нял закон об образовании Итальянского королевства. 17 марта 1861 г. Виктор Эммануил II был провозглашен королем Италии.

Падение Королевства Обеих Сицилий, вхождение Южной Италии в Итальянское королевство – эти исторические события аккумулировали комплекс проблем, которые по сей день являются предметом жарких дискуссий в контексте так называемого «южного вопроса» – диспропорционального экономического и социально-политического развития Северной и Южной Италии, глубинного и устойчивого разрыва между Севером и Югом по ряду экономических, социальных и культурных параметров. Сложившийся исторически «южный вопрос», несмотря на то что характер и формы противоречий менялись в историческом контексте, и поныне остается важнейшей общенациональной проблемой, фактором, в значительной степени определяющим дальнейшее развитие страны. Неудивительно, что проблемы, лежащие в основе оформления «южного вопроса», постоянно вызывают историографические контroversы, и он по сути, остается «вечным вопросом» начального этапа развития единого Итальянского государства.

Уместно обратиться к концепции Рисорджименто Антонио Грамши, отмечавшего, что «в период Рисорджименто уже проявляется в зачаточной форме историческое отношение между большим городом и большой деревней. Вследствие того, что это отношение... выступало как отношение между двумя обширными территориями с весьма различными гражданскими и культурными традициями, это привело к обострению различных сторон и элементов национального конфликта» [2, с. 379].

Современное состояние полемики вокруг оценки центрального события в истории Италии XIX в. – рождения единого Итальянского государства – отчетливо обозначилось в недавно вышедших работах итальянских историков Кармине Пинто, Эудженио Ди Риенцо, Энцо Чиконте, Якопо Лоренцини, и др. «На суд истории» были вынесены новые трактовки хорошо известных событий и явлений, таких как, в частности, «великий бандитизм». Это явление, принявшее широкий размах практически во всех континентальных провинциях бывшего Королевства Обеих Сицилий в 1860–1865 гг., продолжало существовать с той или иной степенью интенсивности вплоть до начала 1870-х годов. Историки с новых позиций оценивают причины поражения бурбонской армии, паде-

ния бурбонской монархии, а также последующий период пребывания Юга в составе Итальянского государства.

Новые концепции получили широкий отклик в итальянских исторических «толстых журналах» у специалистов по истории Рисорджименто, в определенном смысле обозначив новый поворот в дискуссии вокруг проблемы образования единого Итальянского государства. Данные обстоятельства определили необходимость рассмотреть, в чем заключен смысл новых прочтений давних событий итальянской истории. Нелишне здесь вспомнить слова историка Джузеппе Берти, признанного специалиста по истории Рисорджименто, сказанные спустя столетие с момента объединения Италии: «История Рисорджименто – это чрезвычайно богатая и сложная история, охватывающая длительный период, многие десятилетия, насыщенный противоречиями, переворотами и в том числе внезапными изменениями политических позиций, чересчур синтетическое, чересчур обобщающее суждение о Рисорджименто неизбежно рискует оказаться неполным, не учитывающим всех сторон действительности» [1, с. 635].

«Великий бандитизм»

Явление «бандитизма» («brigantaggio») существовало, можно сказать, издревле на территории Южной Италии (и не только). В XVI–XIX вв. различные формы бандитизма получили широкое распространение в пределах Неаполитанского королевства и в Папском государстве. Понятия «бандит», «разбойник» («bandito», «brigante») затрагивали самые разные категории населения. Это были не только бродяги, воры и убийцы, люди, находящиеся «вне закона» («fuorusciti»), но также нищие, обездоленные крестьяне Южной Италии. К данной категории часто причисляли и тех, кто разделял в определенном смысле «бунтарские» политические идеи и участвовал в акциях, направленных против властей.

Устойчивость присутствия бандитизма на Юге Италии объясняется тем, что он всегда имел в своей основе глубокие социальные корни. Во время революционных кризисов или смены режима действия бандитских отрядов часто сопровождалось крестьянскими выступлениями или даже восстаниями (как это было во время мощного санфедистского выступления 1798–1879 гг. за возвраще-

ние династии Бурбонов на трон в Неаполитанском королевстве), при этом подчас принимая формы партизанской войны, складывавшейся из множества выступлений локального характера. Следует отметить, что и после поражения восстания и возвращения династии Бурбонов крестьянские движения не прекратились. В провинциях Калабрия и Апулия продолжились захваты земельных наделов.

Похожая ситуация сложилась и в период наполеоновского господства в Южной Италии, когда континентальную часть Неаполитанского королевства, перешедшего в начале 1806 г. в руки французов (вне их контроля оставалась Сицилия), сотрясали бандитские выступления, поддерживаемые Бурбонами. В Калабрии, Базиликате, Кампании, Молизе, в районах, пограничных с Лацио и Марке, бандитизм достиг огромных масштабов. И вновь, с возвращением Бурбонов на Неаполитанский престол, проявления бандитизма не прекратились. Как Бурбоны, так и французы использовали бандитов как наемную силу, используя протестные настроения в своих интересах, чему имеется немало свидетельств в исторических источниках.

С 1860 г. – года образования единого Итальянского государства – практически на протяжении всего последующего десятилетия на континентальных территориях бывшего Королевства Обеих Сицилий развернулся так называемый «великий бандитизм» («Grande Brigantaggio»), захлестнувший с особой силой летом 1861 г. весь континентальный Юг. Он стал одной из самых сложных проблем среди прочих других, как то: неудачная попытка главы правительства Итальянского государства Камилло Бенсо Кавура решить путем переговоров со Святым престолом проблему Рима; избирательная борьба и выборы в январе 1861 г. в парламент, провозгласивший Итальянское королевство и сыгравший главную роль в строительстве Итальянского государства. Вооруженное сопротивление бандитских формирований удалось подавить только в 1865 г. при помощи жестоких репрессий, проводившихся армией. Однако вплоть до 1870 г. бандитизм, утратив характер массового движения, сохранялся в виде спорадических индивидуальных выступлений.

Явление бандитизма нашло отражение в огромном числе исторических и публицистических работ, хроник, повествующих о

подвигах вооруженных банд и их главарей. Оценка данного явления практически всегда вызывала острую полемику в итальянской историографии между сторонниками Бурбонской династии и их оппонентами. Сложившиеся концепции, своего рода «мифы» и сейчас создают определенные препятствия для понимания феномена бандитизма, разбойничества и его места в истории объединенной Италии, как отметил историк Этторе Чиннелла в статье «Бандитизм и единство Италии» [6].

В последнее время проблема «великого бандитизма» вышла на первый план дискурса о причинах распада Королевства Обеих Сицилий и в целом об итогах Рисорджименто¹. Отметим, что в итальянской историографии уже с первых лет существования единого государства обозначились явные расхождения в оценке бурбонской монархии в финальный период ее истории (включая последние десятилетия правления Фердинанда II). Современное необурбонское направление, представляющее идеалистический взгляд на бандитизм, который Чиннелли называет «контристорическим», получило наибольшее распространение и пользуется определенным успехом у ряда представителей итальянской историографии. Необурбонцы говорят об «исторической вине» либеральной Италии и ее политического класса в отношении Юга. Они видят в войне разбойнических банд своего рода «национальное восстание», героическую борьбу южного плебса, поднявшегося на защиту своего законного суверена и римского понтифика против пришедших из Северной Италии завоевателей, врагов католической церкви. Эта позиция, согласно метким замечаниям Чиннелла, в определенном смысле стала «общим местом», своего рода «оплакиванием жертвенности южан», обвинением северян во всех бедах Юга и «восхищением счастливыми временами бурбонского Королевства Обеих Сицилий» [6, с. 329], мифом о «потерянном рае» на берегах Средиземного моря.

Другое направление, противостоящее необурбонской интерпретации, представляет менее распространенную точку зрения на

¹ О том, насколько важна трактовка «великого бандитизма» для понимания исторического развития Италии после объединения, свидетельствует статья Марко Ровинелло, в которой показано, как феномен «великого бандитизма» освещается на страницах современных учебников по истории для высшей школы [13].

бандитизм как на ретроградный, отсталый, дикий феномен, средоточие сил, враждебных единой Италии. Это направление можно назвать «савойским», поскольку оно отождествляет объединение страны с победой пьемонтской монархии.

Иное видение начального этапа истории единого Итальянского государства представлено в работах историков социального направления, авторитетным представителем которого был Франко Мольфезе. В его работе «История бандитизма после Объединения» [11] бандитизм рассматривается как форма социального протеста, начальный этап восстания угнетенных крестьян Юга (*I cafoni*, мужланов) против имущих классов (*I galantuomini*, благородных), спровоцированного крайним обнищанием сельского люда, но направленного против нового Итальянского унитарного государства. В крайней нищете крестьян было повинно не только бездарное управление бурбонских властей. Пришедшее им на смену Туринское правительство не сделало ничего, чтобы разрядить ситуацию. Напротив, политика распределения бывших церковных земель, вопросы, связанные с налогообложением, обострили социальную напряженность в южных провинциях. Правительственная политика на Юге привела к укреплению аграрной буржуазии, которая сохранила за собой захваченные общинные земли, а также земли королевских доменов, сумела завладеть значительными церковными вотчинами, перешедшими в руки государства и пущенными в продажу.

Мольфезе опирался на анализ ситуации, сложившейся на Юге, проведенный Джузеппе Массари, апулийским либералом, вынужденным эмигрировать в Пьемонт, сторонником премьер-министра Сардинского королевства Камилло Бенсо Кавура (с 1861 г. главы правительства единого Итальянского королевства). Массари пытался найти ответ на вопрос о том, что лежит в основе бедствий, постигших присоединенные южные провинции. В его докладе в Итальянском парламенте, сделанном от лица Комиссии по расследованию случаев бандитизма, ответ был однозначным – военные репрессии со стороны Итальянского государства. Согласно закону Пика, принятому 15 августа 1863 г., полномочия в судебных разбирательствах над бандитами и их пособниками передавались военному трибуналу, проводившему карательные операции в отношении всех тех, кто оказывал вооруженное сопротивление.

Работой, в определенном смысле поворотной в современной интерпретации «великого бандитизма», вызвавшей многочисленные отклики итальянских специалистов по истории Рисорджименто, стала книга Кармине Пинто «Война за Юг. Итальянцы, бурбоны и бандиты (1860–1870)» [12]. Автор рассматривает историю Юга с момента высадки на Сицилии гарибальдийской «Тысячи», военные действия, которые та вела на Юге и которые продолжились долгой и кровавой войной вооруженных банд на континентальных территориях бывшего Королевства Обеих Сицилий, по сути, войну против новорожденного единого Итальянского государства. «Великий бандитизм» для Пинто стал решающим этапом противостояния, которое он назвал «войной за Юг» – сложной и драматичной чередой сражений, не всегда кровопролитных, окончившихся победой сторонников единой Италии.

Задачу своего исследования Пинто видит в том, чтобы найти причины, которые породили мощное сопротивление легитимистских сил новому Итальянскому государству, вылившееся в мобилизацию бандитских отрядов. На Юге отряды Гарибальди действовали весьма успешно, распад бурбонского Королевства Обеих Сицилий произошел достаточно быстро, а войска Франческо II были за сравнительно короткий срок разгромлены. Регулярной армии Итальянского королевства противостояли нерегулярные соединения южан.

«Война за Юг» между армейскими частями нового Итальянского королевства и бандитскими формированиями, продолжавшаяся целое десятилетие, шла не только на театре военных действий, она проявлялась и во многих других формах, например, в гражданском неповиновении и использовании пропагандистских инструментов. Но именно война между регулярными войсками и бандитами стала наиболее драматичной частью широкой панорамы завершающего этапа Рисорджименто. Особо важен документальный материал, на котором Пинто выстраивает свою гипотезу. Он привлекает источники, в которых отражена поддержка вооруженных действий банд бурбонским правительством в изгнании, пытавшимся опереться на силы европейских стран, поначалу не признававших Итальянское королевство. Россия и Пруссия признали новое государство в июле 1862 г., Испания – двумя годами

позднее. Король Обеих Сицилий Франческо II распустил свое правительство в изгнании только в сентябре 1866 г.

Действия Бурбонов по формированию бандитских отрядов и оказанию им разнообразной помощи, военной и материальной, начались сразу же после бегства Франческо II из Неаполя, продолжились после сдачи Гаэты и прибытия Бурбонов в Рим. В январе и феврале 1861 г. их сторонники осуществляли попытки проникновения на Юг в составе крупных отрядов, сформированных на территории Папского государства. Границу весьма успешно пересекали мелкие группы, доставлявшие бандитским формированиям оружие и деньги. Большая часть духовенства поддерживала агентов и подпольные комитеты Бурбонов.

Пинто показал, что немаловажной составляющей войны были также случаи манипуляции бандитами самими унитариями, сторонниками единой Италии. «Война идей» – этот аспект часто упускается при исследовании бандитизма, на что обратил внимание Чиннелла. Он видит новаторство Пинто именно в разработке данного концепта. Легитимисты прекрасно отдавали себе отчет в том, что недостаточно только финансировать и помогать бандам вооружением. Нужно уметь противостоять пропагандистской машине нового Итальянского государства. Бурбоны прекрасно задействовали и итальянских, и иностранных журналистов для обоснования исторической и политической легитимности сохранения независимости Королевства Обеих Сицилий. Однако их сторонники не могли соперничать с унитариями ни в военном отношении, ни в деле разрешения политико-идеологического конфликта, ни во взаимоотношениях с гражданским населением. Бурбоны проиграли «войну за население», что показали события 1860-х годов. Бурбонская знать сыграла важную роль в организации и поддержке бандитизма, но «никогда не предлагала стратегического плана, способного бросить вызов гегемонии унитариев» [12, р. 310; 6, р. 333]. Новому Итальянскому государству удалось пресечь попытку сторонников Бурбонов превратить бандитизм в орудие политической борьбы, острием своим направленное против единой Италии.

После падения Королевства Обеих Сицилий значительное число легитимистов из европейских стран выступили в поддержку короля Франческо II за восстановление бурбонской монархии и ее

владений. В связи с этим характерна история каталонца, сторонника испанских карлистов Хосе Боргеса, воевавшего вместе с отрядами бандитов в Калабрии, а затем в Базиликате. Валентино Романо в своей книге «От Калабрии до Абруцци. Генерал Хосе Боргес среди бандитов короля Франческо II» на основе архивных документов и дневника Боргеса, приведенного в заключительной части исследования, подробно восстанавливает ход событий. 13 сентября 1860 г. Хосе Боргес и еще примерно 20 человек, при содействии сицилийского князя Фулько Руффо, высадились в Калабрии. К концу октября они присоединились в Базиликате к бандитским отрядам под командованием Кармине Крокко и Нинко Нанко. Вместе с ними Боргес совершил ряд набегов. Генерала поражали насилие и грабежи, которые чинили бандиты в захваченных ими поселениях. Несмотря на небольшое число людей, находившихся у него в подчинении, и ограниченные средства, Боргесу поначалу удавалось добиваться определенного успеха и уходить от преследования национальной гвардии и регулярных войск вплоть до декабря 1861 г. Но ему не удалось совершить внезапное нападение на Потенцу и взять на себя военно-политическое руководство. К концу ноября бандиты отказались подчиняться Боргесу и ушли в леса Вультуре. Генерал смог добраться до Абруццо, но при попытке перейти границу с Папским государством его схватили и расстреляли.

Главный посыл концепции Пинто заключается в том, что именно Бурбоны, находившиеся в изгнании в Риме, их сторонники и агенты, действовавшие на итальянском Юге, инициировали «великий бандитизм». Легитимистское движение «вверило бандам политическую функцию через свои центральные и локальные структуры» [12, р. 379]. Пинто не рассматривает «великий бандитизм» как герилью, партизанскую войну, как спонтанное восстание беднейшего населения Юга. «Великий бандитизм» не был и своего рода эмбрионом крестьянской революции. Это были дикие, жестокие действия, направленные против Итальянского государства, продвигаемые и поддержанные бурбонской реакцией. Историк доказывает, что явление «великого бандитизма» не являлось и социальным протестом, его спровоцировали Бурбоны в тщетной попытке реставрировать неаполитанскую монархию. Однако данный тезис убедил далеко не всех. Чиннелла, высоко оценивший

работу Пинто, назвавший ее «межевым столбом», разделившим концепции и оценки событий Рисорджименто, выражает сомнения по поводу решающей, почти исключительной роли бурбонского фактора в развертывании «великого бандитизма».

Разделяя эти сомнения, приведем ряд соображений. Социальный кризис на Юге Италии обостряется в первой половине XIX в. После юридической ликвидации феодальной системы раздел домениальных земель шел медленно и в очень ограниченных масштабах. Крестьяне лишились сервитутных прав, они были вынуждены наниматься в качестве поденщиков на работу в латифундиях на крайне тяжелых условиях, а размеры мелкой крестьянской собственности увеличились весьма незначительно. Несправедливые условия аграрных договоров, делавшие особенно тяжелыми существование большей части колонов, явились главной причиной глубокого недовольства южного крестьянства, его нищенского положения. 11 мая 1860 г. в Сицилии высадился отряд борца за независимость и единство Италии Д. Гарибальди, знаменитая «Тысяча», которую массово стали пополнять добровольцы из местных крестьян. Они сражались не ради объединения Италии, но против страшной нищеты: декреты правительства Гарибальди обещали снижение цен на продовольствие, раздел латифундий и наделение крестьян землей – исполнение вековых чаяний местных земледельцев. 8 сентября 1860 г. Гарибальди был провозглашен диктатором Неаполя и Сицилии.

В период экономического кризиса 1860 г. проблема раздела домениальных земель встала особенно остро. Начатый в наполеоновскую эпоху раздел к 1860 г. был весьма далек от завершения. Хотя декрет от 1 января 1861 г. объявлял о возобновлении раздела, тем не менее за весь 1861 г. не произошло серьезных сдвигов в раскладке домениальных земель. В последующие годы процесс несколько ускорился. Именно в этот период бандитизм в ряде южных провинций несколько ослаб [3, с. 187]. Однако отметим, что определенные сдвиги в процессе раздела земли затронули ограниченные районы, меры по возврату узурпированных земель очень редко были успешны. Нерешенность вопроса о разделе домениальных земель явилась одной из существенных причин резкой враждебности южного крестьянства по отношению к новому режиму. Следует обратить внимание, что социальное напряжение в

южной деревне всегда обострялось в периоды революций 1799, 1820, 1848 и 1860 гг. И всегда восстававшее крестьянство в той или иной степени становилось объектом манипуляций со стороны Бурбонов. В 1860 г. началось, по сути, широчайшее неорганизованное крестьянское восстание, имевшее социальную подоплеку, принявшее форму «великого бандитизма». Его зарождение и размах вряд ли можно объяснить только подрывной деятельностью бурбонского двора и его многочисленных сторонников.

Очень важным для понимания концептуального посыла Пинто остается вопрос о столкновении двух миров, двух культурных парадигм Севера и Юга Италии. Данная проблема получила значительный отклик в ряде последних работ итальянских историков, в частности в работе Энцо Чиконте «Великая бойня. История войны с бандитизмом» [5]. Историк называет репрессивные действия национальной итальянской армии против вооруженных бандитских отрядов столкновением двух Италий, тяжелой и кровавой гражданской войной, в которой акты насилия и жестокости присутствовали с обеих сторон. Чиконте приводит обширный архивный материал, доказывающий, что офицеры итальянской армии считали такие действия в отношении «бандитов» правомерными. Существовало устойчивое презрительное отношение северян к населению Юга, к его обычаям и традициям, как на политическом, так и на бытовом уровне. Утверждалось, что на Юге «живут кровопийцы и дикари, воры и грабители», «бандиты едят сердце и печень своих врагов и пьют кровь из человеческих черепов» [5, р. 133]. Юг еще не перешел от варварства к цивилизации, следовательно, насилие в отношении южан вполне оправдано. «Это совсем не Италия! Это Африка», – писал министр внутренних дел в кабинете Кавура Карло Луиджи Фарини, королевский наместник в Неаполе (1861). «Бедуины по сравнению с этим мужичьем поистине цвет гражданской добродетели» [там же]. Какое же впечатление тогда могло сложиться у южан, «мужичья», о «благородных» северянах, прибывших сменить местное командование, политическое и административное руководство?

Немаловажным, на наш взгляд, является и то обстоятельство, что древняя, мотивированная враждебность нищего люда Юга к синьорам и местным властям достаточно быстро была перенаправлена на представителей нового Итальянского государства, ко-

торые отнюдь не всегда отличались гуманным поведением и пониманием местного населения, чему существует масса документальных подтверждений. Враждебное отношение большинства простого населения Юга вызвало роспуск отрядов гарибальдийцев и обязательный рекрутский набор, проходивший в девяти южных провинциях. Февральские декреты 1861 г., распространившие на Южную Италию савойское законодательство относительно церковных вопросов, спровоцировали недовольство низшего клира, до того дня благожелательно настроенного к объединению Италии. Затягивание решения вопроса о земельных квотах разочаровало и настроило сельский люд враждебно по отношению к властным структурам Севера. Таким образом, в основе поддержки бандитизма и пробурбонских настроений на Юге лежало множество факторов, но, на наш взгляд, одними из главных были голод, нищета и несправедливость – на их базе подспудно вызревало и росло крестьянское недовольство, подчас выплескивавшееся в крестьянские бунты и даже в крестьянские восстания.

Еще одну трактовку явления «великого бандитизма» предлагает историк Эудженио Ди Риенцо. В основании его концепции, представленной в работе «Бандитизм в постунитарный период как историографическая проблема» [7], лежат размышления сицилийцев, в частности капитана расформированной бурбонской армии Томмазо Кава де Гуэва. В брошюре 1965 г. (приведенной Ди Риенцо в конце книги) Де Гуэва проводит политический анализ явления разбойничества в Южной Италии. Ди Риенцо также проанализировал оценку этой работы, данную известным итальянским писателем Леонардо Шаша в его статье «Неаполитанский бандитизм и сицилийская мафия» спустя столетие, в 1968 г. Шаша отметил, что ошибочно сводить антиунитарные выступления Юга, с особым размахом развернувшиеся уже в 1861 г., только к криминальному явлению. Писатель задался вопросом о том, почему «великий бандитизм» не получил развития в Сицилии, как это было во всех без исключения провинциях континентального Юга. Ответ, по его мнению, кроется в исконных антибурбонских настроениях сицилийцев и в существовании на острове наиболее продвинутой, по сравнению с континентальной, мафиозной буржуазии, которая смогла обратить себе во благо посылы к модернизации, порожденные процессом объединения. Шакалы заняли место львов, как го-

ворил герой романа Томмазо ди Лампедузы «Леопард» князь Салина, чьи слова привел в своем критическом разборе концепции Ди Риенцо историк Дино Массимо [8, р. 842].

Думается, стоит остановиться на сопоставлении таких явлений, как мафия и бандитизм, с которыми единое Итальянское государство столкнулось с первых лет своего существования. На наш взгляд, интерес представляют замечания Чиконте, обратившего внимание на интересный факт: Итальянское государство сразу же стало прибегать в отношении бандитов к жестким насильственным мерам, но оно не применяло подобные меры в отношении мафиозных криминальных структур Кампании, Сицилии и Калабрии, предпочитая своего рода «совместное проживание», «сосуществование». Чиконте показал, что мафиозные структуры и разбойничьи банды действовали на разных территориях Юга. Там, где бушевали крестьянские волнения, действовали бандитские группировки, но мафия – никогда. Например, в Калабрии мафиозные объединения сформировались в провинции Реджо Калабрия, а бандиты промышляли в провинциях Катандзаро и Козенца. В Абрुццах, Апулии и Базиликате действовали разбойничьи банды, но не мафиозные организации. В Кампании территориями бандитов считались провинции Салерно, Казерта и Беневенто, тогда как средоточие каморры (неаполитанской мафии) был Неаполь. Мафия существовала, можно сказать, «на другом театре военных действий», нежели бандитские формирования.

Но вернемся к работе Ди Риенцо. Историк с большим уважением отнесся к книге К. Пинто, которому, на его взгляд, удалось на основе обширного документального материала дать ответ как приверженцам «ностальгической несуразицы необурбонского направления», так и тем историкам неосавойского направления, которые «не поняли, или сделали вид, что не поняли, что приравнивание явления бандитизма к простому криминальному феномену происходит от недопонимания «“южного вопроса” и всех тех бед, которые до сих пор наводняют и разделяют страну» [8, р. 842].

Отметим, что Ди Риенцо близка позиция известного итальянского философа Бенедетто Кроче, писавшего, что Королевство Обеих Сицилий распалось под воздействием не столько внутренних, сколько внешних причин, а именно под ударами вооруженных сил Итальянской армии. Ди Риенцо настаивает, что сопротив-

лявшийся Юг объединил части сельских бандитов, гражданских слоев, остатков армии Франческо II, неаполитанских либералов, выступавших против единой Италии, и даже гарибальдийцев, разочарованных ходом процесса объединения. Следовательно, «политический бандитизм» был не только первой гражданской войной, но также и междоусобной войной неаполитанцев, которую можно считать кульминационной фазой войны отдельных группировок, возникших после революции 1848 г. в кругах провинциальной буржуазии Юга. Это была война между «либеральными благородными» слоями, находившимся в тайном сговоре с неаполитанской каморрой и в целом с преступными элементами апулийских, луканских, калабрийских мафиозных организаций, и «благородными легитимистами», которые поддерживали и финансировали антиунитарные выступления.

В подтверждение своего тезиса Ди Риенцо приводит обширный отрывок из записей генерала Джузеппе Говоне (с декабря 1869 г. занявшего пост военного министра), под руководством которого проводились жестокие репрессии против антиунитарных выступлений бандитских группировок на юге Италии. Записи прекрасно иллюстрируют сложность и неоднозначность войны «итальянцев против итальянцев»: «Реальность такова, что во многих местностях партия, которая называет себя либеральной, видит истоки бандитизма в деятельности бурбонских комитетов. Как в начале моего пребывания на границе Папского государства, так и в дальнейшем было множество случаев, когда разоблачали действия бурбонских конспираторов, комитетов и т.п. Впоследствии я лично познакомился со многими из тех, кого подвергли разоблачениям, увидел абсурдность обвинений, увидел, каким большим уважением пользуются многие из обвиняемых семей. Я попытался найти объяснение этому факту и расследовать примеры разоблачений, которых насчитывалось не более двух в каждой коммуне, но в них фигурировали самые богатые и самые уважаемые люди. Я расследовал порядка 15 случаев и узнал, что обвинения основывались либо на том, что кто-то из членов семьи занимал высокую должность в бурбонском правительстве, либо имел связи с королевским двором, либо просто владел большими богатствами. Отсюда закоренелая зависть, а иногда также и укоренившаяся ненависть, оправдывающая насилие. Потом случилась революция 1860 г.

И тот, кто находился внизу и испытывал зависть и ненависть, связал себя с революцией и не замедлил сбросить тех, кто раньше стоял над ним. В революции новые силы назвали себя либеральными, силы противника они называли бурбонскими. Среди первых я знал честных либералов, но также было много тех, кто поднял знамя под влиянием временных обстоятельств, ими двигала лишь ненависть, зависть и жадность. Среди других встречались те, кто был настроен пробурбонски, но большинство оказались повинны лишь в том, что затаили неприязнь к большим государственным доходам, но были ответственными и честными людьми. Я и мои подчиненные чувствовали, что должны проявлять осторожность в расследованиях по поводу всех, кого называют либо сторонниками Бурбонов, либо либералами» [8, р. 840].

Историк Эмилио Джин обратил внимание на приведенные в книге Ди Риенцо биографии неаполитанских нотаблей и аристократов, принимавших участие в восстании 1848 г. и вынужденных эмигрировать в Пьемонт, где они занимались длительной подготовкой национальной революции 1860 г. Вернувшись на Юг «в колеснице победителей», они оказались перед лицом неприкрытого дискриминационного насилия со стороны нового режима, подавляющего любую форму не только вооруженного сопротивления, но и выражения критического общественного мнения. В подобных обстоятельствах эти люди становились участниками борьбы «за дело Бурбонов», потому что «порох и свинец пьемонтцев имеют тот же цвет и запах, что порох и свинец Бурбонов», а в тюрьмах трехцветное знамя единого Итальянского государства заняло место знамени с изображением лилии Бурбонской династии [8, р. 841]. Мотивы противостояния крестьянства, клира, буржуазии, солдат расформированных войсковых соединений Франческо П, гарибальдийцев, республиканцев, ветеранов революции 1848 г., вернувшихся из Турина эмигрантов и даже сторонников неаполитанской антибурбонской либеральной партии находили отклик как среди реакционных сил, так и среди савойцев.

Историографический анализ южного бандитизма непосредственно связан с анализом социально-экономического положения Южной Италии после объединения. Д. Мессина приводит результаты сравнения бюджетов Неаполитанского и Сардинского королевств, относящиеся к 1862 г. Их совокупный долг составил

2,4 млрд лир. Больше половины долга приходилось на Сардинское королевство, в то время как четверть составляла квота Неаполитанского королевства [8, р. 844]. Чтобы поправить финансовую ситуацию, подорванную расходами на войну за независимость и на Крымскую войну, был избран путь увеличения налогообложения, что тяжело сказалось не только на малоимущих слоях Юга, но и на работниках производственной сферы. Не была проведена политика постепенной региональной интеграции, запрограммированная Кавуром, которую попытался осуществить следующий премьер-министр Марко Мингетти. Победила так называемая «пьемонтизация», т.е. быстрое распространение сардинского законодательства на завоеванные районы Италии. К сожалению, возобладала «ментальная леность», предвзятое отношение к Южной Италии как к «Итальянской Африке», а не разумный административный и налоговый федерализм, что привело к усилению и закреплению диспропорционального развития северных и южных областей в новом унитарном государстве, которое сохранилось и в последующие периоды истории.

Какое место занимает концепция «великого бандитизма» Ди Риенцо в современных спорах историков двух доминирующих направлений итальянской историографии? По мнению историка Аурелио Музи, интерпретация Ди Риенцо существенным образом отличается от необурбоновских трактовок. Историк не разделяет их идеологических постулатов, не оспаривает необходимости объединения страны, не принимает целиком и полностью по сути колониального подхода к Южной Италии [8, р. 844–845]. Однако концепт автора существенно отличен от «ортодоксального» либерального направления, восхвалявшего «прекрасную и прогрессивную судьбу» объединения, способ его проведения.

На наш взгляд, подход Э. Ди Риенцо сходен с концептом К. Пинто. У историков схожая оценка природы бандитизма как политического мятежа и одновременно протагониста гражданской войны. Однако Музи полагает (и он прав, с нашей точки зрения), что Ди Риенцо, в отличие от Пинто, недооценивает весомость некоторых факторов, благоприятствовавших успешному унитарному решению. Это, прежде всего, имплозия, внутренний надрыв бурбонского режима, отсутствие органических связей между столицей и провинцией, слабость, бесхарактерность последнего короля Не-

аполитанского королевства Франческо II, преодоление разногласий между Гарибальди и Кавуром, а также южная либеральная традиция. И как вывод – Бурбонской контрреволюции в любом случае не удалось бы остановить процесс объединения.

Однако главный вывод Ди Риенцо относительно выбора пути, по которому пошло развитие единого государства, на наш взгляд, бесспорен: основными причинами такого хода событий стали отсутствие стратегии в достижении консенсуса, бонапартистская централизация, ошибочные решения руководящего либерального класса, ошибки в решении вопросов экономического объединения.

Военное поражение бурбонской армии

Распад почти 100-тысячной бурбонской армии в начале гарибальдийской кампании явился важным фактором в развитии такого явления, как «великий бандитизм». Начавшийся стихийно после высадки Гарибальди в Калабрии, распад бурбонской армии завершился с возвращением домой солдат, бежавших в ноябре 1860 г. в Папское государство, а также после капитуляции Гаэты и взятия Мессины. Значительным компонентом в движении бандитизма стали бывшие унтер-офицеры и солдаты бурбонской армии. Объяснение данному явлению можно найти в том, что большинство рядовых унтер-офицеров и солдат были выходцами из крестьян. Имело значение также и то обстоятельство, что туринское правительство 20 декабря 1860 г. издало декрет о призыве в армию рекрутов четырех самых младших возрастов при одновременном увольнении в запас военнослужащих четырех старших возрастов. Чтобы избежать наказания за уклонение, призывники пополняли ряды бандитов. По сравнению с законом Бурбонов о воинской повинности, предусматривавшим многочисленные случаи освобождения от военной службы, новый декрет был более суровым. В итоге в армию попадали только представители беднейших слоев. Что касается сицилийцев, то они были освобождены от призыва и могли нести службу добровольно. Пополнение банд бывшими солдатами и унтер-офицерами облегчило сторонникам Бурбонов задачу придать бандитизму вид политической вооруженной борьбы за реставрацию королевской династии и прежнего порядка.

Относительно позиции высшего офицерского состава бурбонской армии интересные данные содержат две работы историка Дж. Лоренцини, специалиста в области военной истории: книга «Шлем Сципиона. История Рисорджименто в военной форме» [9]¹ и статья «Когда рушится общественный порядок. Офицерское сословие бурбонской монархии в 1860 г. и позднее» [10]. Как уже было отмечено, споры в итальянской историографии по поводу оценки последних лет существования Королевства обеих Сицилий затрагивают и военную составляющую. Речь идет о причинах разгрома бурбонской армии, краха военной организации Королевства, ее структурных недостатках как профессионально-технических, так и социально-политических. Главным аргументом в споре с необурбонской историографией является тезис представителей неосавойской историографии о «предательстве», так называемом «саботаже» со стороны неаполитанского офицерского корпуса пехотных и морских соединений при проведении военных операций. При этом необурбонцы признают справедливость приводимых данных своих оппонентов о плачевном материальном и профессиональном состоянии бурбонской армии, и в частности – ее офицерского состава.

Лоренцини считает, что верные династии войска были обречены на поражение единственно вследствие неспособности своего командования решения стратегических и тактических задач. Примером является битва при реке Вольпурно у города Санта-Мария, где присутствовал король Франческо II, а также осада Газты 1–2 октября 1860 г., когда бурбонская сторона имела значительный численный перевес над гарибальдийцами. Разгром бурбонской армии под командованием генерала Ритуччи (отдельными частями командовали генералы Табаки, Афан де Ривера, Фон Мигель, Рунц) при ее численном превосходстве сделал невозможным возвращение короне захваченного Неаполя.

Среди работ историков необурбонского направления Лоренцини особо выделяет исследование Роберто Мария Сальваджи

¹ См.: Эман И.Е. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 128–132. Рец. на кн.: Lorenzini J. L'Elmo di Scipio. Storie del Risorgimento in uniforme. – Roma : Salerno Editrice. – 2020. – 328 p.

«Имена и лица забытой армии. Офицеры неаполитанских войсковых подразделений 1860–61» [15], поскольку Сальваджи, единственный среди необурбонцев, применил в своем исследовании инструмент просопографии. Однако, по мнению Лоренцини, данная работа содержит ряд погрешностей. Прежде всего, она все же не дает объяснения причин, которые привели к краху армии Королевства. Сальваджи ограничился изложением биографий действующих лиц, что явно недостаточно для понимания произошедших событий, кроме того, остаются неясными критерии авторского отбора персонажей.

Лоренцини исследует высший офицерский корпус бурбонской армии периода военных кампаний 1860–1861 гг. по временным параметрам: находившихся на службе к январю 1860 г., находившихся на службе до середины июля того же года, и тех, кто оставался под бурбонскими знаменами до конца сентября 1860 г., начала битвы при Вольтурно [10]. Исследователь поднял архивный материал о семейном положении высших офицеров, их браках, документы о жизни и обычаях офицерского состава Королевства Обеих Сицилий, их продвижении по карьерной лестнице и профессионализме. Документы из Государственного архива Турина дали возможность историку провести сравнительный анализ офицеров бурбонской армии и офицеров Сардинского королевства за 1849–1859 гг., а также военных кампаний 1859–1860 гг.

Использованный Лоренцини просопографический материал позволил ему изучить боевую стратегию офицеров-южан в период развала бурбонского порядка, высветить причины «хрупкости» офицерского корпуса в военных действиях 1860 г. Выводы, к которым пришел историк, делают доказательства тезиса необурбонской историографии о предательстве весьма проблематичным, если не сказать сфальсифицированным. Лоренцини утверждает, что с военной точки зрения провальный ход кампаний в Сицилии, и прежде всего в Калабрии, не имел ничего необъяснимого, загадочного. Сицилия была потеряна из-за решения сосредоточить бурбонские вооруженные силы в Палермо после первого же столкновения с гарибальдийскими силами в Калабрии. Солдаты были вынуждены сражаться в условиях города, где они не могли вести военные действия так, как это предписывала тактическая инструкция. Подразделения попали в ситуацию, подобную той, которая

сложилась в Палермо в январе 1848 г. и заставила войска покинуть остров. Те немногие офицеры, которые предложили наступательную стратегию, повели свои подразделения в долгий поход вглубь острова и перешли в открытое столкновение с гарибальдийцами при Милаццо, были командующими из иностранных батальонов. Они были молоды, физически крепки и лучше профессионально подготовлены, нежели оставшиеся в Палермо генералы. Иностранные батальоны были лучше вооружены, нежели основные гарнизоны острова.

Что касается кампании в Калабрии, многочисленные неаполитанские сухопутные соединения разбежались всякий раз при маневрах гарибальдийских формирований. Представители командного состава были преимущественно пожилыми, профессионально не соответствовали новым военным вызовам. Высший офицерский состав артиллерии (к примеру, стоявший во главе войсковых соединений военный министр Джузеппе Сальваторе Пьянель) пытался присоединиться со своими подразделениями к отрядам Гарибальди отнюдь не потому, что их кто-то подкупил. Офицеры хорошо отдавали себе отчет в безнадежности продолжения военных действий.

Важным фактором поражения бурбонской армии явилось и то обстоятельство, что ее офицеры и рядовые были вынуждены действовать в окружении враждебно настроенного к ней населения, и прежде всего – нотаблей Сицилии и Калабрии. Как отмечают многие итальянские историки, занимавшиеся движением Рисорджименто (как, например, Р. Ромео или К. Пинто), Бурбоны в Сицилии в 1860 г. больше не могли рассчитывать на активную поддержку со стороны каких-либо слоев сицилийского общества. Такое же положение сложилось и в Калабрии. Когда ситуация усложнилась, гарибальдийские отряды нашли поддержку со стороны нобилитета, занимавшего либо антибурбонские, либо филоунитарные позиции.

Отметим, что социальный и анаграфический анализ офицерского состава бурбонской армии, предпринятый Лоренцини, показывает также, что многие офицеры, вошедшие в состав армии единого Итальянского государства, были в основном пожилыми людьми, надеявшимися на получение пенсии и на более спокойный образ жизни в Неаполе после объединения страны. Имелся

также и ряд иных причин, определивших переход высшего офицерского состава на службу в армию Итальянского королевства, например, перспектива карьерного роста в более структурированной и меритократической армии Итальянского королевства. Многие офицеры войск Юга составили к концу XIX в. военную элиту Италии. Но были и противоположные примеры. Часть офицерского состава, не имевшая сопоставимого социально-профессионального капитала, примкнула к легитимистскому вооруженному крылу, которое возглавлял бурбонский королевский двор в изгнании.

Итак, по прочтении новых работ итальянских историков по дискуссионным вопросам Рисорджименто возникает вопрос: возможен ли «третий путь» между противостоящими историографическими направлениями: необурбонским и неосавойским? На этом пути современные историки выдвинули концепт гражданской войны в объяснении явления «великого бандитизма», краха Королевства Обеих Сицилий. «Великий бандитизм» и направленные против него репрессии со стороны Итальянского государства были не чем иным, как «войной за Юг», выпестовавшей два противоположные друг другу пропагандистских и культурных проекта, гражданской войной в южном социуме – так считает К. Пинто. По мнению Э. Чиконте, это была братоубийственная война между Севером и Югом, но также война южан против южан и одновременно классовая война между собственниками земли и безземельным крестьянством. Это была междоусобная война неаполитанцев, ставшая кульминационной фазой борьбы отдельных группировок, возникших после революции 1848 г. в буржуазных кругах Юга, гражданская война между наиболее просвещенными нотаблями Юга, объединившимися с либералами Севера, и традиционалистами, сторонниками и защитниками бурбонского блока, – так полагает Э. Ди Риенцо.

В новорожденном Итальянском королевстве соединились и переплелись противоположные компоненты: консерватизм и жесткая централизация Савойской монархии, элементы новой фритредерской политики Кавура, новые буржуазно-либеральные веяния и традиционные воззрения Юга, «в которых и после освобождения от векового владычества Испании ощутимо проглядывали черты “испанской идеологии” – монолитное соединение католического фанатизма с монархическими установками» [4, с. 18], где сохраня-

лись следы социальных отношений внутри структур, унаследованных не только от феодализма, но и от более ранних эпох: колонат, издольщина, эмфитефсис¹, формы земельных отношений, характерные для Античности.

В феномене «великого бандитизма» соединились интересы баронов и буржуазии, чаяния беднейшего крестьянства. Важную роль играло чувство принадлежности к неаполитанской нации, особенно сильно выраженное как у образованных слоев южного общества, так и в рядах военных бывшей бурбонской армии, как среди простых солдат, так и среди младших офицеров, не говоря уже о высшем офицерском составе, который обвиняли в том, что именно они ответственны за военное поражение и капитуляцию.

Итак, пятилетие кровопролитий, 1860–1865 гг. Была ли война необходима для решения стоящих перед новым государством задач, или же «война за Юг», война итальянцев против итальянцев в исторической перспективе оказалась напрасной? Этот вопрос, если рассматривать в целом события 1860–1870 гг. как гражданскую войну (включавшую разные компоненты), сложен, и как всякий вопрос о гражданской войне (будь то Гражданская война в России в 1918–1922 гг. либо гражданская война в Испании в 1936–1939 гг.) он во многом остается открытым.

Список литературы

1. Берти Д. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. – Москва : Прогресс, 1965. – 663 с.
2. Грамши А. Избранные произведения : в 3 т. / пер. В.С. Бондарчука [и др.]. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1959. – Т. 3 : Тюремные тетради. – 565 с.
3. Канделоро Д. История современной Италии : в 7 т. / пер. с итал. Ю.А. Фридмана, В.С. Бондарчука. – Москва : Прогресс, 1971. – Т. 5 : Создание единого государства. 1860–1871. – 512 с.
4. Лисовский Ю.П. Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. – Москва : Наука, 1979. – 373 с.
5. Cicone E. La grande matanza. Storia della Guerra al brigantaggio. – Bari ; Roma : Ed. Laterza, 2018. – 277 p.
6. Cinnella E. Brigantaggio e Unita d'Italia // Rivista storica italiana. – 2021. – N 1. – P. 328–336.

¹ Эмфитефсис – особая форма вечно-наследственной аренды.

7. Di Rienzo E. Il brigantaggio post-unitario come problema storiografico. In appendice «Analisi politica del brigantaggio attuale nell'Italia meridionale» di Tommaso Cava. – Nocera Superiore : D'Amico Editore, 2020. – 122 p.
8. Gin E., Messina D., Musi A. [Rec.] // Nuova rivista storica. – 2021. – N 2. – P. 839–845. – Rec. del lib.: Di Rienzo E. Il brigantaggio post-unitario come problema storiografico. In appendice «Analisi politica del brigantaggio attuale nell'Italia meridionale» di Tommaso Cava. – Nocera Superiore : D'Amico Editore, 2020. – 122 p.
9. Lorenzini J. L'Elmo di Scipio. Storie del Risorgimento in unifirme. – Roma : Salerno Editrice, 2020. – 328 p.
10. Lorenzini J. Quando crolla un'Istituzione. Il corpo ufficiali della monarchia borbonica attraverso e oltre il 1860 // Nuova rivista storica. – 2021. – N 1. – P. 113–141.
11. Molfese F. Storia del brigantaggio dopo l'Unita. – Milano : Feltrinelli, 1966. – 484 p.
12. Pinto C. La Guerra per il Mezzogiorno. Italiani, borbonici e briganti 1860–1870. – Bari ; Roma : Laterza, 2019. – 386 p.
13. Romano V. Dalle Calabrie agli Abruzzi. Il Generale José Borges tra i briganti di re Francesco II. – Nocera Superiore : D'Amico Editore, 2018. – 334 p.
14. Rovinello M. Briganti di classe. Ricostruzioni e letture del brigantaggio postunitario nei manuali di Storia delle scuole superiori // Rassegna storica del Risorgimento. – 2020. – N 1. – P. 57–81.
15. Salvaggi R.M. Nomi e volti di un esercito dimenticato. Gli ufficiali dell'esercito napoletano del 1860–61. – Napoli : Grimaldi e C., 1990. – 457 p.

ОБЗОРЫ

УДК 303.446.4; 327; 94(438).071

КОМЗОЛОВА А.А.* ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863–1864 гг. В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ.

DOI: 10.31249/rhist/2023.01.04

Аннотация. В обзоре рассматриваются исследования современных российских историков, посвященные российской дипломатии в период польского восстания 1863–1864 гг. В частности, анализируется влияние «конвенции Альвенслебена» на развитие дипломатических отношений России с Пруссией и Францией, а также рассмотрены попытки интернационализации польского вопроса в период восстания.

Ключевые слова: дипломатические отношения России с Пруссией и Францией; польское восстание 1863 г.; конвенция Альвенслебена; Александр II; Бисмарк, Царство Польское в середине XIX в.

КОМЗОЛОВА А.А. The polish uprising of 1863–1864 in the context of european diplomacy: contemporary assessments by russian historians

Abstract. The review examines the studies of modern Russian historians devoted to the Russian diplomacy during the Polish uprising of 1863–1864. In particular the influence of the “Alvensleben convention” on the development of diplomatic relations between Russia and

* Комзолова Анна Альфредовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: lizeze@yandex.ru

Prussia and France is analyzed. Attempts to internationalize the Polish question during the Polish uprising are also considered.

Keywords: Russia's diplomatic relations with Prussia and France; Polish uprising 1863; Alvensleben convention; Alexander II; Bismarck; Kingdom of Poland in the mid 19th century.

Для цитирования: Комзолова А.А. Польское восстание 1863–1864 гг. в контексте европейской дипломатии : современные оценки российских историков (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 68–74. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.04

В ночь с 10 (22) на 11 (23) января 1863 г. в Царстве Польском были совершены скоординированные нападения на гарнизоны и убийства русских солдат, что знаменовало собой начало польского восстания 1863–1864 гг. Его влияние на развитие дипломатических отношений России с европейскими державами подробно исследовано в монографии В.Г. Ревуненкова [7]. Вместе с тем многие проблемы, связанные с историей подавления польского восстания, продолжают привлекать внимание современных историков. В числе таких проблем – влияние так называемой «конвенции Альвенслебена» на сближение между Россией и Пруссией, а также на интернационализацию польского вопроса в условиях вооруженного восстания 1863–1864 гг.

25 января (6 февраля) 1863 г., после начала польского восстания, в Петербург с особой миссией был направлен Г. фон Альвенслебен, генерал-адъютант прусского короля Вильгельма I. Генерал привез императору Александру II личное письмо Вильгельма I с предложением заключить конвенцию о совместной борьбе с польскими повстанцами. 27 января (8 февраля) 1863 г. Россия и Пруссия заключили в Петербурге особую конвенцию, которая позволяла в случае необходимости войскам обоих государств переходить границы в целях преследования отрядов польских повстанцев на сопредельных территориях. Согласно секретной статье этой конвенции, предполагался обмен информацией о «политических происках» поляков как в Царстве Польском, так и в Великом герцогстве Познаньском (текст конвенции опубликован: [6, с. 110–111; 5, с. 63–64]).

На следующий день из Петербурга генерал Альвенслебен последовал в Варшаву для согласования с наместником Царства Польского великим князем Константином Николаевичем деталей практического исполнения этой конвенции. Одновременно из Берлина в Варшаву прибыл прусский флигель-адъютант Раух с письмом к наместнику от Вильгельма I, в котором излагались цели миссии Альвенслебена. 31 января (12 февраля) в Варшаве состоялось совещание великого князя Константина Николаевича с Альвенслебеном, по результатам которого была составлена инструкция для военных начальников с обеих сторон [2, с. 222–225].

Д.А. Милютин, занимавший пост военного министра в период польского восстания, отмечал в воспоминаниях, что «конвенция Альвенслебена», «в сущности столь невинная», не получила практического применения, однако «один слух о заключении между Пруссией и Россией какого-то секретного договора поднял общую тревогу в Европе», «заговорили даже о восстановлении “Священного Союза”, столь ненавистного для всей либеральной Европы» [5, с. 63, 64, 66].

На важность последствий «конвенции Альвенслебена» указывал еще Б.Э. Нольде. По его мнению, эта конвенция, «когда-то составлявшая предмет бесконечных догадок для всей Европы, сама по себе лишена интереса», и не в ее подписании заключалась «основная мысль» миссии Альвенслебена [6, с. 105–106]. Чтобы полнее уяснить эту мысль, Нольде ссылался на слова самого О. Бисмарка, которого он считал главным вдохновителем «конвенции Альвенслебена». В письме к Бернstorфу, прусскому посланнику в Лондоне, написанном примерно через месяц после подписания конвенции, Бисмарк указывал: «Путем заключения нашей конвенции, которое состоялось при сильном противодействии Горчакова, по прямому приказанию Государя, мы, поскольку это от нас зависело, доставили победу антипольской и антифранцузской партии в кабинете императора, и колеблющиеся до того решения последовали в смысле решительного подавления восстания» (цит. по: [6, с. 106]). Как полагал историк, большой интерес представляют запущенные миссией Альвенслебена процессы. Подписание договоренностей между Петербургом и Берлином послужило началом определенного сближения России и Пруссии на основе общих интересов в польском вопросе. «В летние месяцы

1863 г., – указывал Нольде, – между императором Александром II и королем Вильгельмом шла переписка о заключении союза против Франции и, если союз и не понадобился, то окончательно сложилась та близость двух держав, которая оставалась непоколебленной» вплоть до 1871 г. [6, с. 108].

В современной историографии дискуссионным остается вопрос о том, кто был инициатором подписания договоренностей между Петербургом и Берлином. Согласно заключению В.Г. Ревуненкова, первоначально инициатива исходила от Берлина [7, с. 124]. Вопреки устоявшемуся в историографии мнению, В.С. Дударев полагает, что заключение «конвенции Альвенслебена» – «важная внешнеполитическая акция» по сближению России и Пруссии – состоялось скорее по инициативе Петербурга, а Бисмарк «фактически лишь выразил на это свое согласие» [3, с. 175].

Напротив, А.С. Медяков отмечает, что миссия Альвенслебена оказалась для Александра II и его сановников большой неожиданностью. По мнению исследователя, Бисмарк едва ли сознательно желал создать международный кризис, который «позволил бы ему выступить в роли друга России». Он прежде всего стремился предупредить распространение польского восстания на прусские земли, и цель этой миссии «соответствовала официально заявленной, а именно установлению взаимодействия России и Пруссии на приграничных территориях». Также историк признает вполне убедительным признание самого Бисмарка, что он желал укрепить позиции сторонников жесткого курса в российских правительственных кругах в отношении польского вопроса и, напротив, ограничить воздействие на Александра II франкофильски настроенных «людей прогресса» [4, с. 115, 116].

Кроме того, историки высказывают различные оценки того, какую позицию в отношении «конвенции Альвенслебена» занимал вице-канцлер князь А.М. Горчаков. По мнению П.П. Черкасова, подписание этих соглашений произошло «против воли Горчакова», который лишь уступил «настойчивому желанию Александра II укрепить монархическую солидарность с Пруссией» [8, с. 101].

Как полагает Медяков, Горчаков, в целом не будучи противником сближения с Пруссией в польском вопросе, «не приветствовал» ни само появление Альвенслебена в Петербурге, ни задачи его миссии. Сомнения Горчакова прежде всего касались масштаба

и характера русско-прусского сотрудничества. Вместе с тем исследователь не принимает категоричное утверждение Ревуненкова о том, что Горчаков не собирался выполнять положения русско-прусских соглашений. По мнению Медякова, вице-канцлер, хотя все более тяготясь ею, в реализации «конвенции Альвенслебена» стремился действовать в определенных границах, обусловленных задачей по обеспечению дополнительной защиты российских пограничных застав и таможен [4, с. 116, 117].

Анализируя попытки Франции и других европейских держав использовать заключение «конвенции Альвенслебена» для интернационализации конфликта, Ревуненков приходил к выводу, что Россия, «заключив ненужное ей соглашение с Пруссией», сама предоставила Франции «повод сойти с позиции невмешательства и очутилась перед перспективой серьезных международных осложнений» [7, с. 170].

Современные российские историки расставляют акценты несколько иначе. По мнению Черкасова, политика российско-французского сближения, наметившаяся со второй половины 1850-х годов, не выдержала того испытания, которым стало польское восстание, поддержанное правительством Наполеона III. Первая реакция императора французов на события в Польше была довольно сдержанной, поскольку он, вероятно, не ожидал того размаха, которое может принять польское восстание. Оценивая значение «конвенции Альвенслебена», Черкасов отмечает, что «произошло то, чего больше всего опасался Горчаков – польский вопрос из внутрirosсийского, на чем всегда настаивал Петербург, превратился в проблему международную» [8, с. 99, 101]. Несмотря на активное участие Франции в «дипломатическом походе» против России в 1863 г., согласно оценке историка, Наполеон III никогда всерьез не думал о военном столкновении ради независимости Польши – у него не было ни таких намерений, ни возможностей. Однако разговоры в Париже о самой вероятности такой войны призваны были нервировать Петербург, побуждая российского императора и его сановников к большей сговорчивости в решении польского вопроса [8, с. 105, 106]. В итоге, внешнеполитическая переориентация России на Пруссию после того, как Александр II всерьез усомнился в надежности французского партнера, в даль-

нейшем имела для Франции «самые пагубные последствия» [8, с. 112].

Вместе с тем русско-прусское сближение не прерывалось и во время «дипломатического похода» трех держав против России весной – летом 1863 г. Берлин не пошел на заключение военного альянса с Петербургом, но не присоединился и к враждебным дипломатическим демаршам Франции, Великобритании и Австрии, что весьма ценили российские государственные деятели. Однако, как отмечает Медяков, польский вопрос не заставил Россию «поставить все на прусскую карту». Петербург, стремясь сохранить свободу маневра, ключевую роль в своих расчетах отводил позиции Франции. По мнению исследователя, вопреки заявлениям самого Бисмарка, вовсе не миссия Альвенслебена подорвала сотрудничество России и Франции, и даже после заключения русско-прусских договоренностей сохранялись шансы на укрепление франко-русских связей. Эти шансы не были реализованы лишь вследствие враждебной позиции Парижа. В связи с тем, что Францию рассматривали в качестве главной виновницы «дипломатического похода» против России и в Петербурге с большими опасениями относились к проектам Наполеона III по «коренной перекройке карты Европы», князь А.М. Горчаков вынужден был начать поиск новых партнеров, в частности, пытаясь убедить правящие круги Вены в необходимости поддерживать и укреплять традиционные связи консервативных дворов и примкнуть к русско-прусской «антанте». Также Горчаков рассчитывал и на сближение с Англией, несмотря на поддержку Лондоном польского восстания [4, с. 121, 122].

Применение на практике «конвенции Альвенслебена» в историографии специально не изучалось. По данным О.Р. Айрапетова, русские войска по меньшей мере один раз – 13 (25) апреля 1863 г. – воспользовались правом, закрепленным в «конвенции Альвенслебена», и перешли прусскую границу (в районе Пиотрокова) [1, с. 78]. Как полагает В.Е. Воронин, в отдельных случаях «конвенция Альвенслебена» «исполнялась явочным порядком» и прусские войска вынуждены были на собственной территории участвовать в столкновениях с польскими повстанцами, переходившими прусско-русскую границу [2, с. 227].

Вскоре после подписания конвенции и при ее формальном сохранении по инициативе Берлина из нее были исключены положения о возможности перехода русскими и прусскими войсками границы. Если Дударев подчеркивает, что конвенция вскоре утратила какое-либо практическое значение [3, с. 184, 196], то Медяков не считает миссию Альвенслебена совершенно провальной. По его мнению, секретная статья конвенции о взаимном информировании «обычно недооценивается исследователями», в то время как именно в этой части русско-прусские соглашения действительно работали, обмен информацией между Петербургом и Берлином продолжался и, более того, специально уполномоченные военные агенты в течение 1863 г. координировали действия двух сторон в приграничных районах [4, с. 117–119].

Список литературы

1. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник : Исследования по истории России. – Москва : Модест Колеров, 2013. – Т. 15 : Польское восстание 1863 года. – С. 7–138.
2. Воронин В.Е. Польское восстание 1863 года : опыт «примирительной политики» русского правительства. – Москва : МПГУ, 2008. – 432 с.
3. Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1871. – Санкт-Петербург : Алетей, 2021. – 680 с.
4. Медяков А.С. «Русская благодарность»? Русско-прусские отношения 1863–1864 гг. и их оценка в историографии // Российская история. – 2021. – № 6. – С. 111–126.
5. Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 / под ред. Л.Г. Захаровой. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 688 с.
6. Нольде Б.Э. Россия, Пруссия и Польша (1861–1863) // Вопросы мировой войны : сб. ст. / под ред. М.И. Туган-Барановского. – Петроград : Право, 1915. – С. 86–117.
7. Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета. 1957. – 358 с.
8. Черкасов П.П. Российско-французские отношения и польское восстание 1863 года // Новая и новейшая история. – 2015. – № 1. – С. 94–112.

УДК 303.446.4; 323.1; 572.9; 94(47). 066–084

БАБЕНКО О.В.* ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XXI в. В НОВЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.05

Аннотация. В публикации представлены новые отечественные исследования по истории евреев в России конца XVIII – начала XXI в. Авторы рассматривают такие проблемы, как путь евреев к статусу «имперской нации», отношение власти и общества к еврейству, содержание докладной записки иркутского чиновника С.А. Шиманского Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку с предложением выселения евреев из России, деятельность Томского отдела Общества по распространению просвещения между евреями в России в годы Первой мировой войны. Охватывается широкий круг проблем истории российского еврейства вышеуказанного периода.

Ключевые слова: евреи и российское общество, конец XVIII – начало XXI вв.; культура российских евреев; еврейский вопрос в Сибири в годы Гражданской войны.

BABENKO O.V. Problems of the history of Russian Jews of the late XVIII – early XXI century in new domestic studies

Abstract. The publication presents new domestic studies on the history of Jews in Russia at the end of the XVIII – beginning of the XXI century. The authors consider such problems as the path of Jews to the status of an “imperial nation”, attitude of the authorities and society towards Jewry, the content of a memo from Irkutsk official

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: o.v.babenko@mail.ru

S.A. Shimansky to the Supreme Ruler Admiral A.V. Kolchak with a proposal to evict Jews from Russia, the activities of the Tomsk Department of the Society for the Dissemination of Education among Jews in Russia during the First World War. A wide range of problems of the history of Russian Jewry of the above period is covered.

Keywords: jews and russian society, late 18th – early 21st centuries; culture of russian jews; the jewish question in Siberia during the Civil war.

Для цитирования: Бабенко О.В. Проблемы истории российских евреев конца XVIII – начала XXI в. в новых отечественных исследованиях (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 75–88. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.05

В обзоре рассматриваются проблемы еврейской истории на землях Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации конца XVIII – начала XXI в. Представлена монография на эту широкую тему, изданная в Институте востоковедения РАН [2; 3], и статьи, освещающие частные вопросы [1; 4; 5]. Они дают представление не только об актуальных проблемах истории евреев в России, но и о состоянии современной науки о еврействе. Все рассматриваемые работы вносят значительный вклад в российскую иудаику.

Статья д-ра ист. наук Л.В. Кальминой (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ) [1], написанная на основе отечественной и англоязычной историографии конца XX – начала XXI в., посвящена политике интеграции евреев в российское общество с последней трети XVIII в. до 1917 г. Рассматриваются ее характер, этапы и механизмы реализации. Как пишет Кальмина, еврейский вопрос в России был порожден захватом части земель Речи Посполитой с их этническим и религиозным многообразием [1, с. 28]. До этого времени власти Российской империи не имели опыта общения с евреями, поэтому они долго выстраивали свою политику интеграции еврейских подданных в реалии страны. В результате, по мнению автора, возобладали тактика дискриминации и сегрегации. Однако «российская бюрократия никогда не была едина в подходах к еврейскому вопросу и имперская политика по отношению к евреям (и не только к ним) су-

щественно различалась по сути и намерениям в разные периоды и на разных окраинах» [1, с. 29]. В некоторых местечках период с 1772 г. до начала XIX в. был «золотым веком» в жизни еврейской общины. Но равное правовое положение евреев с другими подданными Российской империи было вскоре уничтожено. Кальмина считает, что «на протяжении нескольких десятилетий евреи были главной “жертвой” российской национальной политики...» [1, с. 29]. С 1810 по 1917 г. власти издали 557 более или менее общих законов и распоряжений о евреях, которые носили дискриминационный характер.

В статье проводится также сравнительный анализ политики интеграции евреев в российское общество с политикой по отношению к бурятам – коренному этносу Сибири. Автор приходит к выводу о том, что стратегия формирования «имперских» наций шла по единому сценарию [1, с. 30]. Тактика консервации привычного порядка неизбежно сменялась унификацией управления и стимулирования обращения подчиненных народов к господствующей религии, более соответствующим имперской идее. И евреи, и буряты имели статус инородцев. На низшем уровне у них допускалось инородческое самоуправление. Тем не менее Устав об управлении инородцев 1822 г. на евреев не распространялся.

Первоначально имперские власти не посягали на кагалы – органы самоуправления еврейских общин. Кальмина приводит распространенную в научной литературе точку зрения, согласно которой «имперская власть рассматривала кагал как своего партнера, поскольку за неимением у евреев этнической элиты больше опереться ей было не на кого» [там же]. Однако в конце XIX – начале XX в. курс инородческой политики изменился и этническое самоуправление было окончательно упразднено. А для формирования из евреев «имперской нации» среди них распространялось православие и вводилась воинская повинность. Если рассматривать инкорпорацию евреев в имперское пространство с точки зрения обретения ими всех прав подданных, то они не стали полноценной «имперской нацией» вплоть до падения Российской империи, констатирует автор [1, с. 32].

Книга канд. ист. наук А.Е. Локшина (Институт востоковедения РАН, г. Москва) [2; 3] посвящена истории и культуре российских евреев в конце XVIII – начале XXI в. Она состоит из двух ча-

стей. Первая часть книги включает в себя введение и шесть очерков. Во введении автор подчеркивает, что в монографии «рассматривается вопрос о том, как менялся облик самих евреев в результате их контактов с Россией, в которых в разное время преобладали притяжение и отторжение, неприятие и сближение» [2, с. 8]. Локшин вводит в научный оборот целый комплекс архивных материалов из фондов АВП РИ, ГА ЕАО, ГА РФ, РГАЛИ, РГАСПИ, РГВИА, РГИА, ЦИАМ и ЦМАМ. Кроме того, он анализирует еврейскую неформальную печать как источник «для понимания настроений, чувств и мыслей советских евреев в период начавшегося возрождения еврейской общинной и культурной жизни в СССР, России и других постсоветских странах» [2, с. 9].

В первом очерке рассматривается историография российских и советских евреев. Отправным пунктом исследования является становление историографии российского еврейства в конце XIX – начале XX в. Автор подчеркивает, что у истоков становления еврейской историографии стояли авторы нееврейского происхождения, а изучение истории евреев осуществлялось вне официальной науки [там же, с. 16]. Он изучает также советскую, современную российскую и зарубежную историографию истории евреев. «В середине 1930-х годов исследования в области иудаики были прекращены практически во всех сферах, а многие исследователи репрессированы», – пишет Локшин [там же, с. 28]. Если говорить о зарубежных работах по рассматриваемой проблематике, то они начали издаваться с 1960-х годов евреями-эмигрантами. Свой вклад в иудаику внесли американские, англо-американские, американо-израильские, канадские и израильские исследователи. В настоящее время отечественные и иностранные специалисты продолжают изучать историю и культуру российского еврейства, расширяется круг рассматриваемых вопросов.

Второй очерк посвящен положению евреев в Российской империи в 1772–1917 гг. Исследуется формирование и развитие имперской политики по отношению к евреям. Рассматриваются социальная и духовная жизнь российского еврейства, демографические тенденции конца XIX – начала XX в. Отдельный параграф посвящен социалистическим и национальным движениям евреев России. Другие параграфы касаются положения евреев в годы Первой мировой войны, их культурного развития и неашкеназских

общин¹. Локшин подчеркивает, что «в политической жизни российское еврейство создало целый ряд своих общественных организаций и партий, отражавших настроения и взгляды различных слоев еврейского социума» [2, с. 195]. Он отмечает также, что эмиграция евреев в Америку и Палестину в конце XIX – начале XX в. способствовала тому, что политический и культурный багаж российского еврейства оказал большое влияние на формирование нового еврейского населения Палестины [там же].

В третьем очерке рассматривается еврейская история в контексте Великой русской революции 1917 г. Автор начинает свое исследование с Февральской революции, анализирует положение еврейства в период между Февралем и Октябрем, отношение евреев к Октябрьской революции, борьбу новой власти с иудаизмом, раскол еврейских политических партий, борьбу с сионизмом. Делая вывод о последствиях установления советской власти для духовной жизни иудеев, Локшин пишет, что «еврейская религиозная традиция в 1930-е годы в Советском Союзе не угасла» [2, с. 245]. А позднее, в конце XX в., началось возрождение иудаизма, сопровождавшееся обретением российскими евреями новых духовных лидеров.

Четвертый очерк посвящен участию евреев в Гражданской войне и в политической жизни страны. Особое внимание уделяется участию евреев в антибольшевистском движении. В связи с этим исследуются массовые еврейские погромы и погромы, устраивавшиеся вооруженными формированиями РККА. Очерк заканчивается анализом социально-экономических и демографических последствий политики советских властей в отношении иудеев. Как пишет Локшин, ко второй половине 1930-х годов многие евреи Советского Союза проживали вне бывшей черты оседлости, немало представителей еврейской национальности стали управленцами и специалистами с высшим образованием [2, с. 273]. Евреи, занявшие желаемые места в социально-политической и экономической структуре советского общества, «приняли новые образцы поведения, были лояльны и преданы режиму» [там же].

¹ Евреи-ашкеназы составляли около 95% еврейского населения Российской империи. Однако в Грузии, на Восточном Кавказе и в Центральной Азии существовали неашкеназские общины.

В пятом очерке представлена история советских евреев в 1922–1941 гг. Исследуются такие проблемы, как социально-демографический аспект этой истории, политика советских властей по отношению к евреям, деятельность Еврейской секции, борьба с антисемитизмом во второй половине 1920-х и в начале 1930-х годов, еврейское национальное строительство. Отдельный параграф посвящен созданию Еврейской автономии на Дальнем Востоке. Анализируются также политика властей в сфере еврейского образования и культуры в 1920–1930-е годы, «большой террор» 1936–1939 гг., первые признаки изменения политики в отношении к евреям, советско-германские отношения и присоединение к СССР ряда польских земель и Бессарабии с общим количеством еврейского населения не менее 2 млн 100 тыс. человек. Как отмечает автор, «официально не признавая возможность существования экстерриториального национального меньшинства, власть продолжала рассматривать евреев как этническую группу, находившуюся в процессе постепенной ассимиляции, но все же сохранявшую национальную идентичность» [2, с. 335].

Шестой очерк посвящен событиям Второй мировой войны и Холокосту. Локшин пишет о численности евреев на оккупированной советской территории, о географии уничтожения евреев и отношении местного населения к этому, еврейском сопротивлении, участии евреев в партизанском движении и непосредственно в военных действиях в рядах РККА. Рассматриваются также положение евреев в тылу, их работа для нужд фронта, политика властей по отношению к евреям, создание и деятельность Еврейского антифашистского комитета. В заключительной части очерка автор приводит данные о численности погибших в годы Великой Отечественной войны советских евреев – от 2 млн 700 тыс. до 2 млн 800 тыс. человек [2, с. 399]. По его подсчетам, жертвы среди еврейства составляли около одной десятой от общего числа погибших советских граждан [там же].

Вторая часть монографии Локшина состоит из пяти очерков (7-й – 11-й) и заключения. Седьмой очерк посвящен евреям СССР в 1945–1953 гг. Здесь исследуется рост государственного и бытового антисемитизма, что тем не менее не помешало оживлению национальной жизни евреев и религиозному подъему. Отдельный параграф посвящен отношению советских властей к палестинско-

му вопросу. Особо рассматривается реакция советских евреев на создание государства Израиль. Анализируются также дело С. Михоэлса – Аллилуевых, убийство Михоэлса, дело Еврейского антифашистского комитета, репрессии против еврейской культуры и борьба с «космополитизмом», казнь выдающихся деятелей еврейской культуры и «дело врачей». Как пишет Локшин, «вскоре после смерти Сталина антисемитская кампания в стране прекратилась» [3, с. 78].

В восьмом очерке рассматривается история советских евреев в 1953–1967 гг. Анализируются реакция населения СССР на «дело врачей», начало возрождения еврейской культуры, положение иудаизма. Автор констатирует некоторое ослабление политики антисемитизма в середине 1960-х годов, когда началось возрождение религиозной и светской культуры евреев [там же, с. 116]. В то время синагоги стали местом, «где евреи могли открыто собираться и знакомиться друг с другом» [там же].

Девятый очерк посвящен евреям Советского Союза в 1967–1985 гг. Автор рассматривает еврейское национальное движение после Шестидневной войны¹, политику Кремля по отношению к евреям и новый виток антисемитизма. Локшин считает, что вышеуказанный период «стал в значительной степени временем упущенных возможностей» [3, с. 168]. Власти игнорировали многие проблемы политического и социально-экономического характера, еврейский вопрос и другие этнические проблемы. С приходом к власти в марте 1985 г. М.С. Горбачева наметились позитивные сдвиги в решении целого ряда вопросов, произошли серьезные изменения в миграционной политике, государственный антисемитизм ушел в прошлое.

В десятом очерке анализируются проблемы истории евреев в период перестройки и гласности (1985–1991). Рассматриваются государственная политика в отношении евреев в начале нахождения у власти М.С. Горбачева, изменения в эмиграционном законодательстве и эмиграция евреев, антисионизм и антисемитизм в советском обществе, еврейская культурная и общинная жизнь, воз-

¹ Шестидневная война 5–10 июня 1967 г. – война между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром – с другой, завершившаяся победой Израиля над войсками арабской коалиции.

никновение и официальное признание еврейских общественных организаций, еврейская периодическая печать, общественно-политическая активность евреев. Как отмечает Локшин, «бурные процессы в Советском Союзе и происходившие изменения в еврейском социуме в конце 1980-х – начале 1990-х годов оказали большое влияние на социальный и культурный облик еврейства в новой России» [3, с. 221].

Одиннадцатый очерк посвящен евреям в России в конце XX – начале XXI в. Автор пишет о демографической ситуации в еврейской общине в России, возникновении и деятельности новых еврейских организаций и общин, еврейской культуре, реакции еврейского населения России на отношение к нему государства и общества, социодемографические тенденции в жизни евреев в конце XX – первые десятилетия XXI столетий. Из явлений многогранной жизни еврейских общин современной России Локшин особо выделяет Лимуд (в переводе с иврита – «обучение») – это образовательно-культурные конференции для евреев всех возрастов и профессий. Данный проект, как подчеркивает автор, является независимым, «его поддерживают частные благотворители, а не политические структуры» [3, с. 289].

Как пишет А.Е. Локшин в заключении, немало современных исследователей приходят к выводу о том, что «история евреев в России подходит к завершению» [3, с. 291]. Основанием для подобных выводов является тот факт, что большая часть российских евреев в первые десятилетия XXI в. оказалась за пределами России. Автор приводит данные переписи 2002 г. в РФ, согласно которой в стране осталось 230 тыс. евреев, что вдвое меньше, чем в 1994 г. [3, с. 292]. Все большее число евреев женятся на представительницах нееврейских национальностей. А по данным всероссийской переписи 2010 г., в Российской Федерации осталось всего 157,8 тыс. евреев [3, с. 293]. Однако специалисты полагают, что данные переписей занижают численность евреев в России. Локшин ссылается на исследовательские работы, в которых утверждается, что еврейское население современной Российской Федерации составляет примерно 600–700 тыс. человек [там же]. Тем не менее молодые евреи далеко не всегда связывают иудаизм с еврейством и не проявляют интереса к сохранению своей национальной идентичности. А россияне нееврейского происхождения, по мнению

автора, в целом имеют «благоприятное мнение о евреях и об Израиле» [3, с. 294]. И чем моложе гражданин России, тем сильнее его симпатия к евреям или этническая индифферентность.

Еще один вывод Локшина сводится к тому, что, несмотря на сокращение численности евреев в РФ, их культурная и религиозно-общинная жизнь на территории России остается достаточно активной и полноценной [там же, с. 295]. Более того, в последнее 30-летие происходит процесс формирования новой российско-еврейской идентичности. Развиваются Федерация еврейских общин в России и Российский еврейский конгресс, национальные средние и высшие учебные заведения, студенческие организации, издательства, театры, музеи, клубы, женские и спортивные общества, благотворительные организации. Еврейские общины и синагоги действуют во многих российских городах. Как пишет автор, «сотни тысяч евреев России и в XXI столетии вовсе не готовы исчезнуть и раствориться на просторах страны, с которой связала их историческая судьба» [3, с. 300].

Профессор, д-р ист. наук А.В. Сушко (Омский автоброне-танковый инженерный институт, г. Омск) и канд. ист. наук М.М. Стельмак (Исторический архив Омской области, г. Омск) написали археографическую статью, касающуюся исследования еврейского вопроса в годы Гражданской войны в Сибири [4]. Они опубликовали полный текст докладной записки иркутского чиновника С. Шиманского Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку с предложением о выселении евреев из России (по машинописной копии, обнаруженной в Историческом архиве Омской области¹). К документу сделано вступительное предисловие о положении евреев в России и авторе служебной записки.

По мнению Сушко и Стельмака, одной из причин политического противостояния 1917–1922 гг. были «непродуманные и притесняющие действия властей по отношению к еврейскому населению, обострившие проблему антисемитизма в указанный период» [4, с. 47]. В Российской империи евреи были существенно ограничены в правах. Притеснения усилились в начале XX в. в связи с широким участием евреев в революционном движении. Среди офицеров Русской императорской армии на рубеже XIX–XX вв.

¹ Ф. П-19. Оп. 5. Д. 3. Л. 62–66.

был распространен антисемитизм. Известно, в частности, о подобных настроениях в Варшавском военном округе [4, с. 48]. При этом большинство русских офицеров не испытывали неприязни к своим православным сослуживцам еврейской национальности. Однако уже в 1910 г. было запрещено принимать в военные училища и производить в офицеры крещеных евреев. А в 1912 г. лица, поступавшие в Военно-медицинскую академию, должны были представить доказательства того, что в их роду в трех последних поколениях не было евреев [там же].

С началом Первой мировой войны усилились антисемитские настроения в российском обществе. Многие русские офицеры стали видеть в каждом еврее шпиона и изменника. Как пишут авторы, «военные и консервативная пресса способствовали распространению мнения, что евреи выслались из прифронтовых районов как подозреваемые в шпионаже, что вызывало нарастание напряженности между местными жителями и прибывшими еврейскими выселенцами» [там же]. К тому же правые политики формировали в общественном сознании исключительно негативный образ евреев как спекулянтов, мародеров, германских шпионов, людей не способных или не желающих защищать Россию.

В Сибири антисемитские настроения были распространены в меньшей степени по сравнению с другими регионами, что объясняется, по мнению Сушко и Стельмака, небольшим количеством еврейского населения здесь [там же]. Пропагандой антисемитизма занималась правая пресса. С началом Гражданской войны антисемитская агитация набирала все большую силу. Однако в Сибири и на Дальнем Востоке не было масштабных еврейских погромов. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак официально выступал против антиеврейских акций, но антисемитские материалы продолжали распространяться среди военнослужащих и гражданского населения белой Сибири. Авторы считают, что Колчак на деле разделял антисемитские убеждения, но для «западных союзников позиционировал себя в качестве приверженца национального равенства» [там же].

Публикуемая Сушко и Стельмаком докладная записка подтверждает факт распространения антисемитских настроений среди белого офицерства и гражданских сторонников белого движения в Сибири. Ее автор – статский советник, старший ревизор Иркут-

ской контрольной палаты Каэтан-Сигизмунд Антонович Шиманский (род. в 1860 г.). Под документами он ставил подпись С. Шиманский. Он был выходцем из потомственных дворян, по вероисповеданию являлся католиком, по мнению Сушко и Стельмака – человеком консервативных взглядов, негативно оценивавшим революционные события [4, с. 49]. Именно поэтому он и решил отправить в декабре 1918 г. Колчаку в Омск антисемитскую записку. В связи с последней 20 января 1919 г. на основании приказа Государственного контролера Шиманский был отстранен от должности старшего ревизора. Тем не менее, как пишут авторы, «ему удалось остаться на государственной службе, будучи пониженным в должности» [4, с. 50].

В докладной записке Шиманского подчеркивается враждебное отношение евреев к другим нациям и особенно выделяются факты причинения ими вреда России, стремление еврейства к ее уничтожению. Шиманский предлагает после предполагавшегося разгрома большевиков предоставить евреям право свободного выезда из России, назначив пунктом отправления порт Владивосток. В последнем, по мнению автора записки, следовало учредить бюро для регистрации уезжающих, «которое просматривало бы паспорта и убедилось бы, нет ли в числе уезжающих правителей России за время Советской власти¹» [4, с. 51].

В статье канд. ист. наук К.А. Тишкиной (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск) [5] анализируется деятельность Томского отдела Общества распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ) в годы Первой мировой войны. Источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы Государственного архива Томской области, дореволюционная периодика и опубликованные официальные документы позднимперской России. Автор задалась целью всесторонне осветить основные векторы работы членов Томского отдела ОПЕ.

В публикации приводится предыстория вопроса от правления Александра II, когда «начался процесс значительного облегчения положения еврейского населения» [5, с. 235]. Имеется также

¹ Имеются в виду лица еврейского происхождения, занимавшие высокие должности в государственных и партийных органах большевиков, например Л.Д. Троцкий.

историографический обзор научных работ о евреях Сибири. Автор утверждает, что «обращение многих исследователей к истории культурно-просветительского движения евреев в Сибири свидетельствует о значимости изучения данного феномена» [5, с. 237].

Тишкина отдельно рассматривает деятельность ОПЕ в Томске в 1891–1914 гг. Она отмечает, что, согласно переписи 1897 г., общая численность населения Томска составляла 52 210 человек, из которых 3202 человек исповедовали иудаизм [там же]. В начале XX в. в городе были три синагоги, еврейское одноклассное училище для мальчиков, еврейский сиротский приют и другие подобные учреждения. С 1891 г. действовала касса ОПЕ, занимавшаяся сбором материальных средств и оказанием финансовой помощи учащимся-евреям. Автор пишет, что за период с 1891 по 1905 г. в томскую кассу ОПЕ поступило 19 369 руб. 69 коп. [5, с. 238].

Томский отдел ОПЕ открылся в феврале 1910 г. Его председателем стал М.Р. Бейлин, а товарищем председателя – М.О. Фуксман. При нем был организован дамский кружок, который должен был оказывать всестороннюю помощь отделу. Финансирование последнего осуществлялось за счет членских взносов, пожертвований, средств, вырученных от проведения различных мероприятий, и т.д. Однако с началом Первой мировой войны многих сотрудников ОПЕ мобилизовали на фронт, а школьные помещения реквизировались для организации в них лазаретов. В связи с военной ситуацией и уменьшением объема пожертвований в деятельности Томского отдела во второй половине 1914 г. «наблюдается спад» [5, с. 240].

В основной части статьи дается характеристика культурно-просветительных и благотворительных направлений работы Томского отдела ОПЕ в годы Первой мировой войны. Тишкина утверждает, что благотворительное направление «ограничивалось преимущественно сбором средств на оказание помощи пострадавшим евреям с западных территорий Российской империи» [там же, с. 246]. Культурно-просветительская деятельность имела целью осуществление пропаганды еврейской истории и культуры. Хорошо зарекомендовала себя бесплатная библиотека. Кроме того, Томский отдел ОПЕ контролировал работу детской еврейской колонии, главной задачей которой было развитие творческих способностей и физических возможностей ребенка. Для детей евреев

было открыто смешанное училище. Для беженцев старше 16 лет, неграмотных или плохо владевших русским языком, организовали специальные курсы. В основе программы курсов были чтение и письмо, общеобразовательные предметы, еврейская история, история России и иврит.

Финансирование Томского отдела ОПЕ осуществлялось в основном за счет пожертвований представителей еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Тем не менее, как пишет Тишкина, «такое финансирование не было стабильным, особенно в годы Первой мировой войны» [5, с. 246]. Поэтому Томский отдел стремился расширить свою деятельность и найти дополнительные источники получения материальных средств. Проводились, в частности, благотворительные мероприятия. Автор приходит к выводу о том, что на годы Первой мировой войны пришелся самый активный этап деятельности Томского отдела ОПЕ. Общество вынуждено было подстраиваться под реалии военного времени, осуществляя задачу по распространению просвещения среди еврейского населения Сибири. Томский отдел долгое время был единственным представителем ОПЕ в регионе. Под влиянием беженцев и общественного движения в Томске начали появляться представительства других еврейских учреждений. Однако Томский отдел сумел сохранить свою значимость и продолжил работу в первые годы советской власти, в то время как Центральный отдел ОПЕ в Петрограде был закрыт в 1918 г. [5, с. 247].

Список литературы

1. Кальмина Л.В. Евреи в самодержавной России : на пути к статусу «имперской нации» // Известия Иркутского университета. Сер.: История. – 2021. – Т. 38. – С. 28–35.
2. Локшин А.Е. Евреи в отечественной истории. Очерки по истории и культуре евреев в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации. Конец XVIII – начало XXI веков : в 2 ч. / отв. ред. Д.А. Марьясис ; РАН, Ин-т востоковедения. – Москва : ИВ РАН, 2021. – Ч. 1. – 421 с.
3. Локшин А.Е. Евреи в отечественной истории. Очерки по истории и культуре евреев в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации. Конец XVIII – начало XXI веков : в 2 ч. / отв. ред. Д.А. Марьясис ; РАН, Ин-т востоковедения. – Москва : ИВ РАН, 2021. – Ч. 2. – 328 с.
4. Сушко А.В., Стельмак М.М. Докладная записка иркутского чиновника С.А. Шиманского с предложением высылки евреев из России Верховному

- правителю адмиралу А.В. Колчаку (декабрь 1918 г.) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 47–55.
5. Тишкина К.А. Деятельность Томского отдела Общества по распространению просвещения между евреями в России в годы Первой мировой войны // Журнал фронтальных исследований. – 2021. – № 4 (24), Т. 6. – С. 233–251.

УДК 504.03; 572.022

ПЕТРУХИНА Д.В.* ЖИЗНЬ В ДЕЛЬТЕ: О ПЕРЕПЛЕТЕНИЯХ ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В УСТЬЯХ РЕК.

DOI: 10.31249/rhist/2023.01.06

Аннотация. Современная антропология пространств все больше внимания уделяет регионам, характеризующимся тесными взаимосвязями природных, социальных, культурных, экономических, политических и других процессов. Последние исследования показали, что дельты как крупных, так и небольших рек являются подобными сложными системами, изучение которых может внести вклад в понимание стратегий жизни людей в условиях быстро меняющейся среды. Развитие каждой дельты неразрывно связано с историей ее освоения, культурой населяющих ее этнических общностей, геоморфологическими и гидрологическими особенностями реки, политическими решениями местной и центральной власти. Обзор работ зарубежных авторов доказывает, что каждая дельта представляет собой многогранный феномен, который можно рассматривать с точки зрения различных научных дисциплин.

Ключевые слова: антропология речных дельт; ритмичность природных и социальных процессов; гидросоциальная жизнь в дельтах рек; нестабильность среды в дельтах рек Юго-Восточной Азии; колониальное наследие.

PETRUHINA D.V. Life in Delta: intertwining of environmental and social in the river mouths

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: darkamercante@gmail.com

Abstract. Modern anthropology of spaces is paying increasing attention to the regions characterized by close interrelationship of natural, social, cultural, economic, political and other processes. Recent studies have shown that deltas of both large and small rivers are complex systems, the study of which can contribute to the understanding of human life strategies in a rapidly changing environment. The development of each delta is inextricably linked to the history of its exploration, the culture of its ethnic communities, the geomorphological and hydrological features of the river, the political decisions of local and central authorities. The review of the work of foreign authors proves that each delta is a multifaceted phenomenon that can be viewed from the perspective of different scientific disciplines.

Keywords: river delta anthropology; rhythmic natural and social processes; hydrosocial life in river deltas; unstable environments in Southeast Asian river deltas; colonial legacies.

Для цитирования: Петрухина Д.В. Жизнь в дельте : о переплетении природного и социального в устьях рек (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 89–101. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.06

Феномен границы уже давно выступает одной из наиболее востребованных тем антропологических исследований. К настоящему времени существует большой пласт работ, посвященных ситуациям, разворачивающимся на политических, этнических и социальных границах. Наблюдаемые там процессы характеризуются многофакторностью и разновекторностью развития, что нередко приводит к возникновению острых конфликтов.

Со второй половины XX в. внимание ученых привлекает еще один пограничный комплекс – речные дельты, которые оказались под угрозой исчезновения в связи с поднятием уровня Мирового океана. Через дельту проходят границы между сушей и морем, соленой и пресной водой, природными и антропогенными территориальными комплексами. С исторической точки зрения современные время и пространство здесь сталкиваются с автохтонным и колониальным наследием. Сегодня главной отличительной чертой речных дельт является их нестабильность – природная, социально-экономическая, экологическая и политическая.

Происходящие в дельтах постоянные изменения играют важную роль в жизни их населения, заставляя находить новые социальные, технологические и инфраструктурные решения в целях адаптации. Несмотря на существование большого разнообразия речных дельт, отличающихся географическими и социально-экономическими показателями, можно выделить блок проблем и процессов, присущих всем дельтам.

Результаты теоретического осмысления феномена дельты и многолетней полевой работы антропологов в разных частях света нашли свое отражение в сборнике статей «Жизнь дельты»¹, опубликованном в 2021 г. В фокусе исследователей находятся не географические составляющие дельт, а те динамические и сезонные трансформации, вокруг которых формируется уникальная микросреда. Такой подход призван подчеркнуть лиминальное положение дельты и ее обитателей в социальном, политическом, экономическом и культурном планах. В основу изучения дельт были положены три принципа, характеризующие особенности протекания процессов в исследуемом пространстве: «гидросоциальность», «неустойчивость» и «многомасштабность ритмов» [4, р. 5].

Под гидросоциальными отношениями подразумевается система социально-экономических, политических и гидрологических отношений, сложившаяся на территории дельты конкретной реки в ходе исторического развития и отличающая ее от других регионов. К наиболее общим гидросоциальным характеристикам можно отнести неравномерную эрозию побережий, затрудняющую строительство инфраструктурных объектов; постоянное подтопление, позволяющее заниматься рыболовством и выращиванием риса; наличие осадочных полезных ископаемых, активная добыча которых способствует дальнейшей эрозии почвы, а в некоторых случаях и развитию межэтнических конфликтов. Таким образом, гидросоциальность отражает тесные взаимосвязи социальной жизни и гидрологического режима реки.

Перечисленные особенности дельты делают ее уязвимой к внешним и внутренним экологическим факторам. Для описания

¹ Delta Life : Exploring Dynamic Environments where Rivers Meet the Sea / ed. by F. Krause, M. Harris. – New York : Berghahn Books, 2021. – 262 p. – (Series: Environmental Anthropology and Ethnobiology ; Vol. 28).

быстрых и непредсказуемых изменений, ведущих к ощутимым для всего комплекса последствиям, был выбран термин «неустойчивость», подчеркивающий нестабильность протекающих природных и социальных процессов [4, р. 10].

Жизнь в дельте характеризуется взаимообусловленными явлениями, возникновение и длительность которых подвержены определенной ритмичности. Ритмы различаются периодом и масштабом воздействия, и от их резонанса во многом зависит общее процветание биосоциальной системы дельты. Так как ритмичность характерна не только для природных, но и для социальных процессов, она открывает возможности для изучения дельты с точки зрения различных научных дисциплин [4, р. 13].

Т. Ричардсон в своей статье обозначает еще один теоретический аспект, связанный с целостностью изучения дельты: использование ландшафта как объективной основы для антропологических исследований [7, р. 27]. Большинство исследователей принимают за точку отсчета территорию с определенными геоморфологическими признаками, совокупность которых указывает на дельту. Недостатком такого подхода она считает ускользание от внимания ученых внутренних взаимосвязей дельты с ее населением. Полевая работа, проведенная автором в украинской части дельты Дуная (Килийская дельта), показала, что местные рыбаки, садоводы и пастухи между собой называют место их расселения плавнями. Со времен реформ патриарха Никона в эти районы бежали представители старообрядчества, которым заболоченные равнины, поросшие тростником (плавни), позволили сохранить свою общину и веру. Долгосрочная и постоянная борьба людей с трудностями жизни в устье Дуная сформировала у них особую идентичность – «люди плавней». При этом Т. Ричардсон отмечает, что ни один из интервьюируемых людей не называл дельту собственно «дельтой». Следовательно, существует проблема идентификации исследуемых антропологами территорий. Рассмотрение речных дельт в глобальном масштабе, без учета локальной специфики каждой из них, может привести к неверным выводам при их сравнении между собой. За термином «дельта» часто скрывается многообразие взаимосвязей людей с водными потоками, илом, тростником и другими компонентами природы реки, формирующими особый ландшафт и образ жизни [7, р. 49].

Во многом противоположную точку зрения высказывает К. Скарамелли, изучающая процессы, происходящие в дельте реки Кызылырмак на севере Турции. Любая дельта отличается от других типов ландшафта постоянными трансформациями под действием текущих вод и отложения речных наносов. Отсутствие в лексиконе местных жителей постоянного значения понятия «дельта» – это следствие их внимания и адаптации к этим изменениям. Первопричиной последних является антропогенное влияние: трансформации водных потоков стали результатом активного сельскохозяйственного освоения земель в дельте Кызылырмака [8, р. 175].

Так, строительство в верховьях реки нескольких плотин способствовало накоплению речных отложений в водохранилищах, что, в свою очередь, усилило эрозию дельты водами Черного моря. По этой же причине увеличилась площадь затопляемых приливами площадей и началось засоление местных почв. В таких условиях сельское хозяйство становится более трудоемким: необходимо применять химические удобрения и платить за строительство ирригационной системы. В настоящее время, несмотря на субсидии от государства на развитие хозяйства, многие фермеры сожалеют, что некогда приобрели здесь участок, а молодое поколение предпочитает переезжать в крупные города. Ситуация в дельте Кызылырмака наглядно демонстрирует, насколько тесными могут быть взаимосвязи между гидрологическим режимом реки и социальными процессами.

Строительство гидроэлектростанций с образованием водохранилищ всегда сопровождается регуляцией стока реки. К.А. Аддо и др. исследовали результаты этого явления в дельте реки Вольты (Западная Африка). Кроме снижения количества речных отложений произошло изменение режима половодий: если в прошлом дельта затоплялась речной водой, то сейчас она испытывает дефицит воды – земли нуждаются в ирригации. Высокий естественный прирост населения требует увеличения количества пресной воды, потребляемой на бытовые и сельскохозяйственные нужды. Однако неконтролируемый забор грунтовых вод может привести к их скорому исчерпанию и интрузиям морской воды. Несмотря на климатические изменения последних лет (повышение среднегодовой температуры воздуха, частые засухи и наводнения), большая часть населения дельты занята в сельском хозяйстве, в

отдельных районах – подсечно-огневым. Расчистка земель под новые угодья и вырубка деревьев для производства угля способствуют дальнейшему иссушению почвы [1, р. 1222].

Сейчас скорость эрозии побережья в районе дельты Волты оценивается в 4–8 м в год. Эрозия усугубляется незаконной добычей песка, который реализуется местными жителями в качестве строительного материала, а также в результате непродуманных локальных мер по ее сдерживанию. Таким образом, по мнению авторов, изменения в дельте Волты вызваны взаимодействием двух типов факторов – естественных и антропогенных. Только эффективная система мониторинга и прогнозирования в сочетании с анализом исторического развития дельты будет способствовать разработке стратегии устойчивого развития этих территорий [1, р. 1225].

В настоящее время заметные социальные трансформации происходят и в некоторых деревнях Вьетнама, в частности расположенных в дельте Меконга. В статье С. Шибуйа рассматривается влияние процесса ускоренной урбанизации в деревне Лонг Туйен на традиционный институт семьи, занятия и функции ее членов. В прошлом, когда жизнь населения была сосредоточена внутри деревни, взаимопомощь в хозяйственных делах внутри семьи играла большую роль, взаимодействий с соседями и незнакомыми людьми практически не было. Это было связано с особенностями застройки в условиях дельты: дома и участки часто отделялись друг от друга протоками. Строительство новой дороги между деревней Лонг Туйен и ближайшим городом Кантхо коренным образом изменило жизнь населения дельты [9, р. 96]. У людей появилась возможность не только найти работу в городе, но и приобрести мобильные телефоны и другие товары первой необходимости, в том числе и продукты питания. Поскольку сельское хозяйство по причине климатических изменений и колебаний цен стало очень трудоемким занятием, в последнее время большинство молодых людей предпочитает работать в городе во вторичном и третичном секторах экономики, продолжая при этом жить в деревне. Семьи, в которых хотя бы один член работает в городе, заметно отличаются большим благосостоянием по сравнению с семьями фермеров, живущих только сельским хозяйством.

С отъездом из дома молодых членов семьи на работу и учебу их функции приняли на себя друзья и знакомые. Сейчас помощь в хозяйственных делах коллег и соседей уже воспринимается как норма. Через изменения и развитие, происходящие в дельте, расширились социальные связи семей деревни Лонг Туйен, а социально-экономическое развитие региона способствовало повышению качества и уровня их жизни [9, р. 102].

Однако существует и негативная сторона высоких темпов урбанизации в городах Юго-Восточной Азии. Сельское население, стремящееся устроиться на работу, не может позволить себе оплату жилья в пределах города. Так на окраинах, часто в практически непригодных (или даже запрещенных) для заселения районах, формируются трущобы. Л. Лей на протяжении нескольких лет исследовал трущобы города Семаранг (Индонезия), расположенного в дельте одноименной реки. Вырубка мангровых лесов в 1970-х годах привела здесь к росту уровня Мирового океана, как следствие, сегодня некоторые районы города погружаются под воду со скоростью 5–15 см в год. Такая ситуация заставляет людей постоянно отвоевывать землю у моря путем насыпания грязи и мусора. Так как дренажные системы в этих районах давно устарели, сточные воды часто стоят на поверхности между домами. Здесь проживают беднейшие слои населения: безработные и бездомные, полностью зависящие от гуманитарной помощи. Таким образом, несколько районов Семаранга сегодня находятся в катастрофическом положении и характеризуются постоянными наводнениями, загрязнением и системной бедностью [5, р. 71].

По мнению автора статьи, основной причиной сложившейся ситуации являются неправильные действия (или бездействие) властей, а не экологические изменения. Одна часть проектов, которые предполагалось реализовать для борьбы с наводнениями, не получила развития из-за коррупции. Другая часть усугубила ситуацию по причине непродуманности и нескоординированности их исполнения. Исследование Семаранга показало, что значительную роль в затоплении прибрежных районов играют колониальная планировка города и длительное отсутствие менеджмента современной городской среды [5, р. 76]. Интересно, что, несмотря на существующие проблемы, Семаранг является одним из популярных тури-

стических направлений и даже был признан самым чистым центром туризма в странах АСЕАН в сезоне 2021–2022 гг.¹

Тема колониального наследия затрагивается и в работе О. Окох, посвященной западной части дельты реки Нигер. Исследуемая территория, расположенная в границах Нигерии, отличается высокой плотностью населения и многонациональностью. Автор отмечает, что в доколониальное время у жителей дельты не было ярко выраженной этнической идентичности. После захвата этой территории Великобританией возникла необходимость ее интеграции в торговые отношения и сбора налогов с местных жителей: началось внедрение обычной для британских колоний системы косвенного управления. Поскольку у проживавших здесь групп иджо, итсекири и урхобо не было собственной строгой вертикали власти, в отличие, например, от соседних йоруба, для поиска верховных вождей среди них были организованы специальные антропологические исследования. Когда верховные вожди были назначены, колониальная власть предписала группам расселиться в разных районах провинции Варри, что реализовалось через раздачу земельных участков каждому из сообществ. Так появились четкие границы между этническими группами, которые теперь могли апеллировать к своей этнической идентичности для востребования ресурсов и развития инфраструктуры [6, р. 221].

Открытие в дельте Нигера больших запасов нефти усилило борьбу за власть в регионе, в особенности в крупнейшем городе дельты – Варри. По мнению автора, именно британская политика косвенного управления стала причиной раздробления населения дельты Нигера на отдельные, политизированные группы, которые начали борьбу за ресурсы, территорию и власть в районе Варри. В настоящее время длительное историческое противостояние привело к взаимному недоверию и постоянным столкновениям этнических групп друг с другом [6, р. 230].

Общий гидрологический режим каждой реки отличается сезонной сменяемостью явлений: половодий, меженей и паводков. В дельте к этой периодичности добавляются ежедневные приливы

¹ Semarang named cleanest tourist destination in Southeast Asia // Suherdjoko (The Jakarta Post). – 2020. – January 20. – URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2020/01/20/semarang-named-cleanest-tourist-destination-in-southeast-asia.html>

и отливы, создавая сложную систему ритмов, к которой приходится адаптироваться населению.

Тесную взаимосвязь между жителями дельты и ее ритмами показала Н. Хорисбергер на примере бразильской деревни Барринья, расположенной на речном острове в дельте Парнаибы. Исторически этот район считался заброшенным и отсталым. Бедное местное население занималось рыболовством, сбором моллюсков и орехов кешью, выращиванием овощей и фруктов, разведением уток и кур. В настоящее время часть дельты занимает природоохранная территория, а местным жителям, получившим статус коренного населения, разрешено вести некоторую хозяйственную деятельность в границах резервата. Нерест рыбы, созревание орехов в лесу, доступность моллюсков – все эти условия подвержены сезонности и требуют от населения Барринья определенной доли наблюдательности, внимания и особого чувства времени [3, р. 137].

Наибольший доход приносит продажа моллюсков, поэтому рыбаки особое внимание уделяют лунным фазам, пытаясь предсказать высоту следующего прилива, от которой напрямую зависит успех сбора моллюсков. Результат происходящих в природе явлений всегда неопределенен, поэтому люди живут настоящим днем, воспринимая прошлое как форму накопленного опыта, а будущее – как предвосхищение событий. Жизнь в условиях постоянных трансформаций сформировала у них привычку к активному ожиданию, когда каждый готов мгновенно отреагировать на изменение и использовать открывшиеся возможности.

С точки зрения Н. Хорисбергер, ритмичность процессам рыбной ловли, сбора моллюсков, орехов и фруктов придают практики жителей деревни, а не внешние факторы. В качестве примера она приводит тот факт, что нерест рыб происходит ежегодно, но только через призму рыболовства этот процесс воспринимается людьми как особый период времени [3, р. 141].

Тактика активного ожидания характерна и для других сообществ, проживающих в дельтах и занимающихся сбором моллюсков. Согласно исследованию С. Симона, для серер ниоминка, расселенных в дельте Син-Салума в Сенегале, моллюски являются основным источником дохода. Практика их сбора зависит от многих факторов: вида моллюсков, воды, ветра, земли, качества инст-

рументов, других сборщиков и даже от воли духов предков [10, р. 151]. Наиболее удачным временем для сбора считаются периоды между второй фазой и полнолунием, также между последней четвертью и новолунием. Этот важный «экосоциально-экономический ритм» носит название Мбисса.

По наблюдениям С. Симона, во время сбора женщины максимально концентрируют внимание на любых, даже мельчайших, изменениях вокруг и ловко под них подстраиваются. Таким образом, результативность их работы зависит не только от навыка поиска моллюсков, но и от внимательности и выносливости сборщиц. Чаще всего между периодами Мбиссы сбор моллюсков не ведется, и у женщин появляется время для других важных дел экономического, социального и личного характера. При этом у Мбиссы нет четких границ, как следствие, сборщицы находятся в постоянном активном ожидании и готовы отправиться за моллюсками в любой подходящий для этого момент [10, р. 161].

Несмотря на свою долгую историю, в настоящее время процесс сбора моллюсков претерпевает трансформации в связи с социально-экономическими, политическими и экологическими изменениями. В частности, наблюдается снижение общего количества и ухудшение качества моллюсков при росте спроса на них и установлении ограничений на количество собранных моллюсков. Тем не менее пока сбор моллюсков остается одним из основных способов жизнеобеспечения серер ниоминка и отражает ритмичность жизни в дельте Син-Салума [10, р. 163].

А. Камарго обратил внимание на другой аспект развития комплекса речных дельт: замедление процессов и «застой» [2, р. 82], который он проиллюстрировал на примере колумбийского района Ла Мохана (система реки Магдалены). Если говорить о гидрологическом режиме, то в устье наблюдается естественное замедление течения реки, здесь же задерживаются речные наносы. Из-за близости трех рек в Ла Мохане образовались обширные пространства, покрытые пресноводными болотами и другими видами переувлажненных земель, поэтому повседневная жизнь местных жителей тесно связана с водой. Автор выделяет три фактора, определяющих социально-экономические и экологические проблемы региона: речные наносы, рыба и ртуть [2, р. 84].

Из-за извилистости русел речные отложения накапливаются на окраинах болот, формируя новые участки суши. Такие земли считаются ценными для сельского хозяйства, поскольку их плодородие возобновляется ежегодно после половодья. По этой причине в Ла Мохане идет постоянная ожесточенная борьба за эти участки между богатыми скотоводами и мелкими фермерами, которым разрешено использовать новообразованные земли для сезонных работ. В периоды, когда реки выносят слишком большое количество наносов, осадочные горные породы заполняют болота, что препятствует свободному течению воды. В итоге это приводит к наводнениям в поселениях, которые в обычное время никогда не затапливаются. Таким образом, контроль за отложением речных наносов является одной из важнейших задач, стоящих перед властями Ла Моханы [2, р. 92].

Рыболовство выступает вторым по значимости видом хозяйственной деятельности местных жителей после сельского хозяйства. За последние десятилетия из-за перелова объемы добычи рыбы снизились в восемь раз. Рыбаки ставят большие сети, перегораживая русло и препятствуя проходу рыбы на нерест из болотистых мест вверх по реке. На этих участках большие косяки задерживаются до тех пор, пока не будут полностью выловлены. Такая неограниченная добыча наносит большой урон популяциям, и рыбные ресурсы не успевают возобновляться. Для многих фермеров рыба – единственный источник белка, поэтому ее нехватка отражается на здоровье и благополучии населения.

Тем не менее употребление рыбы в пищу в больших количествах может наносить вред из-за накопления в ее тканях тяжелых металлов. В бассейне Магдалены действует около 480 золотоносных шахт, добыча в которых ведется кустарным способом, с использованием ртути для амальгамации. Отработанные соединения ртути в больших количествах сбрасываются в реки, и впоследствии, через рыбу и моллюсков, они попадают в организм человека, где аккумулируются. Ртуть оказывает отрицательное воздействие на все системы человеческого организма, в особенности они разрушительны для эмбрионов и детей грудного возраста. В Ла Мохане с этой проблемой связывают участвовавшие случаи рождения детей-инвалидов. По мнению А. Камарго, через речную воду и содержащуюся в ней ртуть местные жители связаны с добычей ре-

сурсов и экономикой региона, а незаметность загрязнения превратило его в «тихое насилие власти и магнатов над простыми людьми» [2, р. 89]. В целом описанные проблемы доказывают, что застойные процессы, характерные для геоморфологии речных дельт, также являются многомасштабным социально-экологическим феноменом.

Рассмотренные выше исследования доказывают важность дальнейшего изучения сложных систем речных дельт для понимания процессов взаимодействия природного и социального в условиях постоянных трансформаций окружающей среды.

Список литературы

1. A Biophysical and Socioeconomic Review of the Volta Delta, Ghana / K.A. Addo, R.J. Nicholls, S.N.A. Codjoe, M. Abu // *Journal of Coastal Research* – 2018. – Vol. 34, N 5. – P. 1216–1226. – URL: <http://www.jstor.org/stable/26491518>
2. Camargo A. Stagnation : Waterflows and the Politics of Stranded Matter in La Mojana, Colombia // *Delta Life : Exploring Dynamic Environments where Rivers Meet the Sea* / ed. F. by Krause, M. Harris. – New York : Berghahn Books, 2021. – P. 82–101.
3. Horisberger N. “This Tide Will Be a Good Tide” : On Movement, Anticipative Waiting and Tricking on the Islands of the Parnaíba Delta, Brazil // *Delta Life : Exploring Dynamic Environments where Rivers Meet the Sea* / ed. by F. Krause, M. Harris. – New York : Berghahn Books, 2021. – P. 126–149.
4. Krause F., Harris M. Life at Water’s Edge // *Delta Life : Exploring Dynamic Environments where Rivers Meet the Sea* / ed. by F. Krause, M. Harris. – New York : Berghahn Books, 2021. – P. 1–25.
5. Ley L. The Global Swamp : The Amphibious as a Figure of Heterotopia // *Delta Life : Exploring Dynamic Environments where Rivers Meet the Sea* / ed. by F. Krause, M. Harris. – New York : Berghahn Books, 2021. – P. 56–81.
6. Okoh O. Who Controls Warri? How Ethnicity Became Volatile in the Western Niger Delta (1928–52) // *The Journal of African History*. – 2016. – Vol. 57, N 2. – P. 209–230. – URL: <http://www.jstor.org/stable/44509326>
7. Richardson T. Displacing the Delta : Notes on the Anthropology of the Earth’s Physical Features // *Delta Life : Exploring Dynamic Environments where Rivers Meet the Sea* / ed. by F. Krause, M. Harris. – New York : Berghahn Books, 2021. – P. 26–55.
8. Scaramelli C. Lived Histories of Flows and Sediments in a Turkish Delta // *Delta Life : Exploring Dynamic Environments where Rivers Meet the Sea* / ed. by F. Krause, M. Harris. – New York : Berghahn Books, 2021. – P. 172–197.

*Жизнь в дельте: о переплетениях природного и социального
в устьях рек*

9. Shibuya S. Urbanization, Jobs, and the Family in the Mekong Delta, Vietnam // Journal of Comparative Family Studies. – 2018. – Vol. 49. – N 1. – P. 93–108. – URL: <http://www.jstor.org/stable/44873430>
10. Simon S. Gleaning Time : Practice, Pause and Anticipation in the Sine-Saloum Delta, Senegal // Delta Life : Exploring Dynamic Environments where Rivers Meet the Sea / ed. by F. Krause, M. Harris. – New York : Berghahn Books, 2021. – P. 150–171.

УДК: 303.446.4; 614.4

ДУНАЕВА Ю.В.* НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЭПИДЕМИЙ. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.07

Аннотация. В обзоре рассмотрены научные исследования, посвященные истории эпидемий. Представлены разные подходы к изучению этой темы: макроисторический и тематический. Уделено внимание впервые опубликованным средневековым источникам, в которых очевидцы описывают эпидемию чумы («черной смерти») в Средние века.

Ключевые слова: история эпидемий; эпидемии чумы; эпидемии Средневековья; сыпной тиф в России в годы революции и Гражданской войны.

DUNAEVA Y.V. New literature and documents on the history of epidemics

Abstract. The review considers scientific research on the history of epidemics. New approaches to the study of this topic are presented: macrohistorical and thematic. Also, attention is paid to the first published medieval sources in which eyewitnesses describe the plague epidemic («Black Death») in the Middle Ages.

Keywords: history of epidemics; plague epidemics; epidemics of the Middle Ages; typhus in Russia during the Revolution and Civil War.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Новая литература и документы по истории эпидемий. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отече-

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

ственная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 102–116. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.07

Вспышка COVID-19 вызвала интерес ученых-гуманитариев к истории здравоохранения и болезней. Эти направления, ранее находившиеся на периферии исторической науки, вышли на авансцену. Результатами этого стали не только новые исследования, но и обращение к работам, опубликованным ранее. Примером может служить перевод на русский язык книги американского ученого У. Макнилла¹. Она была издана в США в 1976 г. и до сих пор не просто представляет интерес, а служит своего рода каноническим примером изучения истории болезней. Хотя книга не лишена недостатков, на нее активно ссылаются историки².

Картина истории эпидемий, как и любых других исторических событий, была бы не полной без свидетельств очевидцев, тех, кто пережил напасти и оставил пусть и субъективные, но важные с исторической точки зрения сведения. Для этого рассмотрим сборник документов, наглядно показывающих, что происходило в разных государствах во время массовых заболеваний [1]. Составители сборника отмечают, что переводы источников публикуются впервые.

Как показывают археологические находки, судя по всему, чума началась в середине XIV в. в Китае, затем с торговыми караванами была завезена в Индию и Персию, на территории Золотой Орды, в Среднюю Азию, на Кавказ, Черноморское побережье Крыма.

Одно из самых известных описаний эпидемии оставил хроникер Габриэль де Мюсси. В 1347 г. войско Золотой Орды под предводительством хана Джанибека осаждало генуэзскую колонию Каффу (совр. Феодосия). Разразившаяся среди монголо-татар эпидемия чумы заставила снять осаду. Но в то же время они применили то, что сегодня назвали бы бактериологическим оружием: они забрасывали трупы умерших от чумы на территорию крепо-

¹ Макнилл У. Эпидемии и народы. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2021. – 446 с.

² См., например, интервью с сыном этого историка, одним из основателей экологической истории как одного из направлений исторической науки Джоном Робертом Макниллом «Конец золотого века здоровья». – URL: <https://gorky.media/context/konets-zolotogo-veka-zdorovya/>

сти. Начавшееся массовое заболевание заставило генуэзцев бежать. Но на кораблях они привезли с собой инфекцию. Разными путями чума распространилась по территории Европы (современных Италии, Нидерландов, Бельгии, Дании, Германии), России и т.п. [1, с. 10]. Смертность была такая, что иногда вымирали целые селения и некому было хоронить мертвецов. Жители средневековых городов, в которых скученность населения вызывала неизбежную антисанитарию, были особенно уязвимы перед инфекцией.

Что касается причин возникновения мора, то было несколько объяснений в духе времени. Конечно, самое распространенное объяснение – что чума – это гнев Господень, наказание за грехи человеческие. Но были и другие версии: например, связанные с астрологией (неблагоприятное расположение светил); или мор как напоминание о четырех всадниках Апокалипсиса (Чума, Голод, Война, Смерть). Вместе с тем были попытки возложить ответственность на представителей определенных групп населения: прокаженных, которые якобы в приступах злобы и безумия распространяли болезнь, или евреев, среди которых из-за соблюдение определенных гигиенических правил заболеваемость была ниже.

Эпидемии чумы, в разных формах, продолжались на протяжении трех столетий. Лекарств от нее не существовало, врачи советовали избегать больших скоплений людей, вместо мытья предлагали обтираться уксусом и розовой водой. Единственным доступным решением было покинуть обжитые места и бежать как можно дальше. Но и это не помогало, ведь таким образом инфекция разносилась дальше по территории. Смертность от чумы достигала 90%, приводят данные составители сборника. Правительствами разных городов и стран принимались определенные меры: например, в Венеции были закрыты все церкви, а в Лондоне были закрыты школы и отменена сессия парламента. Но были и противоположные реакции – организация массовых молений и церковных шествий. Проводились и профилактические мероприятия – в некоторых странах заболевших изолировали, их имущество сжигалось, а дома дезинфицировали серой и известью. Портовые города вводили 30–40-дневные карантинны для прибывших судов. Тем не менее чума унесла от трети до половины населения Евро-

пы, «что поставило регион в состояние подлинной демографической катастрофы. Особенно пострадали города» [1, с. 15].

По мнению составителей сборника, чума вызвала серьезные изменения в религиозной сфере. Появились культы новых святых – св. Роха, св. Себастьяна. «Но главное состояло в том, что пандемия подтолкнула людей к размышлениям о том, что только они сами ответственны за спасение своей души» [1, с. 16].

Приведем несколько примеров опубликованных источников. Открывает сборник «Новая Хроника» Джованни Виллани (умер от чумы). Его дело продолжил брат Маттео Виллани. Дж. Виллани сообщает, что вспышка чумы уже происходила в Тоскане и других городах Италии в 1340 г., что ставит под сомнение информацию о «генуэзской версии» возникновения чумы. Странно, что об этом не пишут другие хроникеры. По мнению составителей сборника, чума 1347–1348 гг. не была внезапной, но ее масштабы были так велики, что о предыдущей волне просто забыли.

Ги де Шолиак в работе «Большая хирургия» объясняет причины чумы гневом Божиим, как и братья Виллани, и неблагоприятным расположением светил.

На первый взгляд кажется, что во время эпидемии нет никакого благополучного исхода и надежды на спасение. Однако составители сборника приходят к философскому заключению: «Наиболее правильное поведение в условиях эпидемии – продолжать следовать своему долгу» [1, с. 23]. Это внушает оптимизм и придает силы пережить эпидемию.

В книге д-ра филос. наук, профессора Д.В. Михеля [3] представлен макроисторический подход к истории болезней. Автор на широком отечественном и иностранном материале прослеживает, как происходили эпидемии от Античности до наших дней. Он обращает внимание не только на медицинские, но и на социальные, культурные, религиозные, политические последствия эпидемий.

Исследование открывает информативный обзор основных работ по истории медицины и эпидемий. Первыми историографами этих явлений Михель называет Гиппократ и Фукидида. «Отец медицины», врач и философ, автор книг «О древней медицине» и «Эпидемии» Гиппократ на многие века заложил основы медицинской истории, описания болезней. Один из основателей исторической науки Фукидид был очевидцем «афинской чумы», разразив-

шейся во время Пелопонесской войны (431–404 гг. до н.э.). Античный автор максимально подробно и глубоко описал бедствие. Он уделил внимание общей эпидемиологической обстановке, особенностям болезни на индивидуальном уровне. Но, более того, он исследовал социальные, психологические и другие изменения, порожденные эпидемией.

Несмотря на то что эпидемии и болезни почти всегда были спутниками развития цивилизации, их описание можно скорее встретить в первоисточниках, чем в исторических работах. В Средние века и в Новое время историки почти перестали изучать историю болезней, отдав ее в руки врачей и медицинских специалистов. Ситуация изменилась в XIX в., когда активно развивались естествознание, биологические и медицинские науки и без преувеличения можно было сказать о «революции в медицине». Это относится прежде всего к открытиям французского ученого Л. Пастера и немецкого исследователя Р. Коха. Л. Пастер – один из создателей микробиологии и теории «микробной природы» заболеваний. Р. Кох знаменит прежде всего открытием микобактерии (разновидность семейства бактерий) туберкулеза – палочки Коха. В нашей стране свой вклад в развитие бактериологии внесли, например, такие выдающиеся ученые, как Н.Ф. Гамалея (основатель первой бактериологической станции) и Д.К. Заболотный (создатель первой в мире кафедры эпидемиологии).

В 1960–1970-е годы в исторической науке стало возрастать внимание к истории болезней, произошел поворот к «социальной истории медицины, сфокусированной не на истории великих докторов, а на обществе и его проблемах» [3, с. 18]. Михель объясняет это тем, что здоровье теперь стало рассматриваться как естественное право гражданина, возросло внимание общества к медицине и здравоохранению.

В конце XX – начале XXI в. эпидемии разных видов гриппа, атипичной пневмонии и коронавирусной инфекции вновь вызвали интерес к истории медицины не только среди ученых, но и среди журналистов. «В целом уровень работ, написанных с позиций популярной историографии, неизменно растет. Их авторы для обоснования своих выводов привлекают разнообразные источники, ссылаются на архивные материалы, широко используют интервью со специалистами и людьми, имеющими отношение к описываемым

мым событиям. Качественные различия между исследованиями профессионалов и любителей практически отсутствуют» [там же, с. 27]. Вместе с тем, по мнению Михеля, популяризаторы науки, в отличие от профессиональных историков и врачей, оставляют без внимания значительную часть всемирной истории болезней.

Михель прослеживает историю эпидемий, начиная с древнейших времен. Возникновение эпидемических заболеваний он объясняет несколькими факторами. Во-первых, занятие скотоводством и приручение животных принесли новые инфекции. Во-вторых, с развитием земледелия выросли урожаи и в складах с зерном заводились мелкие грызуны, которые являлись источником разных инфекций. В-третьих, скученность населения в городах способствовала развитию таких болезней, как оспа, корь, грипп и т.п. В-четвертых, первые крупные поселения людей возникли на берегах рек. А это значит, что нечистая вода являлась одним из источников заражения. Началась эра цивилизаций, которая оказалась также и эрой массовых болезней, заключает автор.

Из античной Греции до нас дошли свидетельства об эпидемии на острове Фасос (Тасос) некой болезни, в которой специалисты опознали паротит (свинку). В результате афинской эпидемии 430 г. До н.э. население Афин настолько уменьшилось, что это ослабило их военно-морское могущество. Споры о том, какое заболевание стало причиной эпидемии, не утихают до сих пор, отмечает автор. Эпидемия вызвала также социальные и культурные потрясения: «Среди оставшихся в живых усилились радикальные настроения. Традиции предков, религия, законы – все было подвергнуто поруганию. Начали быстро распространяться оргиастические культы и философский скептицизм. Были даже разорены погребения» [там же]. Однако были и положительные моменты – например, стала развиваться храмовая медицина.

Контакты с цивилизациями Востока были также отмечены появлением новых болезней и эпидемий. Наиболее известна эпидемия 165 г. н.э. Инфекция была завезена римскими войсками из Месопотамии и вызвала серьезное опустошение. В 166 г. болезнь уже появилась в Риме. С этого времени она уже не покидала территорию империи без малого четверть века. «По данным Диона Кассия, в 189 г. в Риме за один день от эпидемии умирало 2 тыс.

человек. В историю она вошла под названием “чумы Антонинов”¹» [3, с. 41].

Михель приводит интересную информацию о том, как болезни и эпидемии повлияли на мироощущение современников. Мор воспринимался ими как напоминание о конце света, что послужило усилением религиозных настроений, например среди христиан. Они не только смиренно переносили тяготы болезни, но и помогали больным, от которых иногда отказывались даже родственники: «Незабываемый пример Христа, которому новое верование приписывало удивительную способность спасать немощных и страждущих, сделал христианство наиболее привлекательной для многих формой религиозного ответа на вызов новой болезни» [3, с. 42]. На другом конце света, в Китае, опустошенном эпидемиями II–IV вв., распространился буддизм с его специфически-философским подходом к жизни и смерти.

Юстинианова чума, которая свирепствовала в Средиземноморье с 542 по 750 г., спровоцировала значительные социально-политические последствия. «Сильные разорения, которые она вызвала на территории соперничающих между собой Византии и Персии, безусловно, способствовали быстрому и неожиданному успеху арабов, которые пришли на освободившиеся территории с юга и с легкостью распространили на них религию пророка Мухаммеда. Таким образом, в Восточном Средиземноморье произошла глубокая цивилизационная трансформация: римский мир уступил место новой цивилизации ислама, что дало, между прочим, повод О. Шпенглеру в начале XX в. говорить о глубоком внутреннем родстве обоих феноменов» [3, с. 43].

Что касается Средневековья, то на память сразу приходит эпидемия проказы (болезнь Хансена). Она длилась с XI по XIV в. и вызвала реакцию со стороны властей, как церковных, так и государственных: принимались соответствующие законы в разных европейских странах, строились специализированные больницы и создавались специальные поселения для прокаженных. Христианская церковь разработала особый сложный ритуал для исключения больных из общины. Однако были и те, кто взывал к милосердию

¹ Еще ее называют «Антониновой чумой» или «Чумой Галена», по имени греческого врача, который описал эту болезнь. – *Прим. авт.*

по отношению к больным, одним из них был Франциск Ассизский. Он проповедовал относиться к прокаженным как к страдающим ради других избранникам Божиим. Свой вклад внесли и рыцари-крестоносцы, помогавшие строить больницы и лепрозории. К середине XIV в. эпидемия проказы пошла на спад. Но вскоре появилась новая напасть – чума, или как ее еще называли, «черная смерть». Традиционно принято считать, что речь идет о бубонной чуме. Но некоторые ученые выдвигали версии, что эпидемия могла быть вызвана сочетанием нескольких болезней – к примеру, чумы и сибирской язвы.

Далее, описывая чуму XIV в., Михель ссылается на книгу У. Макнилла «Чума и народы». Основную идею этого автора можно сформулировать так: по мере развития цивилизаций между ними усиливались культурные и торговые отношения, но также происходил обмен болезнями и инфекциями.

Долгая память о «черной смерти» объясняется беспрецедентными, опустошительными потерями. По подсчетам, в Европе от нее умерло порядка 20–25 млн человек, приводит данные автор. Чума приходила несколько раз: в 1360-е, в 1370-е годы. Эти эпидемии вызывали у одних людей мысли о скором конце света, что усиливало их религиозные настроения; другие же, напротив, предавались мирским наслаждениям, всяческим излишествам.

Итальянские города в числе первых ввели санитарные меры для защиты населения от болезней и постарались взять инфекцию под контроль. Примерами тому могут служить создание карантинной зоны в портовых городах, использование специальных мест для захоронения и уничтожение имущества умерших от чумы, изоляция больных и членов их семей, снабжение продовольствием нуждающихся [3, с. 76]. Со временем у населения выработался иммунитет, и на какое-то время чума отступила, но возвращалась вновь – например, лондонская чума 1665 г. Поскольку чума длилась так долго, она наложила отпечаток на все сферы жизни, даже на искусство. Именно чума, пишет Михель, вызвала к жизни «пляску смерти» и всю культуру барокко. В католических странах учреждались культы новых святых, которые защищали бы людей от напасти.

Тема «черной смерти» по-прежнему привлекает внимание историков, написано много исследований. Болезнь, а также ее по-

следствия – социальные, экономические, демографические и культурные – требуют дальнейшего изучения. Автор оценивает эпидемию чумы как грандиозное, радикально изменившее мир событие: «Чума способствовала усилению светской власти и формированию новых институтов контроля. Она изменила общественное сознание и, безусловно, заставила миллионы людей изменить свои взгляды на самих себя и окружающие вещи» [3, с. 81].

Эпоха Великих географических открытий отмечена инфекционным цивилизационным обменом. С одной стороны, европейцы столкнулись с особенностями другого климата и с другими болезнями, к которым у них не было иммунитета. Примером тому могут служить малярия и желтая лихорадка. С другой стороны, завоеватели завезли новые инфекции, перед которыми аборигенное население оказалось незащищенным. Речь идет в первую очередь о туберкулезе, гриппе. Одним из страшных примеров распространения инфекции может служить судьба местного населения Эспаньолы (современное Гаити), куда европейцы завезли инфекцию гриппа и другие болезни. Если в XV в. там проживало около 8 млн человек, то к середине XVI в. коренное население полностью вымерло. В Перу за столетие численность населения сократилась почти на 93%; в Никарагуа погибло около 92%; в Гватемале – 94% аборигенов [3, с. 88]. Такие болезни, как чума, оспа, тиф и т.п., иногда полностью уничтожали целые племена.

В Новое время, в эпоху Просвещения очагами болезней по-прежнему были города с их трущобами, грязью, завалами нечистот, антисанитарной обстановкой и т.п. Правительства разных стран принимали определенные меры по искоренению инфекций. Самые активные и результативные мероприятия были проведены в Париже. Сносились ветхие здания и на их месте возводили новые строения, городские кладбища были перенесены за черту города, обустроивались местные рынки, стали очищаться улицы. Тем не менее по-прежнему происходили вспышки эпидемий как местных болезней, так и привезенных из-за океана. Европейцы страдали от оспы, брюшного тифа, туберкулеза, разных лихорадок и гриппа.

В век Просвещения произошли важнейшие открытия в области медицины и медицинского образования. К ним можно отнести, например, новую концепцию возникновения болезней – миазматическую. Этот подход уходит корнями в Античность и подра-

зумевают, что наряду с «хорошим» воздухом существует и «плохой» – миазмы. Важные изменения произошли в медицинском образовании. В некоторых медицинских школах стали преподавать хирургию. Огромное значение для медицины сыграло то, что появилась возможность производить вскрытия. Благодаря этому изменились и развились знания о человеческом теле. Теперь стало понятно, что болезнь – это патологическое состояние отдельных органов.

Были сделаны и другие открытия, которые помогли в лечении болезней. К ним можно отнести использование хинина для лечения малярии (получался из коры хинного дерева) и проведение прививок от оспы. Автор подчеркивает, что инициатива оспопрививания происходила не от врачей – профессионалов, а от просвещенных европейцев, не имевших медицинского образования и принадлежащих к разным социальным слоям. Пуританский священник Коттон Мэзер пропагандировал распространение инокуляции¹ как профилактики оспы. Знатная аристократка леди Мэри Монтегю в 1717–1718 гг. проживала в Константинополе, где узнала о местном способе прививки. Она призывала английскую аристократию проводить вакцинацию. Постепенно эта практика распространилась на другие европейские страны. Так, российская императрица Екатерина II сделала прививку себе и наследнику престола. Тем не менее опасность эпидемии оспы просуществовала довольно долго.

В XIX в. были распространены эпидемии разных лихорадок, холеры и туберкулеза. Большую роль в стабилизации эпидемиологической ситуации сыграли санитарные реформы, проводившиеся в разных странах, новые подходы к лечению болезней. Здесь примером может служить создание туберкулезных санаториев, начало работы по организации общественного здравоохранения, охватывающего в том числе и бедные слои населения.

В XX–XXI вв., когда прежние болезни, казалось, были побеждены, появились новые заболевания. Это относится прежде всего к разного рода инфекциям: например, случались пандемии

¹ Введение инфекции в организм здорового человека через надрезы на коже, тогда он заболел в более легкой форме и приобретал иммунитет. – *Прим. авт.*

«испанки», эпидемии птичьего гриппа и атипичной пневмонии. «Чумой XX в.» стала эпидемия СПИДа. Серьезный вызов бросила современной цивилизации пандемия COVID-19. Характер эпидемии приобрел рак молочной железы. Но не менее важно то, что теперь психические заболевания настолько распространены, что здесь тоже стали говорить об эпидемии. Так в Ирландии отмечен самый высокий уровень заболевания шизофренией, а биполярным расстройством страдают 29,5 млн человек в мире (данные за 2004 г.). Ссылаясь на авторитетные источники, Михель пишет, что эпидемии психических заболеваний вызваны прежде всего состоянием общества, в котором люди испытывают постоянный стресс, ведущий к росту числа психических заболеваний.

Еще одно исследование по тематике эпидемий – монография Н.А. Мироновой – является едва ли не первым, в котором сыпной тиф рассматривается как один из важнейших факторов, сыгравших свою роль в том, как развивались события в ходе Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России [2]. Автор применила оригинальный подход: использовала не только научные труды и архивные материалы, но и художественную литературу. Таким образом, не просто расширен круг источников, но создана яркая, макабрическая¹ картина эпидемии, распространившейся на все социальные слои. Академическое научное изложение дополняется цитатами из произведений литературы, что оживляет текст.

Тиф (сыпняк) не щадил никого: ни старых, ни малых, ни простых граждан, ни элиту. Конечно, самыми уязвимыми были военные на фронтах и вернувшиеся с фронта, мигрирующее население, беспризорники и огромная масса людей, испытывающая тяготы военного времени. Вместе с тем автор уделяет внимание тому, что можно назвать «повседневным подвигом», – это труд врачей и бойцов санитарно-эпидемиологических отрядов, которые, невзирая на разруху и отсутствие медикаментов, нехватку больничного персонала, ежедневно сражались с болезнью на фронте и в тылу.

Следует также отметить, что исследование шире, чем это заявлено в заголовке. В первой главе автор кратко сравнивает тиф с

¹ От французского слова *macabre*, т.е. погребальный, ужасный, мрачный. – *Прим. авт.*

другими массовыми заболеваниями, в частности с чумой. В отличие от других, эпидемия сыпняка была предсказуема: «Призыв молодых людей из всех уголков Российской империи в армию в августе 1914 г. – вот отправная точка сыпного тифа, откуда и началось его дальнейшее движение. Естественно, что для всех была очевидна связь между зараженными сыпнотифозными вшами солдатами, возвращавшимися с фронта, и горожанами, к которым их насильно подсаляли... Не менее очевидна была зависимость между голодом и тифом: ослабленный иммунитет не в состоянии победить болезнь, а голод в эпоху продрозверстки создавался часто искусственным путем» [2, с. 10].

Зимой 1914–1915 гг. проходил ряд медицинских совещаний, на которых медики разных уровней обсуждали ситуацию с еще только набравшим обороты сыпняком. Уже тогда стало ясно, что необходимо было принять меры, чтобы подготовить тыл к поступлению тифозных больных. Если раненых еще можно было определить на постой, то в городах решительно отказывались принимать тяжелобольных и заразных людей.

Историк утверждает, что сыпняк заметно изменил систему здравоохранения в стране. Это объясняется тем, что лечение болезни не требовало особых медицинских знаний, скорее больной нуждался в уходе и соблюдении гигиены. И здесь на первое место выходят фельдшеры и младшие медицинские работники. Во многом, продолжает далее автор, основы той системы, с которой мы сталкиваемся сегодня, зародились в годы борьбы с сыпным тифом. Подсчитать точное количество умерших или переболевших этой болезнью невозможно. В подтверждение автор приводит статистические данные из нескольких источников и показывает, как сильно они различаются, причем речь идет о миллионах смертей.

Миронова приводит имена некоторых известных людей, умерших от тифа либо перенесших его: Л. Рейснер, Д.С. Лихачёв, А.С. Грин, В.П. Катаев и др.

Одной из особенностей тифа является поражение центральной нервной системы, что вызывает галлюцинации, бред. Переболевшие писатели оставили красочные описания перенесенного бреда в художественных произведениях. Так, например, в рассказе В. Катаева «Сэр Генри и черт» живописуется такая картина: «...От жары и духоты у меня в ухе завелись крысы – целое воню-

чье крысиное гнездо. Маленькие крысята возились и царапались, а большие крысы тяжело и мягко лежали на дне гнезда⁷⁷. Отвратительные ощущения крыс, жары, ослепляющего света писатель смог впоследствии пересказать. Катаеву представлялось, что лампочка на потолке расцветает хризантемой, в его сознание вторгались запахи и странные звуки, и при этом вокруг мерещились крысы» (цит. по: [3, с. 49]). Свой след тиф оставил не только в литературе и живописи, но и в философии. Выдающийся ученый В.И. Вернадский получил очень яркий мистический, религиозно-философский опыт за время болезни, который, по словам ученого, приблизил его к пониманию истины, подчеркивает Миронова.

Эпидемия изменила отношение Советской власти к врачам и медицинским работникам. Еще в 1881 г. было организовано Пироговское общество, объединявшее выдающихся и известных медиков и ученых, однако в 1918 г. оно было разогнано большевиками. Вместо этого был создан Наркомат здравоохранения, который возглавил Н.А. Семашко. Этой организации подчинялись все медицинские учреждения страны. Также был выпущен ряд декретов, направленных на борьбу с тифом. Но по мере нарастания заболевания правительству становилось ясно, что без привлечения старых дореволюционных врачей и медицинских работников эпидемии не победить. Были приняты репрессивные меры, направленные на то, чтобы удержать медиков в стране и заставить их работать на новую власть. Так, в частности, медицинским работникам был запрещен выезд за рубеж, а военнообязанные врачи и фельдшеры должны были явиться на призывные пункты.

Далее автор эмоционально, с привлечением примеров из художественной литературы описывает, как «умирали города», как люди буквально охотились хоть за какими-то медикаментами. «В городах-призраках живут теперь люди-тени. Вот почему сыпной тиф необычайная трагедия городов: городская повседневность теперь – не прогулки в парке, не театр и магазины, не культурные события и даже не семейная жизнь. Повседневность городов теперь – смерть» [2, с. 73].

Советская власть пыталась хоть как-то бороться с разрухой и антисанитарией, особенно в городах. Для этого проводились обязательные субботники и воскресники, «недели труда», во время которых горожане должны были чистить улицы, иногда под угро-

зой репрессий. Однако, по мнению Мироновой, эти кампании были малоэффективны. Нужна была систематическая, целенаправленная, постоянная работа по поддержанию чистоты в населенных пунктах. Еще одним фактором распространения инфекции были массовые уплотнения. Если в дом поделят красноармейца, то, скорее всего, он будет инфицирован и заболеют все жители квартиры [2, с. 106].

Распространению эпидемии способствовал голод. Как показывают документы, невозможно точно подсчитать, сколько людей умерло от голода, сколько от сыпняка, но, вероятно, речь идет о миллионах. По данным известного социолога первой половины XX в. П.А. Сорокина, в 47 губерниях население сократилось на 11 млн человек, и это не окончательные цифры [2, с. 110].

Полноценная борьба с тифом началась с января 1919 г. Среди принятых мер можно отметить организацию эпидемических отрядов на крупных вокзалах и создание специальных больничных отделений для заразных, тифозных больных. На конечных станциях проводилась, когда это было возможно, дезинфекция поездов. Следует отметить, что развитие железнодорожного сообщения сыграло двоякую роль. С одной стороны, поезда перевозили эвакуированных, завшивевших солдат, из-за чего распространялась инфекция по всей стране. С другой стороны, создавались специальные санитарные вагоны и поезда, медицинский персонал которых боролся с болезнями. Миронова подчеркивает, что на территориях, занятых Белой армией, ситуация, с тифом была не лучше, чем в остальной части страны. Но самая страшная ситуация сложилась в Поволжье, где разгул эпидемии совпал с чудовищным голодом.

Таким образом, подытоживает исследовательница, сыпной тиф – один из значимых эпизодов истории страны в 1920-х годах, когда болезнь приняла катастрофические масштабы. Развитию эпидемии способствовала трагическая обстановка в стране: Первая мировая война, пришедшая в упадок система здравоохранения, неурожайные годы, революция 1917 г., Гражданская война.

Вместе с тем следует помнить о ежедневных подвигах медиков разных уровней, боровшихся с болезнью, несмотря на всю тяжесть ситуации. Эпидемия тифа примерно с 1923 г. пошла на спад, хотя отдельные вспышки фиксировались до конца 1920-х годов.

В 1950-е годы было несколько вспышек заболевания, но высокой смертности удалось избежать. Со временем тиф постепенно сошел на нет. Но, к сожалению, на место эпидемий тифа – пришли другие эпидемии и пандемии.

Список литературы

1. Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XVI вв. : Сб. документов / под ред. Е.Е. Бергер, П.Ю. Уварова. – Москва : ИВИ РАН, 2020. – 162 с. – (Приложение к журналу «Средние века» ; вып. 11).
2. Миронова Н.А. Великая эпидемия : сыпной тиф в России в первые годы Советской власти / Ун-т Дмитрия Пожарского. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. – 320 с.
3. Михель Д.В. Эпидемии и глобальная история. – Москва : Весь мир, 2021. – 296 с.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 303.929; 94(47).045

ДУНАЕВА Ю.В.* Рец. на кн.: ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. ГОДУНОВ В КРУГУ РОДНИ (БИОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ). – Санкт-Петербург : Евразия, 2022. – 224 с.
DOI: 10.31249/rhist/2023.01.08

Ключевые слова: Смутное время; полиномия; теория биографии; Борис Годунов; Ирина Годунова.

Keywords: Time of Troubles; polynomy; biography theory; Boris Godunov; Irina Godunova.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 117–121. Рец. на кн.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни (Биографические разыскания). – Санкт-Петербург : Евразия, 2022. – 224 с. DOI: 10.31249/rhist/2023.01.08

Смутное время на Руси и жизнь Бориса Годунова (1552–1605) всегда привлекали внимание историков. Примерами того могут служить работа классика отечественной историографии историка С.Ф. Платонова, и фундаментальная биография Бориса Годунова, написанная нашим современником Р.Г. Скрынниковым¹.

Свой вклад в изучение личности Бориса Годунова вносит книга канд. филол. наук А.Ф. Литвиной (Лаборатория лингвосомиотики Школы филологических наук ф-та гуманитарных наук

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

¹ Платонов С.Ф. Борис Годунов. – Петроград : Огни, 1921. – 157 с.; Скрынников Р.Г. Борис Годунов. – Москва : АСТ, 2002. – 412 с.

НИУ ВШЭ) и член-корр. РАН Ф.Б. Успенского (Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, научно-учебная Лаборатория медиевистических исследований Школы исторических наук ф-та гуманитарных наук НИУ ВШЭ). Хотя авторы не историки, а филологи, ими проделана большая историческая работа и продемонстрирован оригинальный подход к изучаемой теме. Это не биография Бориса Годунова, а именно филологическое и историко-биографическое исследование. Поэтому предлагаю сосредоточиться не только на том, что рассказано, а на том, как рассказано и какие источники выбраны для этого.

Книга состоит из краткого предисловия и четырех глав. Следует отметить отсутствие заключения, что, конечно, обедняет исследование. Хотелось бы узнать выводы ученых о проделанной ими работе. Тем более что работа действительно оригинальна и сфокусирована на малоизученной теме истории Средних веков. Подчеркнем, что авторы не впервые обращаются к теме полиномии (многоименности) в средневековой русской культуре¹. Полиномия была распространенным явлением и встречалась во всех социальных слоях общества.

Основной предмет работы – это выявление имен и дат рождения Бориса Годунова, его теток и его сестры Ирины Годуновой, о которых в разных источниках приводятся разные сведения.

Исследователи отмечают скудность источниковой базы: «Ни сам царь, ни его близкие не ведут дневников, до нас доходят лишь ничтожные крохи их семейной переписки, а свидетельства русских историографов XVII столетия и побывавших при московском дворе иностранцев если и живописуют царский портрет, то делают это столь полемически страстно или, напротив, обобщенно условно, что зачастую не в силах удовлетворить нашего любопытства к этой почти неуловимой субстанции» (с. 8).

В первой главе авторы определяют дату рождения Бориса Годунова, сведения о которой расходятся. Они, рассмотрев несколько дошедших до нас источников, определяют день рождения Бориса Годунова 2 августа 1552 г.; что касается даты 12 августа, то

¹ См., например: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. – Санкт-Петербург : Евразия, 2020. – 128 с. и др.

она объясняется разницей юлианского и григорианского календарей. Исследователи приводят подробный анализ разных источников, в том числе дипломатических документов, но главным образом отчета Георга Тектандера фон дер Ябеля, который дважды побывал в Московском царстве, и рукописи отчета императорского посольства Генриха фон Логау. Это дало авторам возможность «достаточно уверенно утверждать, что Борис Годунов появился на свет 2 августа по старому стилю и, соответственно, 12 августа по новому. Это тем более правдоподобно, что полностью соответствует всей практике русского имянаречения той эпохи... Девять дней до дня рождения и имя столь любимого на Руси святого, как князь Борис, как нельзя лучше подходили мальчику, родившемуся 2/12 августа» (с. 25). В средневековой Руси, во всяком случае среди высших элитных сословий, день появления человека на свет играл чрезвычайно важную роль и в имянаречении, и в культуре личных патрональных святых, и в публичной жизни, поясняют Литвина и Успенский.

Во второй главе «Имена Годунова и небесные покровители его семьи» речь идет непосредственно об именах и традиции многоименности. Обязательным именем было данное при крещении, наряду с этим «могло быть еще одно имя, которое нарекалось либо по семейным, либо по родовым, либо по социальным соображениям. Такое имя становилось публичным, употреблялось в большинстве сфер социальной деятельности своего обладателя, а имя, данное при крещении, появлялось лишь в определенных ситуациях, связанных с религиозной деятельностью» (с. 41). Это имя также выбиралось из православного месяцеслова. «Так, сын Василия Темного, великий князь Иван / Тимофей († 1505), возводит церковь Иоанна Златоуста с приделом, посвященным апостолу Тимофею, а при его сыне – Василии / Гаврииле († 1533) – в тульском кремле освящается первый соборный храм в честь архангела Гавриила и Василия Парийского» (с. 42). Вдобавок к этому могло быть имя, не имеющее связи с христианским месяцесловом, например Голица, Овчина и т.п. Еще одно имя человек мог приобрести, если постригался в иночество. Таким образом, речь идет о наборе имен: крестильное имя, публичное некалендарное имя, публичное христианское имя, монашеское имя. Что касается Бориса

Годунова, то незадолго до смерти он принял иночество и был наречен Боголепом.

Далее авторы, используя в качестве основного источника иконы и артефакты с изображением рода Годуновых, опровергают другие варианты о полиномии царя. По их версии, небесными покровителями самодержца Бориса Годунова были святые Борис и Глеб. Что касается встречающихся на иконах связанных с Борисом Годуновым изображений святых Феодора Стратилата и Феодота Анкирского, то они были покровителями его сына – царевича Фёдора / Феодота Борисовича.

В третьей главе «Царские тетки» разбирается вопрос о ближайшем окружении Годунова. Известно, что Ирина и Борис рано лишились родителей: отец умер, когда они были детьми, а мать постриглась в монахини. Дети воспитывались в семье дяди – Дмитрия Ивановича Годунова. Именно благодаря ему они смогли попасть в царское окружение, утверждают авторы. Опираясь на данные Вкладных книг, Литвина и Успенский сообщают, что, судя по всему, первую жену Дмитрия Годунова звали Агриппиной или Аграфеной. Эти имена были даны ей при крещении. Когда она постриглась в монахини, то приняла имя Александра.

С установлением личностей второй и / или третьей жен возникают проблемы. В документах встречаются имена Стефаниды и Матроны (Матрёны). Дело в том, что в историографии сложилось два мнения о том, была ли это одна личность или две. Одни исследователи считают, что после смерти Агриппины Д. Годунов сначала женился на Матроне, а потом на Стефаниде Андреевне; согласно другому мнению, он сначала был женат на Стефаниде, а потом на Матроне. Авторы же утверждают, что Стефанида и Матрона – это одно и то же лицо. По разным причинам в текстах встречается то одно, то другое имя, что не противоречит многоименности в Средневековье. Источником, подтверждающим их позицию, является соответствующая информация из записей о здравии живущих и о поминании усопших. Так что исследователи вполне уверенно приходят к следующему выводу: «В свете общей картины употребления имен Матрона и Стефанида этому нельзя найти иного объяснения кроме того, что перед нами два мирских христианских имени одного и того же лица – Матроной она была наречена в честь св. Матроны Цареградской (9 ноября), а

Стефанидой – в честь мученицы Стефаниды Дамасской (11 ноября), причем вероятнее всего имя Матрона было получено ею при крещении» (с. 127). Известно также и то, что эта жена пережила своего мужа. Это подтверждается данными о распоряжении наследством умершего Д. Годунова его женой Стефанидой.

В заключительной, четвертой главе «Имена и даты в семье царицы Ирины», используя данные из Вкладных книг, авторы утверждают, что она была крещена именем Ирина в честь Ирины Иллариийской, а приняла постриг под именем Александры. Известно, что ей принадлежала икона, на которой изображена святая Фотина (Фотиния). Вероятно, Ирина и Фотина были ее патрональными святыми. Дату рождения Ирины Годуновой точно установить не удалось, но выдвигается версия, что она родилась в день св. Фотины – 20 марта. Что касается имени Ирина, то тогда оно было популярно и вполне подходило для женщины, принадлежавшей к высшим слоям общества. Вероятно, предполагают Литвинова и Успенский, эта покровительница обрела особое значение с того времени, когда Ирина стала царской невестой (с. 172). Со временем традиция многоименности в разных слоях русского общества уходит.

Итак, перед нами предстает плод масштабной, кропотливой филологической и исторической работы. В ходе исследования использованы разные источники и артефакты (иконы и т.п.). Повествование выстроено структурно и логично. Следует отметить прекрасный язык, благодаря чему его можно читать с неослабевающим интересом. В целом проведенная А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским работа вносит весомый вклад в устранение исторических пробелов в биографии Бориса и Ирины Годуновых, а также их близких родственников. Междисциплинарный характер этой работы показывает, как филологический подход может обогатить историческую биографию. Надеюсь, что авторы продолжают свою работу и внесут еще больший вклад в развитие исторической биографии и в изучение многоименности.

МЕДОВИЧЕВ А.Е.* Рец. на кн.: МЕХАМАДИЕВ Е.А. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В VII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX в.: АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2020. – 436 с.
DOI: 10.31249/rhist/2023.01.09

Ключевые слова: Византийская империя; византийская армия; фемная система: VII – первая половина IX в.

Keywords: Byzantine Empire; Byzantine army; theme system: 7th century to the first half of the 9th century.

Для цитирования: Медовичев А.Е. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 122–130. Рец. на кн.: Мехамадиев Е.А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в. : Административно-территориальный и социальный аспекты развития. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2020. – 436 с.
DOI: 10.31249/rhist/2023.01.09

Монография канд. ист. наук Е.А. Мехамадиева (Санкт-Петербургский гос. ун-т) представляет собой фундаментальное исследование военной организации и административного устройства Византийской (Восточной Римской) империи в период от времени правления императора Ираклия (610–641) до окончательной победы в 843 г. иконопочитания. Именно в этот период происходит формирование основ средневековой византийской государственности – так называемой фемной военно-административной системы и тесно связанной с ней системы военного (стратиотско-

* Медовичев Александр Евгеньевич – старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: asandr53@yandex.ru

го) землевладения. Однако вопросы о времени возникновения фемных округов, т.е. трансформации территорий размещения региональных армий в административно-территориальные единицы, связи фем с системой гражданского управления, юридического статуса «военных земель» и социального статуса военнообязанных крестьян – стратиотов остаются предметом острых дискуссий. При этом обзор обширной исследовательской литературы, посвященной изучению «фемного строя», демонстрирует повышенное внимание историков-византинистов к проблеме комплектования императорской армии, которая вытеснила проблему эволюции организационных структур на второй план¹. Таким образом, монография Мехмадиева, ориентированная, прежде всего, на анализ структурных реформ военно-административной системы Империи, вносит существенный вклад в преодоление существующего дисбаланса. Впрочем, в ней рассмотрены также проблемы военного землевладения и социального состава византийской армии в VIII – первой половине IX в.

Новизна подхода автора состоит в том, что он рассматривает византийскую армию не как единый большой организм, а как совокупность нескольких региональных армий, каждая из которых обладала определенной спецификой. Такой подход имеет под собой серьезные основания, поскольку формирование новых армейских группировок на базе подразделений восточно-римских войск, эвакуированных из захваченных арабами в середине VII в. провинций Ближнего Востока, происходило в разных регионах их новой дислокации отнюдь не синхронно. В этих условиях, как считает Мехмадиев, нет оснований говорить о едином процессе структурных преобразований в военной организации и военно-административной системе в целом.

В соответствии с избранным подходом автор видит главную свою задачу в том, чтобы выяснить, как создавалась та или иная региональная армия, какой была ее внутренняя структура, каким был механизм территориального размещения армий и статус территорий (провинций и групп провинций), которые они занимали,

¹ Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. : Развитие военно-административных структур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 51–52.

и, наконец, как происходила их трансформация в военно-административные округа – фемы.

Для решения поставленной задачи исследователь использовал практически весь имеющийся комплекс источников самых разных типов и жанров. Помимо классических базовых текстов («Хронография» Феофана, «Бревиарий» патриарха Никифора, «Обозрение истории» Иоанна Скилицы), он включает многочисленные агиографические сочинения, военные и административные трактаты, официальные юридические документы, труды арабских историков и географов, латинские и армянские хроники, эпиграфические материалы. В рамках общей тенденции повышения внимания к сфрагистическим источникам при изучении византийской военной организации Мехмадиевым использована достаточно представительная выборка печатей представителей византийской военной администрации, опубликованных в каталогах музейных и частных собраний России, США, Франции, Италии, Германии, Швейцарии, Австрии и Греции. Тексты печатей содержат данные о должностях и титулах командного состава и, соответственно, внутренней структуре региональных армий, позволяют датировать появление новых военных чинов и войсковых подразделений.

Краткий обзор всех категорий источников представлен во введении, а более подробный их анализ, а также обзор исследований по рассматриваемым сюжетам дается в четырех главах основной части книги в рамках изучения отдельных аспектов византийской военной организации и административной системы, системы военного землевладения, комплектования армий и социального статуса воинов. Прделанная автором детальная реконструкция процесса создания и развития византийских региональных армий и их военно-административных структур позволила ему сформулировать свой вариант концепции возникновения «фемного строя», предложенной не так давно британским византинистом Дж. Хэлдоном.

В историографии широкое признание получил выдвинутый еще в середине прошлого века югославским византинистом Г. Острогорским тезис о том, что слово «фема» (θέμα) первоначально обозначало армию, региональную войсковую группировку, а затем приобрело также значение военно-административного округа, в пределах которого эта «армия» размещалась. Возникновение

«фемной системы» военной организации Империи, как правило, рассматривается в контексте масштабного по средневековым меркам византийско-арабского противостояния и в тесной связи с изменением характера восточно-римской армии. На смену постоянной регулярной армии, комплектуемой преимущественно на основе рекрутского набора, а также путем вербовки наемников, приходят провинциальные ополчения свободных крестьян – воинов (*στρατιώται*). Именно создание крупных территориальных воинских контингентов, как считается, позволило Византии избежать военного разгрома в конфронтации с гораздо более сильным противником – арабским Халифатом. Со временем за традиционными районами формирования этих ополчений (фем), ставших основой полевых армий, также закрепилось название «фемы». Соответственно, создание «фемной системы» чаще всего датируется временем от середины VII до середины VIII в., когда Империя переживала период наиболее интенсивного натиска войск Халифата¹.

Однако, с точки зрения Мехмадиева, для такого заключения нет оснований. Дело в том, отмечает он, что проблема возникновения фемного строя и характера самих фем в научной литературе прошлого века изучались преимущественно на основе нарративных и публицистических источников, относящихся к IX–X вв., т.е. ко времени, когда «фемная система» уже вполне сформировалась. Данные сфрагистики использовались чаще всего в качестве вспомогательного материала. Между тем приоритетное внимание в современных исследованиях к данной категории источников показало, что в надписях на печатях византийских должностных лиц слово *θήμα* отсутствует вплоть до IX в. Вместе с тем имеется группа печатей, датированных в большинстве своем серединой VIII в., в текстах которых встречается термин *στρατηγία* («стратегия»). Впервые обративший на них внимание французский историк К. Цукерман высказал предположение, что первоначально, в VIII в., именно это слово служило официальным *terminus technicus* для обозначения того, что позднее, начиная с IX в., стало известно

¹ Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. : Развитие военно-административных структур. – Екатеринбург, 2013. – С. 7, 48; Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. : Проблемы истории одного столетия (976–1081). – Москва : Наука, 1977. – С. 244–248.

как $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$. Таким образом, фемные военно-территориальные округа существовали в VIII в., но назывались стратигиями¹.

Проанализировав ряд агиографических источников, Мехамадиев пришел к выводу о том, что в IX–X вв. слово *στρατηγία* обозначало армию, но не район ее дислокации. И, как считает исследователь, нет оснований полагать, что в VIII в. ситуация была иной. Скорее всего, какой-либо специальный термин, который можно было бы ассоциировать с военным округом, до IX в. вообще отсутствовал. Официально такие «округа», по-видимому, обозначались просто как *αἱ ἐπαρχίαι τῶν Ἀρμενιακῶν*, *αἱ ἐπαρχίαι τῶν Ἀνατολικῶν*, *αἱ ἐπαρχίαι τοῦ Ὀψικίου* etc., т.е. «провинции Армениаков», «провинции Анатоликов», «провинции Опсикия» и т.д. А поскольку первая печать, где упоминаются провинции той или иной армии, датируется 717–718 гг. (армия Армениак), то, полагает Мехамадиев, «нет оснований делать вывод о более раннем времени создания и существования новых военно-территориальных округов, вобравших в себя старые гражданские провинции» (с. 202–203).

Процесс прикрепления полевых армий к конкретным территориям происходил в течение всего VIII в., и только во второй половине столетия каждая «армия» занимала уже вполне определенную, постоянную группу провинций. Однако, как подчеркивает автор, даже применительно к концу VIII в. тексты печатей не содержат указаний на то, что эти группы *ἐπαρχίαι* образовывали некие новые и более крупные административные единицы со своими собственными органами управления. Напротив, печати показывают, что базовыми структурными единицами административного деления территории Империи оставались епархии, гражданские наместники которых осуществляли все управленческие, судебные и фискальные функции. Функции же стратигов, стоявших во главе региональных армий, состояли исключительно в военном командовании (с. 206–207).

Принципиальные изменения в административном устройстве Византии, по мнению Мехамадиева, произошли только в начале IX в. Подлинным создателем «фемного строя» он, вслед за Хэлдо-

¹ Zuckerman C. Learning from the Enemy and More : Studies in “Dark Centuries” Byzantium // *Millennium*. – 2005. – Jg. 2. – P. 129–132.

ном, считает императора Никифора I (802–811)¹. Предполагается, что в результате предпринятых Никифором в 809 г. ряда военных, финансовых и административных реформ территории дислокации региональных армий были преобразованы в новые военно-административные округа, «фемы», получившие названия соответствующих армий. При этом старые провинции (эпархии) были упразднены, а их бюрократический аппарат оказался в прямом подчинении стратигов, которые, таким образом, соединили в своих руках не только военные, но и гражданские полномочия, что, собственно, и является базовой чертой «классической фемной системы».

Соответственно, с точки зрения автора, нет оснований говорить, что термин *θέμα* приобрел территориальный смысл, которым ранее не обладал. Это слово изначально, с того момента, когда оно вошло в официальный административный лексикон Империи, обозначало именно территорию, определенный регион, в котором располагалась та или иная византийская армия, но не армию как таковую (с. 208–213). В этом аспекте позиция Мехмадиева отличается от концепции британского историка, по мнению которого фемы в качестве военных (но не административных, т.е. осуществляющих и гражданские функции) округов возникли уже в середине VII столетия².

Основанием для того, чтобы оценивать предпринятые Никифором I меры как столь масштабную трансформацию административно-территориального устройства Византии, является указание в «Хронографии» Феофана на поручение императора стратигам отслеживать появление крупных денежных средств у недавних бедняков. Мехмадиев и Хэлдон интерпретируют это как предоставление стратигам права контролировать процесс сбора и распределения налогов, что, по их мнению, означало фактическое превращение командующих в провинциальных наместников. Впрочем, как уже вполне справедливо отмечалось в научной литературе, рассматривать данное сообщение как свидетельство крупной

¹ См.: Haldon J. A context for two “evil deeds” : Nikephoros I and the originis of themata // *Le saint, le moine et le paysan. Méd’histoire Byzantine offerts à Michel Kaplan* / éd. par O. Delouis, P. Pagés. – Paris, 2016. – P. 245–265.

² Haldon J. Military Service, Military Lands and the Status of Soldiers : Current Problems and Interpretations // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1993. – Vol. 47. – P. 8.

реформы в военно-административной сфере вряд ли можно. Скорее, это была лишь попытка пополнить войско с наименьшими затратами для казны¹.

Другим основанием для датирования возникновения фем началом IX в., по мнению Е.А. Мехмадиева, является фиксируемая по данным сфрагистики замена службы гражданских чиновников коммеркиариев службой протонотариев, которые подчинялись непосредственно стратигу. Функцией тех и других было продовольственное и материальное обеспечение войск. Однако, как отмечает сам автор, последние печати коммеркиариев датируются концом 730-х годов (с. 215) – задолго до ликвидации гражданских провинций, которую он относит к 809 г.

В целом теория возникновения «фемной системы» только в начале IX в. пока не выглядит достаточно аргументированной. Примечательно (но не вполне убедительно), что эту позднюю дату Мехмадиев относит лишь к территории Малой Азии, тогда как на Балканах создание фем Фракия и Эллада он датирует 680–681 гг. и временем между 687 и 695 г. соответственно. Главную причину столь раннего появления фракийской фемы он усматривает в набегах болгар, которые заставили императора Константина IV (668–685) заменить гражданского наместника провинции стратигом (с. 279). Следует, однако, заметить, что во второй половине VII – первой половине VIII в. Малая Азия, т.е. основная в тот период территория Империи, являлась объектом не менее, если не более, масштабных и разрушительных вторжений армий Халифата. Теоретически, по крайней мере, в такой ситуации концентрация военной и гражданской власти в одних руках на этой территории выглядит гораздо более необходимой мерой, чем позднее, в начале IX в., когда столкновения с арабами уже не угрожали самому существованию Византии.

Как представляется, традиционный взгляд, предполагающий существование фем в качестве своего рода «военных округов» уже во второй половине VII – первой половине VIII в., было бы преждевременно считать лишены оснований. Нельзя также полностью исключать того, что эти округа могли называться стратегия-

¹ Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. – С. 111.

ми (как доказывает К. Цукерман). Если слово *θέμα* в IX–X вв., помимо обозначения «армия», «войсковая группировка», могло стать названием административных регионов Империи, то и слово *στρατηγία*, которое также имело значение «армия», в принципе могло обозначать и военный округ. В приводимых самим Мехмадиевым легендах печатей VIII в. фигурируют, в частности, *στρατηγίας Ἑλλάδος*, *στρατηγίας τῶν Θρακισίων*, *στρατηγίας τῶν Κυβεριωτῶν* – т.е. «стратегия Эллада», «стратегия Фракисиев», «стратегия Кивериотов» (с. 173–174).

В любом случае без наличия каких-то военно-территориальных структур (вне зависимости от того, как они официально назывались – «фемы», «стратегии» или вообще никак) в условиях, когда основная масса восточно-римских войск представляла собой провинциальные иррегулярные ополчения, мобилизация таких формирований вряд ли была возможна. Эти сезонные, по сути, ополчения военнообязанных крестьян (*στρατιῶται*), которые обеспечивали себя вооружением и снаряжением за собственный счет, созывались только на время военных действий, а по их окончании воины возвращались к обычным хозяйственным занятиям. Именно таким, по мнению большинства историков-византинистов и самого Мехмадиева, был характер византийских войск изучаемого периода (с. 367–368). Исходя из такого понимания специфики фемных «армий» не вполне удачным выглядит описание системы их комплектования с использованием понятия «рекрутский набор», который, как известно, служил способом пополнения постоянной регулярной армии, солдаты которой полностью вооружались и содержались за счет государства. Военная служба оставалась для них единственной сферой деятельности на длительный период, если не пожизненно.

Мобилизация фемных ополчений осуществлялась на основе списков воинов (*στρατιωτικὸν καταλόγος / κώδικες*), которые составлялись в каждой феме. Считается, что военная обязанность стратиотов изначально была личной, семейной и наследственной, но не поземельной. Юридическая связь между землей и военной службой в Византии отсутствовала вплоть до середины X в., когда наделы стратиотских семей стали регистрироваться в стратиотских каталогах вместе с именами самих воинов. В результате образова-

лась категория «военных земель» (*τά στρατιωτικά κτήματα*) с особым правовым статусом¹.

Однако Мехамадиев справедливо подчеркивает тот факт, что земля была, по сути, единственным средством, обеспечивающим возможность исполнения воинской повинности за собственный счет военнообязанными крестьянами. Поэтому, пишет он, логично предположить, что и до X в. при поступлении (добровольном или принудительном) в войско регистрации в стратиотских каталогах подлежали не только воины, т.е. конкретные физические лица, но и принадлежавшие им участки земли (с. 358–359).

По мнению большинства исследователей, с позицией которых полностью согласен и сам Мехамадиев, в Византии не получила сколько-нибудь заметного распространения практика предоставления государством земли индивидам при условии несения ими военной службы. Наделы византийских стратиотов по своему правовому статусу являлись их личной (семейной) собственностью (с. 367). Таким образом, как считается, условное служилое землевладение, столь характерное для многих средневековых (феодальных) обществ, в Византии фактически отсутствовало вплоть до XII в. Тем не менее есть основания полагать, что вопрос о правовом статусе «военных земель» вряд ли можно считать закрытым.

Впрочем, несмотря на то что некоторые положения представленной Мехамадиевым концепции «фемного строя», возможно, выглядят недостаточно обоснованными, что неудивительно в силу самого состояния источниковой базы по этому «темному периоду» византийской истории, предложенный автором вариант реконструкции процесса развития военно-административной системы Византии вполне вероятен. Рецензируемую монографию отличают тщательность и глубина анализа имеющихся источников, четкость формулировок. В целом монография Е.А. Мехамадиева, безусловно, является одним из самых заметных исследований в отечественной византинистике последних лет. Несомненно также и то, что любая дальнейшая дискуссия по данной проблеме не может быть успешной без самого внимательного анализа его системы аргументов.

¹ См.: Haldon J. *Military Service, Military Lands and the Status of Soldiers*. – P. 18.

УДК 94(47+57)«1936»:[316.6+323.2+342]

МИНЦ М.М.* Рец. на кн.: ВЕЛИКАНОВА О. КОНСТИТУЦИЯ 1936 ГОДА И МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТАЛИНИЗМА / авт. пер. с англ. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 352 с. : ил. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). DOI: 10.31249/rhist/2023.01.10

Ключевые слова: политическая культура СССР; массовые настроения в СССР; массовые кампании в СССР; конституция СССР 1936 г.

Keywords: USSR political culture; mass sentiment in the USSR; mass campaigns in the USSR; USSR constitution of 1936.

Для цитирования: Минц М.М. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 131–136. Рец. на кн.: Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма / авт. пер. с англ. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 352 с. : ил. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). DOI: 10.31249/rhist/2023.01.10

Новая книга Ольги Великановой – профессора русской истории в Университете Северного Техаса (США), специалиста по советской истории, автора монографий об общественном мнении в СССР – посвящена политической культуре населения Советского Союза в сталинский период. Исследование выполнено на материалах общественного обсуждения новой союзной конституции 1936 г. и таким образом продолжает как дискуссию о природе сталинизма и его социальной базе, так и споры о соотношении демократиче-

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

ских и авторитарных тенденций в российском массовом сознании. Автор подчеркивает, что ее интересует не политическая культура большевистской партийной элиты, которая к настоящему моменту изучена уже достаточно подробно, а именно массовая политическая культура рассматриваемого периода, насколько ее можно реконструировать по доступным на сегодня источникам. Она оговаривается, что изучение общественного мнения в авторитарных странах сталкивается с известными трудностями, поскольку «несвободные люди склонны некритично воспринимать официальную правду и боятся выражать оппозиционные взгляды» (с. 21–22), но все же склоняется к тому, что это вполне решаемая задача. Отчасти, по ее мнению, это подтверждают два наблюдения, которые она оценивает как две «главных находки» своего исследования, – «массовое неприятие обществом демократических принципов сталинской “священной” конституции, которое люди не боялись громко озвучивать», и «наличие либерального, примирительного дискурса в общественном сознании, несмотря на атмосферу нетерпимости, характерную для сталинской диктатуры» (с. 22). Книга состоит из 14 глав, из которых первые две носят вводный характер (собственно введение и обзор источников), главы 3–7 посвящены целям очередной общественной кампании, в главах 8–11 обсуждается сама дискуссия о новой конституции, в последних трех главах подводятся итоги исследования.

Работа основана на довольно обширной источниковой базе, включая документы четырех российских архивов (ГАРФ, РГАСПИ, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга), а также материалы британских и американских архивов. Автор разделяет используемые источники на три основных категории: документы советских государственных и партийных органов, донесения иностранных разведок и источники личного происхождения. Из официальных советских документов используются стенограммы собраний и заседаний, отчеты о состоявшихся собраниях и митингах (могли содержать пересказ вопросов и комментариев, поступивших от слушателей) и многочисленные обзоры настроений на местах, подготовленные органами НКВД, партийными чиновниками, Президиумом ЦИК СССР, а также Комиссией ЦИК по делам культов. Срав-

нение сводок, поступивших из разных ведомств, позволяет хотя бы частично преодолеть свойственную им тенденциозность и однобокость, поскольку в каждом ведомстве существовали свои корпоративная культура и мировоззрение. Отчеты разведок (английской и американской) о настроениях в СССР представляют собой взгляд на советскую систему со стороны. Из личных документов Великанова использует многочисленные «письма во власть», дневники, а также специфический ретроспективный источник – материалы Гарвардского проекта (интервью советских беженцев в Европе и Америке, собранные в 1950–1951 гг.).

Автор оговаривается, что используемые источники не позволяют измерить количественное распространение тех или иных точек зрения в обществе, так что ее книга не является исследованием общественного мнения в том смысле, в каком это понятие употребляется в современных социальных науках. Тем не менее качественный анализ отраженных в источниках взглядов и представлений (тематический анализ сохранившихся высказываний, вычленение паттернов и т.д.) вполне возможен. Во избежание путаницы Великанова предпочитает обозначать предмет своей работы словами «массовые восприятия / настроения / представления», избегая термина «общественное мнение». Важное значение она придает также сравнительному анализу источников разных видов и разного происхождения для проверки достоверности собранных данных. Следует отметить, что наличие отдельной главы, посвященной использованным источникам и методам их анализа, – это редкость даже в западной научной практике и тем более в российской. Такая рефлексия, безусловно, является сильной стороной книги и свидетельствует о высоком профессионализме исследователя.

По заключению Великановой, дискуссия о новой конституции, безусловно, не предназначалась для того, чтобы предоставить гражданам страны реальную возможность поучаствовать в законодательном процессе: по ее результатам в текст основного закона были внесены лишь несколько малозначительных поправок, хотя общее число официально зарегистрированных замечаний и предложений превысило 43 тыс., из которых более 23 тыс. относились к главе X «Основные права и обязанности граждан» и вообще никак не отразились на тексте конституции. Вместе с тем обсуждение новой конституции нельзя назвать и сугубо пропагандистской кам-

паний: скорее это был своеобразный «тест» на усвоение советским обществом новой идеологии и ценностей, включая коллективизм, солидарность, политическое единство, атеизм и др. Еще одним похожим «тестом» была перепись населения, проведенная 6 января 1937 г., всего через месяц после официального принятия новой конституции. Что касается самого основного закона, то и он, по мнению автора, не носил чисто декоративный характер, а отражал действительные представления Сталина о государственном устройстве страны победившего социализма. Всерьез делиться своей властью с кем бы то ни было «вождь», разумеется, не собирался, но в тексте конституции было достаточно лазеек, позволявших издавать законы, «реализующие» гарантированные в ней права выгодным для властей образом, или манипулировать выборами путем недопуска «неудобных» кандидатов. Выборы в этом контексте рассматривались скорее как инструмент для давления на местную бюрократию, а не как переход к подлинной политической конкуренции.

Великанова настаивает, что Сталин и его окружение вполне искренне верили в марксистский тезис о том, что политическая «надстройка» общества детерминирована социально-экономическим «базисом», следовательно, успешное построение социализма автоматически должно привести и к определенным политическим изменениям. Подтверждением тому, по ее словам, являются ставшие доступными рабочие записи членов Политбюро, а также их переписка. Как замечает исследовательница, Сталин нигде «не говорит и не пишет: “Я верю в одно, но перед публикой мы будем утверждать обратное”. Как в официальном дискурсе, так и в неформальном общении с коллегами Сталин прямо повторял одни и те же идеи. Документы, доступные историкам, не дают текстовых свидетельств скрытых намерений в отношении провозглашенных целей конституции и выборов» (с. 81).

Еще одно важное наблюдение состоит в том, что хотя формально подготовка новой конституции была инициирована Сталиным в 1935 г., фактическим «автором идеи» был не он, а А.С. Енукидзе, выдвигавший соответствующие предложения еще в 1933–1934 гг. (собственно процесс работы над текстом конституции в книге не рассматривается). Исключив его из партии и отправив в 1937 г. на расстрел, Сталин тем не менее «присвоил и развил идею, ликвидировав ее автора» (с. 52). Примечательно, что Ену-

кидзе в своих рассуждениях исходил из необходимости либерализации избирательного законодательства, включая равное представительство рабочих и крестьян в советах, что шло вразрез с действующей конституцией 1924 г. Свою позицию он также обосновывал победой социализма в СССР.

Результаты дискуссии, по мнению Великановой, разочаровали Сталина. Общество оказалось еще слишком разнородным и разобщенным, слишком индивидуализированным, при этом доля граждан, по-настоящему разделяющих официальную идеологию, по-прежнему была невелика. Кроме того, высокий уровень взаимной вражды привел к тому, что авторы многих комментариев к тексту конституции предостерегали партийное руководство от непродуманных решений, поскольку в стране, по их убеждению, оставалось еще слишком много врагов новой власти. Именно в этих обстоятельствах Великанова предлагает искать причины того, что период относительной «умеренности» 1933–1936 гг. сменился в 1937–1938 гг. Большим террором, важной составляющей которого были не только чистки в партийном и государственном аппарате, но и «массовые операции», направленные против широких слоев населения. Это соответствует выводам ряда других исследователей, также обращавших внимание на смену настроений Сталина на рубеже 1936–1937 гг. (с. 309–311). Книга Великановой, таким образом, вносит важный вклад в осмысление одного из самых катастрофических периодов российской истории.

Вместе с тем исследование показало, что материалы всенародной дискуссии содержат довольно подробную информацию об общественных настроениях того времени, поскольку многие участники обсуждения, несмотря на уже сформировавшуюся сталинскую диктатуру, выражали свое мнение достаточно смело и откровенно. Очередная массовая кампания застигла советское общество в переходном состоянии между аграрным обществом и городским, традиционным и современным, что обусловило значительную пестроту взглядов и жизненных позиций. Примечательно, что многие отзывы содержат критику положений новой конституции, показавшихся их авторам слишком «мягкими». В то же время другие материалы свидетельствуют о том, что даже в 1930-е годы в советском обществе по-прежнему были представлены не только ради-

кальные, революционные, но и традиционалистские, а также либеральные (в социологической терминологии – модерные) взгляды.

Отдельно следует отметить предпоследнюю главу монографии, где Великанова рассматривает политическую культуру интересующего ее периода в более широком историческом контексте, включая годы нэпа, послевоенный СССР, позднесоветский период и постсоветскую Россию. Помимо прочего это позволяет автору выявить такие устойчивые доминанты советского и современного российского общества, как традиционализм, патернализм, разобщенность и высокий уровень взаимного недоверия, нетерпимость, пренебрежительное отношение к демократическим ценностям, институтам и процедурам. Последнее, как это ни парадоксально, в определенной степени было свойственно даже реформаторам конца 1980-х – начала 1990-х годов (с. 326), что стало, по мнению автора, одной из причин неудачного исхода политических и экономических реформ и последующего разочарования значительной части населения в демократических ценностях. С данным выводом сложно не согласиться.

Резюмируя, можно констатировать, что книга Великановой представляет собой чрезвычайно обстоятельное исследование. Автор поставила себе непростую задачу – выявить и проанализировать политические взгляды и настроения простых советских граждан, используя колоссальный массив источников, как российских, так и иностранных. Ее выводы могут показаться неожиданными, но на поверку, пожалуй, они вполне обоснованны. Споры о том, была ли сталинская политика по-настоящему идеологизированной или основывалась исключительно на циничном расчете, продолжаются уже давно. Великанова вносит свой вклад в эту дискуссию, показывая на конкретных примерах, что холодная расчетливость в политическом мышлении Сталина и его соратников сочеталась с догматичной, но вполне искренней верой в марксистскую идеологию (сколь бы специфически она при этом ни понималась). Эта книга, безусловно, расширяет и углубляет наши знания о сталинской эпохе, она будет полезна не только специалистам по социальной истории, но и другим читателям, интересующимся Советским Союзом 1930-х годов.

РЕФЕРАТЫ

ГЛАВНОЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО В КОНСТАНТИНОПОЛЕ, 1920–1922 гг.: ИМЕННЫЕ СПИСКИ БЕЖЕНЦЕВ И ЧИНОВ РУССКОЙ АРМИИ : Сборник документов / сост. А.В. Ефимов. – Москва : Институт наследия, 2022. – Вып. 1. – 588 с.

Ключевые слова: Главное справочное бюро в Константинополе; российская эмиграция, 1920-е годы; история эмиграции.

Keywords: main information office in Constantinople; russian emigration in the 1920s; emigration history.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2023. – № 1. – С. 137–139. Реф. кн.: Главное справочное бюро в Константинополе, 1920–1922 гг. : Именные списки беженцев и чинов Русской армии. Сборник документов / сост. А.В. Ефимов. – Москва : Институт наследия, 2022. – Вып. 1. – 588 с.

Под эгидой Министерства культуры РФ и Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва начата публикация архивных документов по истории русской эмиграции. Реферируемый первый выпуск содержит более 5 тыс. личных записей за 1920–1922 гг.

Открывается сборник предисловием от составителя А.В. Ефимова, далее идут именные списки по разным рубрикам: «Общий список беженцев, июнь 1920 г.», «Общий список русских беженцев, эвакуированных из России, 1920 г.», «Список адресов за июль 1922 г.» и проч.

Константинополь был одним из центров российской эмиграции 1917–1920-х годов. С инициативой создания организации, которая вела бы учет беженцев, выступила графиня Варвара Николаевна Бобринская (1864–1940). В мае 1920 г. было создано Главное

справочное бюро, в котором собирались и хранились данные об эмигрантах не только Константинополя, но и Греческого архипелага и Египта. В бюро были как постоянные сотрудники (10 человек), так и временно нанимаемые. На каждого эмигранта заполнялась специальная регистрационная карточка (опросный лист), впоследствии они переносились на алфавитные карточки. «К 1922 г. в бюро хранилось: 1000 списков 162 000 бланков с именами и подробными сведениями о каждом беженце, 20 000 “цветных” карточек, десять альбомов с видом лагерей» (с. 2).

Несмотря на важность такой работы, постоянно возникали проблемы с финансированием бюро. Со временем встал вопрос о вывозе архива из Константинополя, однако сделать это не удалось. В ноябре 1922 г. В.Н. Бобринская получает распоряжение о сожжении архива. Все данные о беженцах и эмигрантах должны были быть уничтожены – такое указание было дано консульской частью Дипломатической миссии в Константинополе. Основной архив Главного справочного бюро, упакованный в шесть ящиков, был сожжен.

Графиня В.Н. Бобринская прекрасно понимала важность, в том числе и для будущих поколений, собранной информации. Ей удалось спасти часть документов и передать их впоследствии в Русский заграничный исторический архив в Праге. В настоящее время документы хранятся в ГА РФ. «В фонде, имеющем одну опись, содержится 216 единиц хранения, это документы по организации бюро, доклады и отчеты В.Н. Бобринской; немногочисленные анкеты, списки эмигрантов, выехавших в 1920 г. и проживающих в Константинополе и его окрестностях, на Балканах, на островах Греческого архипелага, в Египте; переписка с комендантами русских лагерей и представителями эмигрантских организаций о регистрации эмигрантов, альбомы с фотографиями о жизни эмигрантов в Галлиполи, в районе Константинополя, на о. Лемнос, в Египте» (с. 6).

Составитель сборника А.В. Ефимов отмечает, что, несмотря на плохую сохранность (отсутствуют первые листы, внесены многочисленные исправления и т.п.), публикуемые материалы имеют большое значение для истории русской эмиграции и биографических исследований.

Также в сборнике приведена информация о деятельности Института наследия. Например, в 2020–2021 гг. велась работа по созданию электронного именного списка русских беженцев и армейских чинов. Были обработаны данные эвакуаций из Одессы, Крыма и с других территорий Юга России. Также учитывалось место размещения эмигрантов – это район Константинополя, Галлиполи, о. Лемнос и Египет. Было проведено фронтальное изучение документов и выявлено более 80 тыс. имен, что составляет почти половину всех лиц, учтенных к 1922 г.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: jvd14@inbox.ru

КЁРБЕР Дж. ПОГРАНИЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ: СОВЕТСКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ЕВРЕИ ПОД ВЛАСТЬЮ ГИТЛЕРА
KOERBER J. Borderland generation : Soviet and Polish Jews under Hitler. – Syracuse : Syracuse University Press, 2020. – XVI, 483 p.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Холокост; советские и польские евреи во Второй мировой войне.

Keywords: World War II; the Holocaust; soviet and polish jews in World War II.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : 2023. – № 1. – С. 140–144. Реф. кн.: Kober J. Borderland generation: Soviet and Polish Jews under Hitler. – Syracuse: Syracuse University Press, 2020. – XVI, 483 p.

Джеффри Кёрбер – доцент Чепменского университета (Ориндж, Калифорния, США).

Монография представляет собою сравнительный анализ опыта советских и польских евреев, переживших Холокост, прежде всего молодого поколения, родившегося в межвоенный период. Исследование выполнено главным образом на материале Витебска и Гродно, до революции входивших в черту оседлости. В результате Первой мировой войны, Гражданской войны в России и Советско-польской войны 1919–1921 гг. Гродно отошло к Польше, тогда как Витебск остался в составе РСФСР и в 1924 г. был передан в состав Белорусской ССР. Таким образом, в последующие годы развитие обоих городов происходило уже по совершенно разным траекториям, что неизбежно отразилось и на жизни их еврейского населения. Даже после присоединения Западной Белоруссии к Советскому Союзу в 1939 г. сталинское руководство проводило на этой территории иную политику, нежели к востоку от старой гра-

ницы. Различалась и оккупационная политика нацистов в 1941–1944 гг. в современных Витебской и Гродненской областях. Столь разные внешние условия на всем протяжении изучаемого периода (хронологически исследование Кёрбера охватывает 1933–1948 гг.) обусловили серьезные различия в жизненном опыте еврейской молодежи и, как следствие, – разную реакцию на нацистское вторжение и разные практики выживания. В своей работе автор подробно рассматривает эти различия и анализирует их причины.

Исследование основано на обширной и довольно разнообразной источниковой базе, включая документы из государственных архивов Витебска и Гродно, архивные коллекции «Джойнта»¹, Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне, Еврейского научного института в Нью-Йорке (YIVO), газеты и художественную литературу на идише и значительный массив источников личного происхождения (воспоминания и материалы устной истории).

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. Последовательность глав отражает сравнительный характер исследования: в первых двух главах рассматривается ситуация соответственно в Витебске и Гродно в 1933–1939 гг., в третьей главе – перемены, произошедшие в Гродно в сентябре 1939 – июне 1941 г. после присоединения к СССР. Следующие три главы выстроены по хронологическому принципу: в четвертой главе описывается положение белорусских евреев в последние полтора года перед нацистской агрессией (январь 1940 – июнь 1941 г.), пятая глава охватывает период с июня по ноябрь 1941 г. (от начала операции «Барбаросса» до ликвидации Витебского гетто), шестая – с ноября 1941 по март 1943 г. (до ликвидации Гродненского гетто). Заключительная седьмая глава посвящена практикам выживания в условиях Катастрофы и попыткам уцелевших евреев наладить новую жизнь в первые послевоенные годы; хронологически глава соответствует периоду с 1942 по 1948 г.

Как показывает автор, жизнь евреев Гродно и Витебска в межвоенный период протекала в очень разных условиях. В Поль-

¹ Американский еврейский объединенный распределительный комитет (англ. American Jewish Joint Distribution Committee, сокр. JDC или Joint / «Джойнт») – крупнейшая еврейская благотворительная организация, созданная в 1914 г., со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

ше в это время уровень национализма и антисемитизма был довольно высоким, так что польские евреи оказались в достаточно враждебном окружении, их экономические возможности были предельно ограничены. Как следствие, гродненские евреи оставались по преимуществу замкнутой общиной, слабо связанной с окружающим христианским населением. Социальные связи внутри этой общины, напротив, были довольно тесными и развитыми. Среди молодежи широкой популярностью пользовались различные политические группы сионистского и социалистического толка, активно поддерживались и неформальные дружеские отношения между сверстниками.

В Советском Союзе в 1920-е – первой половине 1930-х годов проявлений антисемитизма было сравнительно мало (он еще рассматривался официально как антисоветские взгляды). Национальная еврейская культура поддерживалась властями, функционировали еврейские школы с преподаванием на идише и т.д. Ситуация стала меняться в годы Большого террора. На фоне репрессий начал возвращаться бытовой антисемитизм, поскольку евреи часто воспринимались обывательским сознанием как основные «виновники» массовых арестов и казней. В это же время евреи снова оказались и под подозрением у властей – как принципиально «трансграничная» нация, не только не имеющая территории компактного проживания внутри СССР, но и тесно связанная родственными отношениями с соседними государствами, возникшими на обломках бывшей Российской империи. Это привело к пересмотру прежней культурной политики, в 1938 г. в Витебске были закрыты еврейские школы. Атмосфера страха и взаимного недоверия, характерная для периода сталинских репрессий, привела к серьезной атомизации общества, включая и евреев. Закрытие еврейских школ способствовало нарастающей ассимиляции еврейской молодежи – тем более что и сами молодые люди, и их родители зачастую рассматривали русский язык как более предпочтительный, нежели идиш, так как преподавание на русском было более качественным и обеспечивало более широкие карьерные возможности.

После раздела Польши между СССР и нацистской Германией в сентябре 1939 г. и включения Гродно в состав Белорусской ССР политические группировки, сложившиеся в межвоенный период (включая как сионистов, так и социалистов-бундовцев), ока-

зались под запретом. В то же время были сняты дискриминационные ограничения, действовавшие ранее в Польше. Поощрялось и развитие еврейской культуры, включая преподавание на идише (тем самым, как отмечает автор, сталинское правительство проводило в бывшей Восточной Польше ту самую политику, от которой уже отказалось в остальной части Союза). Часть еврейских детей и подростков успели вступить в пионерскую организацию и комсомол, другие продолжали участвовать – теперь уже подпольно – в прежних сионистских и бундовских организациях. Общая тенденция к поддержанию широких социальных связей сохранилась, таким образом, и при новой власти, что резко отличало гродненских евреев от витебских.

С началом операции «Барбаросса» оба города довольно быстро оказались под нацистской оккупацией (Гродно – уже 23 июня 1941 г., Витебск – 11 июля). При этом Гродно было вскоре аннексировано Германией в составе вновь созданного округа Белосток; в городе заработала гражданская администрация. Витебск, напротив, официально относился к тыловому району группы армий «Центр» и оставался под военным управлением. Эта разница в административном статусе (вкуче с разной степенью близости к линии фронта) обусловила и различия в оккупационной политике нацистов. Гетто в Витебске было создано летом 1941 г. и просуществовало совсем недолго: большинство его узников были расстреляны уже в октябре. Гродненские евреи были переселены в гетто существенно позже, в ноябре 1941 г., и долгое время использовались местной администрацией в качестве дешевой подневольной рабочей силы. Отправка узников гетто в лагеря уничтожения в Трешлинке и Аушвице началась в ноябре 1942 г.; лагерное подполье в этих условиях пыталось организовать восстание, но неудачно.

Различия в индивидуальном опыте выживания среди евреев из Витебска и Гродно во многом были обусловлены этими внешними условиями, но, по мнению автора, важную роль сыграл и социальный опыт, накопленный в предшествующие годы. Для гродненских евреев был характерен высокий уровень солидарности и самоорганизации, не только в гетто, но и после отправки в концлагеря. Многие выжившие выходцы из Гродно уцелели именно благодаря этой готовности к взаимопомощи, в свою очередь основанной на широких социальных связях.

После окончания войны эти же социальные навыки помогли выжившим завести новые семьи и начать новую жизнь на свободе; многие из них сумели остаться за границей. Среди витебских евреев уровень самоорганизации был гораздо ниже. Многим уцелевшим выходцам из Витебска удалось спастись, выдавая себя за неевреев (русских, белорусов или татар), что было нехарактерно для польских евреев, включая гродненских. В этом им помогли знания и навыки, приобретенные в конце 1930-х – начале 1940-х годов (не в последнюю очередь – хорошее знание русского языка). Кроме того, части витебских евреев удалось эвакуироваться на восток в первые дни войны, еще до того, как к городу прорвались германские войска. После войны большинство выходцев из Витебска остались или были возвращены в СССР. Довоенный опыт помог им адаптироваться к жизни в послевоенном советском государстве с характерным для него высоким уровнем антисемитизма.

*М.М. Мицц**

* Мицц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

ФАЙНБЕРГ Д. КОРРЕСПОНДЕНТЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: СОВЕТСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ РЕПОРТЁРЫ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

FAINBERG D. Cold War correspondents : Soviet and American reporters on the ideological frontlines. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2020. – VIII, 359 p.

Ключевые слова: холодная война; средства массовой информации в СССР и США; восприятие США в СССР; восприятие СССР в США.

Keywords: cold war; the media in the USSR and the USA; images of the USSR in the USA; images of the USA in the USSR.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : 2023. – № 1. – С. 145–149. Реф. кн. : Fainberg D. Cold War correspondents : Soviet and American reporters on the ideological frontlines. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020. – VIII, 359 p.

Дина Файнберг – старший преподаватель Лондонского городского университета, специалист по советской истории, истории культуры, пропаганды и СМИ в период холодной войны, позднему социализму и т.д.

В книге рассматривается деятельность советских корреспондентов в США и американских – в СССР в 1945–1991 гг., и прежде всего – восприятие теми и другими противоположной стороны глобального конфликта. Автор обращает внимание на то, что в условиях закрытых границ именно пресса являлась основным источником информации о конкурирующем государстве, его политической системе и жителях. При этом восприятие страны пребывания и ее отражение в публикуемых материалах как у советских журналистов, так и у их американских коллег в значительной степени

определялось идеологическими стереотипами холодной войны, которые, в свою очередь, сами непрерывно эволюционировали по мере того, как менялись отношения между двумя странами. В то же время именно журналисты внесли немалый вклад в постепенный пересмотр этих стереотипов. Несмотря на все различия двух социально-политических систем, опыт советских и американских журналистов, работавших на «вражеской» территории, обнаруживает значительное сходство, что делает возможным его сравнительный анализ, попытку которого и предпринимает в своей книге Д. Файнберг. «Эта книга, – отмечает она, – показывает, что главное различие между советскими и американскими репортерами-международниками состояло не в том, *влияла ли* идеология на журналистику, а в том, *как* она на нее влияла» (с. 2, выделено в тексте).

Источниковую базу исследования составили правительственные документы, архивы отдельных газет и новостных агентств, личные архивы журналистов, материалы устной истории, а также сами публикации американских и советских корреспондентов, особенно книги и серии статей, напечатанные после возвращения на родину. В общей сложности в работе используются документы 14 архивов и рукописных отделов библиотек (семи российских, шести американских и архива Центра восточно-европейских исследований Бременского университета), восемь цифровых архивов и 16 устных интервью, собранных Файнберг в 2007–2014 гг.

Книга состоит из введения, семи глав, объединенных в четыре части, и заключения. Части выстроены по хронологическому принципу (поздний сталинизм – период от смерти Сталина до смещения Хрущёва – брежневские годы – перестройка); первые три из них включают в себя по две главы, описывающих, соответственно, деятельность советских и американских журналистов. Четвертая часть содержит только одну главу.

Как показано во введении, уникальная особенность холодной войны состояла в том, что этот конфликт осмыслялся обеими сторонами как идеологический (с одной стороны – как борьба в защиту свободы от тирании, с другой – как борьба за торжество социализма); отсюда представление о том, что неизбежное в будущем поражение противника станет также исторически обусловленной

победой прогресса. В подобной ситуации не только Америка оказывалась для Советского Союза идеологическим и культурным «другим», образ которого влиял на самосознание самих советских граждан, но и образ СССР был не менее важен для самосознания американцев.

При этом идеологические различия между СССР и США обуславливали разное понимание роли прессы в обществе, что отражалось и на самосознании журналистов, и на профессиональных стандартах качества. В Соединенных Штатах СМИ воспринимались как самостоятельный общественный институт, полностью независимый от государства, более того – как один из инструментов общественного контроля над деятельностью правительства и чиновников. В своей работе американские журналисты исходили из того, что абсолютной истины не бывает; отсюда вытекали такие принципы, как необходимость показывать разные точки зрения по описываемому вопросу, строгое разграничение между журналистикой и литературой, а также между журналистикой факта и аналитикой, обязательность проверки фактов по разным источникам и т.д. Реальная ситуация была гораздо сложнее, поскольку крупнейшие СМИ были достаточно тесно связаны с политическим истеблишментом, но тем не менее американские журналисты были в довольно значительной степени автономны.

Положение и самовосприятие советских журналистов во многом определялось тем, что КПСС считала себя носителем абсолютной истины, а журналисты наряду с писателями рассматривались как «инженеры человеческих душ». В результате единичное событие зачастую оказывалось вторичным по отношению к универсальным законам, которые в нем предположительно проявились; отсюда отсутствие жесткой границы между журналистикой и писательством и часто достаточно вольное, по западным меркам, обращение с фактами. При столь различных системах ценностей американские журналисты воспринимали своих советских коллег как партийных пропагандистов, тогда как в Советском Союзе считалось, что западная пресса обслуживает интересы буржуазии, а ее независимость является лишь ширмой.

Взаимные предубеждения проявлялись даже на повседневном уровне. Так, атмосфера, в которой работали советские корреспонденты,

понденты в США в конце 1940-х годов, была столь же враждебной и даже в деталях мало чем отличалась от атмосферы, в которой в те же годы работали американские корреспонденты в СССР (с. 1). В дальнейшем отношение к иностранным журналистам стало более терпимым. Кроме того, общение американских и советских репортеров между собой и с населением страны пребывания оказывало свое влияние на их мировоззрение, так что между представителями двух наций происходил и своеобразный диалог.

В заключении автор отмечает, что «холодная война породила политическую культуру, в которой преобладало бинарное противопоставление “правды” и “лжи”, и эта культура осталась в самом сердце идеологического конфликта между сверхдержавами, несмотря даже на то, что его контуры смещались с годами» (с. 269). Это обусловило особое внимание к прессе по обе стороны железного занавеса, поскольку от журналистов ожидали, что они, с одной стороны, будут противодействовать «вражеской» пропаганде, а с другой – помогут своим согражданам больше узнать о конкурирующей стране и в том числе оценить преимущества своей собственной страны и ее социально-политического строя. Автор ссылается на книгу Масуды Хадзиму о холодной войне¹, где он разграничивает такие составляющие этого конфликта, как «элитный дискурс», порождаемый экспертами и политиками, и «сконструированная реальность», в построении которой активно участвовали широкие слои населения, осмысляя глобальное противоборство сверхдержав на повседневном уровне. Важным связующим звеном между этими двумя дискурсами, по мнению Файнберг, как раз и являлись журналисты, чей субъективный опыт работы в стране пребывания, осмысленный в соответствии с ценностями социализма или либеральной демократии, затем транслировался читателям уже в качестве «объективного знания», которое «учило их, как думать о себе в сравнении с противником» (с. 270). В то же время собранный ею материал показывает, что многолетний опыт работы за границей помогал журналистам хотя бы отчасти преодолевать свои предубеждения. Многие из репортажей, которые ей довелось проанализировать, написаны с явной симпатией к жителям страны

¹ Masuda H. Cold War crucible : the Korean conflict and the postwar world. – Cambridge (Mass.) : Harvard univ. press, 2014. – VI, 388 p. : ill.

*Реф. ст.: Файнберг Д. Корреспонденты холодной войны:
советские и американские репортеры на идеологическом фронте*

проживания. Таким образом, усилия многочисленных журналистов не пропали даром и действительно способствовали достижению лучшего взаимопонимания между народами двух стран.

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

ГОЛУБЕВ А. ПОВСЕДНЕВНЫЕ ВЕЩИ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР
ПОЗДНЕЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

GOLUBEV A. The things of life : materiality in late Soviet Russia. – Ithaca : Cornell University Press, 2020. – XVIII, 220 p.

Ключевые слова: позднесоветский период; история повседневности; материальная культура СССР 1960-1980-х годов.

Keywords: late Soviet period; history of everyday life; the material culture of the USSR in the 1960 s and 1980 s.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : 2023. – № 1. – С. 150–154. Реф. кн. : Golubev A. The things of life : materiality in late Soviet Russia. – Ithaca: Cornell University Press, 2020. – XVIII, 220 p.

Алексей Голубев – доцент Хьюстонского университета (США), специалист по российской и советской истории, новейшей истории Европы, истории материальной культуры, науковедению и таким современным методологическим направлениям, как транснациональная история, устная история и цифровая история.

В книге рассматривается материальное окружение советских граждан в 1960-1980-е годы. Исследование выполнено на стыке истории материальной культуры и истории повседневности с особым акцентом на историю вещей как таковых, историю взаимодействия между человеком и вещами, а также на значение этих взаимодействий для самовосприятия людей и восприятия ими окружающей реальности. Автор использует термин «стихийный материализм», заимствованный из марксистской истории философии, обозначая им в данном случае особый тип восприятия вещного мира, при котором материальным предметам как бы приписывается самостоятельная роль в социальных взаимодействиях. Такое

восприятие, отражение которого можно заметить и в официальных документах, и в материалах устной истории, часто рассматривается как наивное, но в то же время отражает тот факт, что материальное окружение может оказывать довольно сильное влияние на повседневную жизнь человека и его мышление (это справедливо отнюдь не только для Советского Союза). Работа А. Голубева, таким образом, продолжает своеобразный «материальный поворот», наметившийся в историографии в 2000-е годы, с характерным для него отходом от прежнего антропоцентризма в исследованиях и повышенным вниманием к истории материального мира как внешней среды, которая не только является фоном для исторических и культурных процессов, но и в известной степени определяет их характер и содержание.

Особое внимание к истории вещей позволяет Голубеву добиться определенного «остранения» изучаемых предметов материальной культуры (остранение – литературный термин, заимствованный автором у В.Б. Шкловского), взглянуть на них под новым углом зрения, не упуская и тех мелких, но важных подробностей, на которые мы обычно не обращаем внимания, по привычке рассматривая их как несущественные. Автор, однако, оговаривает во введении, что история вещей не является для него самоцелью. Применяемый им подход важен не сам по себе, а как инструмент, позволяющий более подробно и внимательно исследовать картину мира и самовосприятие представителей различных социальных групп, преодолев ограничения традиционной истории повседневности. Помимо прочего такой подход позволяет проследить представления и особенности поведения, не обусловленные напрямую господствующей идеологией, а также тщательнее проанализировать социальную структуру общества и социальные иерархии, тогда как в рамках антропоцентрической истории повседневности многие из этих подробностей остаются вне поля зрения исследователя.

В книге используются документы четырех российских архивов (Национальный архив республики Карелия, научный архив музея-заповедника «Кижский полог», Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга), в том числе документы местных и региональных партийных организаций, государ-

ственных учреждений, общественных организаций, кружков при дворцах пионеров и т.д. Из опубликованных источников особое внимание уделяется журналам «Техника – молодежи», «Моделист-конструктор» и «Наука и жизнь»; Голубев анализирует также значительный массив популярных книг, выпущенных как центральными, так и местными издательствами. В качестве дополнительного источника привлекаются собранные автором интервью, а также его электронная переписка с информантами.

Монография состоит из введения, шести тематических глав и заключения. Материальный мир советского человека – тема довольно обширная, так что в книге Голубева она рассматривается лишь выборочно; по словам самого автора, он анализирует те составляющие материальной среды, которые оказали наибольшее влияние на самоощущение жителей позднего СССР, восприятие ими своей эпохи и окружающего пространства. Это повлияло и на структуру его работы. Первые три главы посвящены различным аспектам восприятия исторического времени и взаимосвязи этого восприятия с материальной культурой. В первой главе рассматриваются технократические утопии в советской интеллектуальной среде в период после 1953 г., во многом повлиявшие на повседневный «стихийный материализм» широких слоев населения и, в свою очередь, испытавшие влияние повседневного взаимодействия с различной техникой. Вторая глава описывает феномен советского моделизма. Модели и особенно коллекции моделей отражали определенное представление об историческом времени, – например, демонстрировали промышленный и технологический потенциал Советского Союза. В третьей главе Голубев рассматривает процесс музеефикации памятников деревянного зодчества, получивший бурное развитие в изучаемый период. Интерес к деревянной архитектуре (как и к реконструкции деревянных судов) также отражал определенное отношение к истории, но в данном случае акцент делался не на прогрессе, а, наоборот, на обращении к «корням».

В следующих двух главах автор переходит от временного измерения советской повседневности к пространственному и от интеллектуальной среды к опыту маргинализированных социальных групп. Так, в четвертой главе рассматриваются лестничные площадки в многоквартирных домах как специфическое социальное пространство, реальное функционирование которого во мно-

гом отличалось от первоначального замысла. Пятая глава посвящена клубам бодибилдинга, которые в позднесоветский период функционировали на полулегальных основаниях в подвалах жилых домов. Бодибилдинг официально осуждался властями и не входил в число признанных видов спорта; сами культуристы при этом, как ни парадоксально, в большинстве своем разделяли советские ценности и оставались лояльными к правящему режиму. Наконец, в завершающей шестой главе рассматривается феномен советского телевидения, прежде всего место и роль телевизора в повседневном обиходе. Отдельный параграф посвящен передачам о паранормальных явлениях, выходявшим в последние годы перестройки, включая выступления А.М. Кашпировского и А.В. Чумака.

Подводя итоги, автор подчеркивает, что материальный мир влияет на социокультурную сферу не напрямую, а опосредованно, через те эмоциональные реакции, которые вызывают у людей материальные вещи. В этом его подход отчасти расходится с «новым материализмом» начала 2000-х годов.

Как показывает собранный автором материал, повседневное поведение и мышление советских граждан 1960–1980-х годов не было в полной мере детерминировано господствующей идеологией и языком, поскольку окружающие вещи провоцировали спонтанные реакции и ассоциации, далеко не всегда совпадавшие с теми концепциями и нормами, которые транслировались властями и интеллектуальной элитой. Это, в свою очередь, порождало новые идентичности и новые социальные дискуссии и конфликты, подрывавшие усилия властей и интеллигенции по построению нового общества.

Изучение истории вещей позволяет также скорректировать наши представления о месте Советского Союза в глобальном контексте. Исследование Голубева свидетельствует о том, что позднесоветское общество было достаточно тесно интегрировано в мировые социокультурные процессы, касающиеся взаимоотношений между человеком и материальным миром, и активно заимствовало новые идеи и практики, циркулировавшие на транснациональном уровне (тот же бодибилдинг среди мужчин, но также увлечение аэробикой среди женщин в 1980-е годы; технология выпуска готовых пластиковых деталей для сборки моделей была заимствована из Великобритании; идеи музеефикации памятников деревянного

зодчества – из Швеции и т.д.). При этом разные идеи и практики циркулировали в разных социальных группах, так что социально-классовые границы зачастую оказывались гораздо более значимыми, нежели границы между государствами или между капиталистическим миром и странами социалистического блока. Это ставит под вопрос представление о существовании специфически советского варианта модерности, что необходимо учитывать при изучении и преподавании российской истории.

М.М. Минц *

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2023 № 1

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 27.12.2022

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. 9,75

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 7,7

Заказ № 95

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, 117418

<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

